Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 4

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

ЭЛЬЧИН. **Последний день Сальери.** *Пьеса. Рассказы* 3
Натиг РАСУЛЗАДЕ. **Сны идиота.** *Повесть* 43
Мубариз ДЖАФАРЛИ. **Зеркало.** *Рассказ* 69
Наиля НАДИР. **Так надо**. *Рассказ* 76
Лейла МАМЕДОВА. *Рассказы* 81
Эрих ГАУЗЕР. *Рассказы* 115

ПОЭЗИЯ

Ирина ЕВСА. *Стихи* 28
Борис ГУБЕРМАН. *Стихи* 63
Наиля НАДИР. *Стихи* 75
Из поэтического альманаха «Норд» (Баку, 1926). *Стихи* 112

ПУБЛИЦИСТИКА

Руслан СЕМЯШКИН. **Памяти Кара Караева** 32
Низами ТАГИСОЙ. **Несколько слов о мистических мотивах в азербайджанской литературе** 72
Гюляр АБДУЛЛАБЕКОВА. **Милан Кундера и его романы** 79
Александр ХАКИМОВ. **Дивлюсь я на небо та й думку гадаю…** 122

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**

Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**

Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**

Литсотрудники – **Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ**
https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474
https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg

Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 5.03. 2023 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2023г

.

ЭЛЬЧИН

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ САЛЬЕРИ

(Одноактная пьеса)

Антонио Сальери
Терезия фон Хельферсторфер
Амадей Моцарт

Вена. Клиника для душевнобольных. 7 мая 1825 г.
Сальери на смертном одре. Свет на темной сцене освещает только его ложе. Он возбужденно машет руками, будто пытается кого-то прогнать от себя.

САЛЬЕРИ. Отойдите!.. Убирайтесь!.. Все!.. Все вы!.. Не пойду, отстаньте от меня!.. Не хочу!.. Нет!.. Нет!.. *(Мечется.)* Куда вы меня ведете? *(Громче.)* Не пойду!.. Не пойду!..

Сцена медленно освещается. Справа от кровати Сальери в глубине сцены появляется клавесин. В полутьме свет падает на Терезию.

ТЕРЕЗИЯ *(взволнованно).* Антонио!.. Успокойся!.. Антонио!..

САЛЬЕРИ. Терезия? *(Выпрямляясь, в панике.)* Терезия, иди сюда!.. Иди сюда!.. Быстрее, Терезия!.. (*Терезия подходит к кровати Сальери и берет его за руку.)* Да!.. Да!.. Сожми мою руку!.. Сожми…

ТЕРЕЗИЯ. Твои руки такие холодные…

САЛЬЕРИ. Сожми! Сожми мою руку… Смотри, увидев тебя, он бежит… И другие тоже бегут…

ТЕРЕЗИЯ. Кто?

САЛЬЕРИ. Не уходи никуда. Будь рядом, Терезия, не оставляй меня. Он не дает мне покоя. Он снова вернется.

ТЕРЕЗИЯ. Кто, Антонио, кто?

САЛЬЕРИ. Дьявол!.. Дьявол преследует меня!.. Хочет увести меня с собой…

ТЕРЕЗИЯ. Успокойся, Антонио.

САЛЬЕРИ. А другие помогают ему!..

ТЕРЕЗИЯ. Я с тобой, не бойся… Успокойся.

САЛЬЕРИ. Да. Увидев тебя, он сбежал. Но вернется снова. Вернется. Я боюсь, Терезия. Он заберет меня с собой.

ТЕРЕЗИЯ. Он никуда не сможет увести тебя, Антонио. Он обманывает тебя. Он бессильное существо…

САЛЬЕРИ. Нет, он бессилен перед тобой. Бессилен перед тобой. Но передо мной – нет. Потому что я грешник, Терезия. Я грешник!..

ТЕРЕЗИЯ. Нет, ты не грешник. Оставь эти мысли. Слышишь, Антонио? Ты не грешник!..

САЛЬЕРИ. Ты пытаешься меня успокоить? Тереза, моя дорогая Терезия… Я убил Амадея! Я!.. *(Громко.)* Эй!.. Слышите? Я отравил Вольфганга Амадея Моцарта!..

ТЕРЕЗИЯ. Нет, Антонио!..

САЛЬЕРИ *(не обращая на нее внимания, так же громко).* Да, я убил его!.. Слышите?! А теперь довольно! Отстаньте от меня!

ТЕРЕЗИЯ. Нет! Нет, Антонио! Не оговаривай себя!

Свет падает на Моцарта, он медленно выходит из глубины сцены, садится за клавесин и начинает играть 13-ю сонату си-бемоль мажор. В зависимости от диалога клавесин звучит то тише, то громче.

САЛЬЕРИ. Оговариваю? Говоришь, оговариваю, Терезия? Вся Вена… вся Европа говорит, что Амадея убил я. А ты… Ты говоришь, что я себя оговариваю?

ТЕРЕЗИЯ. Вена – город слухов и сплетен. Ты и сам это знаешь, Антонио. Да и Европа такая же… Ты знаешь хотя бы одного великого творца, о котором не гуляли бы слухи и сплетни? В кого бы не бросали ложные обвинения? За спиной которого не судачили бы?

САЛЬЕРИ. Терезия…

ТЕРЕЗИЯ *(перебивая его).* Успокойся, Антонио. История все расставит по своим местам…

САЛЬЕРИ. Терезия… *(Вдруг замолчав, прислушивается.)*

Короткая пауза.

САЛЬЕРИ *(шепотом)*. Ты слышишь? *(Короткая пауза.)* Слышишь? 13-я соната… Сам играет… *(Взволнованно.)* Он останется, он!.. Он будет жить в истории. А мое имя навсегда останется связанным с ним: великий Моцарт… и его палач Сальери!

ТЕРЕЗИЯ. Нет, Антонио. Ты более великий композитор, чем он. Зачем ты должен был убивать его? Разве твои заслуги и успехи меньше его заслуг? Разве зрители любят тебя меньше, чем его? Разве твои оперы не проходят с аншлагом, Антонио? Все эти сплетни и клевета забудутся. А твои оперы заслужат еще больший успех. Я всегда гордилась тобой, Антонио.

Короткая пауза.

САЛЬЕРИ. Сколько лет прошло, Терезия? Сколько лет прошло с нашей свадьбы?

ТЕРЕЗИЯ. Пятьдесят, Антонио… Ровно пятьдесят лет…

САЛЬЕРИ. А потом ты покинула меня… Оставила меня одного…

ТЕРЕЗИЯ. Разве это зависело от меня?..

САЛЬЕРИ. Ты покинула меня… Уж сколько лет я один в этом мире? Сколько лет я уже живу один, без тебя?

ТЕРЕЗИЯ. Восемнадцать.

САЛЬЕРИ. Да, восемнадцать…

ТЕРЕЗИЯ. Тебе надо было жениться.

САЛЬЕРИ. После тебя? Как я мог жениться после тебя? За эти восемнадцать лет не было ни одного дня, когда бы я о тебе не думал… По ночам, глядя на звезды, я искал среди них тебя…

ТЕРЕЗИЯ. Ты тоже всегда был со мной, Антонио. Я всегда гордилась тобой.

САЛЬЕРИ. Убийцей?

ТЕРЕЗИЯ. Я же сказала! Ты не убийца. Если бы ты был убийцей, то первой, кто узнал бы об этом, была бы я. Выкинь из головы все эти пустые обвинения. Изгони из своего ума дьявола со всеми его лживыми играми!.. Ты один из великих композиторов и дирижеров Европы. Вспомни, Антонио, свой успех в Вене, Париже, Лиссабоне, Москве. Кто еще имел такой успех? Никто! Пройдут годы, и успех этот только возрастет и станет грандиозным. Ты сам увидишь все это, глядя на мир сверху, Антонио.

Ты взрастил Бетховена, Шуберта, Листа!.. Слышишь меня?!

САЛЬЕРИ. Слышу… Ты говоришь все это из жалости, так?

ТЕРЕЗИЯ. Нет, Антонио, нет. Тобой горжусь не только я, но и вся Европа. Помнишь, что писал Бомарше? *(Повторяет слова Бомарше.)* «Сальери, я горжусь, что я являюсь вашим поэтом и автором, вашим слугой, вашим другом!..» Помнишь? А ведь он был почти на двадцать лет старше тебя.

САЛЬЕРИ. Бомарше был авантюристом.

ТЕРЕЗИЯ. А сам Амадей? Ты был его лучшим дирижером. И он гордился этим.

САЛЬЕРИ. Да… Это правда… Он сам мне говорил об этом…

ТЕРЕЗИЯ. Вот видишь?!

САЛЬЕРИ. Но… но тогда он еще не знал… не знал, что я его отравлю… Я не находил себе места, когда слушал его музыку, хотел убить себя: почему он может создавать такую музыку, а я – нет? Каждый раз, когда я дирижировал ему, меня душили слезы: почему это его музыка, почему не моя? Почему это волшебство, эта божественность принадлежат ему, а не мне? И никто не знал о моих страданиях. Люди поднимались и хлопали. А я с улыбкой кланялся им. Но они аплодировали ему, а не мне...

ТЕРЕЗИЯ. Ты мне не веришь, Антонио? Все эти слухи и сплетни заставили тебя самого в это поверить. Опомнись! На самом деле… на самом деле Моцарт сам завидовал тебе. Я чувствовала это. Ты был полностью погружен в свои оперы. Ничто, кроме музыки, тебя не интересовало. А я это чувствовала. Я видела, с какой завистью смотрел он на тебя, когда ты обучал Бетховена.

САЛЬЕРИ *(с горькой усмешкой).* Ты хочешь облегчить мои страдания, Терезия?

ТЕРЕЗИЯ. Нет, Антонио, нет. Ты сорок лет был придворным капельмейстером. А Наполеон? Было ли что-то, чего не знал этот человек? Если бы ты был отравителем Моцарта, предложил бы он тебе стать членом Академии?

САЛЬЕРИ. Вместо предложения мне членства в Академии было бы лучше, если бы он не уничтожал Венецианскую Республику. *(Короткая пауза.)* Знаешь, Терезия, я часто вижу того младенца, родившегося в Леньяго. Он плачет, не переставая… Тогда он не знал, что в будущем он станет отравителем Моцарта!.. Но, вот, видишь, слышишь ты его? Он это чувствовал, потому-то он так безутешно и плачет… *(Звук его клавесина затихает, и слышен плач грудного ребенка. Сальери в изнеможении падает на кровать.Тяжело дыша.)* Слышишь?

ТЕРЕЗИЯ. Антонио!..

САЛЬЕРИ. Это я, Терезия, я!.. Ты не хочешь услышать мой плач?

ТЕРЕЗИЯ. Успокойся, Антонио. Никто не плачет.

САЛЬЕРИ *(не обращая внимания на ее слова).* Как бы я ни старался, он не умолкает, все кричит и плачет, заходится плачем…

ТЕРЕЗИЯ. Но все дети приходят в этот мир с плачем.

САЛЬЕРИ. Да, это так. И Амадей пришел сюда с плачем, он чувствовал, что в 35 лет будет отравлен и умрет. *(Плач ребенка, отдаляясь, замолкает, снова слышна 13-я соната.)* 13-я соната… Ее написал сам Создатель… Человеку такое недоступно… Он столько всего ненаписанного унес с собой… Музыку, которую больше никто и никогда не сможет написать. Я убийца музыки, Терезия!.. Лучше бы я был обычным купцом, как мой отец, и продавал колбасу и ветчину. Тогда я смог бы быть счастлив. Дьявол сбил меня с истинного пути, и я стал композитором. Дьявол всегда жил во мне. А теперь он хочет забрать меня с собой.

ТЕРЕЗИЯ. Ты сам все это делаешь, Антонио. Ты сам призываешь его, потому он и приходит. Ты истязаешь сам себя. Почему 13-я соната? Почему ты всегда вспоминаешь именно 13-ю сонату? Ты же всегда боялся этого числа, старался держаться от него подальше. А сейчас слушаешь только ее.

САЛЬЕРИ. Почему, как ты думаешь?

ТЕРЕЗИЯ. Потому что ты мстишь себе. Ты устал от всех пересудов и кривотолков, ты уверил себя в том, что все они не глупые и пустые бредни, а правда. Ты поверил в то, что действительно отравил Моцарта и тем самым убил его. Вот и мстишь себе. Но 13-я соната…

САЛЬЕРИ *(перебивая ее).* Терезия… ты *(обессиленно поднимает палец вверх)* всегда оттуда наблюдала за мной?

ТЕРЕЗИЯ. Конечно. А как же иначе?

САЛЬЕРИ. Терезия… *(Берет и подносит к губам ее руку, целует).* И он там?

ТЕРЕЗИЯ. Да.

САЛЬЕРИ. По-прежнему пишет?.. Слышна ли там его новая музыка?

ТЕРЕЗИЯ. Там все немножко по-другому.

САЛЬЕРИ. Как по-другому? Там нет музыки?

ТЕРЕЗИЯ. Есть. Но… музыка там устроена по-другому…

САЛЬЕРИ. По-другому? Какая еще может быть музыка после него? *(Снова поднимаясь на кровати, оглядывается вокруг.)* Где я?

ТЕРЕЗИЯ. В больнице для душевнобольных.

САЛЬЕРИ *(шепотом).* Сумасшедший дом… *(Вдруг видит Моцарта, играющего на клавесине.)* Смотри, и он тут!.. И он!.. Он тоже здесь!.. Это он довел меня до сумасшедшего дома!.. Он!..

ТЕРЕЗИЯ *(поднимается, подходит к нему, пытаясь уложить его).* Успокойся!.. Антонио, ложись, успокойся!..

САЛЬЕРИ *(отталкивая ее).* Отойди!.. Он и есть сам дьявол. Он дьявол!.. *(Обессиленно падает на кровать.)*

ТЕРЕЗИЯ. Вот так, ложись, Антонио… *(Садится на край кровати. Короткая пауза.)* Антонио!.. *(Короткая пауза.)* Антонио, ты слышишь меня? *(Не обращая внимания на то, что Антонио не отвечает.)* Помнишь, как Шуберт посвятил тебе кантату? И слова к ней сам написал. Помнишь те прекрасные слова, написанные в твой адрес? Помнишь? *(Звуки сонаты медленно удаляются, и также медленно свет на сцене гаснет.)* Слышишь, Антонио? Посмотри, какие сердечные слова.

Пока Терезия фон Хельферсторфер декламирует стихотворение Шуберта, посвященное Сальери, свет на сцене постепенно гаснет. Моцарт, играющий на клавесине, тоже невидим.

Лучший, добрейший!
Славный, мудрейший!
Пока во мне есть чувство,
Пока люблю искусство,
Тебе с любовью принесу
И вдохновенье, и слезу.

На сцене совсем темно, и в этой темноте под далекие звуки 13-й сонаты голос Терезии фон Хельферсторфер продолжает читать стихотворение Шуберта.

Подобен богу ты во всём,
Велик и сердцем, и умом.
Ты в ангелы мне дан судьбой.
Тревожу бога я мольбой,
Чтоб жил на свете сотни лет
На радость всем наш общий дед!

13-я соната все еще слышна…

17 августа 2022.
Гюндоган

Р А С С К А З Ы

Мужское слово Агададаша

(Из серии «Истории Абшерона»)

1

...затем в селе распространилась весть о том, что Гюльбала, сын скорняка Агададаша, тоже пошел в армию и стал седьмым юношей из этого села, который отправился на фронт. Пока всех их судьба хранила, все они были здоровы, только Атиф, сын пекаря Фирузы, с осколочным ранением в живот попал в госпиталь в Баку, и вся деревня молилась за него, чтобы ребенок выжил. Рано утром Фируза отправлялась на автобусе в госпиталь и возвращалась только поздно вечером, и так как времени печь хлеб у нее не было, сельчанам приходилось покупать хлеб в маркете Джафара. Конечно, о хлебе плохо говорить нельзя, хлеб есть хлеб, однако хлеб Фирузы, который она пекла в земляной печи – тендире, имел совершенно другой вкус.

Эта деревня, расположенная на берегу Абшеронского полуострова, славилась своим песком, инжиром и белым виноградом, в конце весны – в начале лета, как только закрывались школы на каникулы, а после зимы просыпались и зацветали вишни, абрикосы, фисташки, миндаль, мушмула, радуя глаз, так и просыпалась жизнь в этой деревне. Дело в том, что если у бакинцев была дача здесь, то на весну и лето все переезжали туда, у кого дачи не было, то снимали домики, и все это всего лишь в сорока пяти километрах от Баку.

Недалеко от села была маленькая станция, куда можно было доехать из города на электричке, а рядом с ней автобусная остановка, оттуда регулярно ездили в деревню автобусы, и вплоть до поздней осени, когда начинали созревать гранаты, жизнь тут кипела, то и дело появлялись какие-то новости, в шашлычной Агакерима, которая была известна даже в Баку, посетителей только и успевали встречать и провожать, по вечерам в кинотеатре было столько людей, что уборщица Минаввар, выметая после сеансов из-под сидений шелуху семечек, ругала на чем свет стоит тех, кто придумал кинематограф.

Иногда в жаркие летние месяцы из Баку приезжали иностранные туристы, чтобы искупаться в море, и деревенские юноши сопровождали их, часто девушек и жен туристов, водя их к прохладным скалам, расположенным недалеко от пляжа, чтобы они насладились видом и немного охладились от жары. Был даже случай, когда Хамид, сын Джафара, владельца и продавца деревенского рынка «Дары мира», встретил на пляже француженку по имени Анджела, они поженились, теперь он живет в Париже, и правда это или нет, но говорят (если не врут),что в месяц он по три-четыре письма домой посылает.

Словом, жители села привыкли к шуму летних месяцев, но внезапно началась пандемия COVID-19, и все изменилось: опустели приготовленные для квартиросъемщиков комнаты, веранды, опаляемые жарким солнцем, опустели, в шашлычной Агакерима стало тихо.

Даже море этим летом казалось осиротевшим – никто не гулял, не лежал и не загорал на раскаленном мелком песке, никто, ни дети, ни взрослые не плавали, не играли в футбол или волейбол, не плескались в воде, только иногда можно было увидеть, как какой-нибудь деревенский житель, не выдержав, заходил в море и заплывал так далеко, пока практически не исчезал из виду, а затем возвращался обратно – вот и все.

Казалось, и шум моря был уже не такой, как раньше, как будто из-за COVID-19 и море заскучало, оно жаловалось на одиночество и тоску – во всяком случае, так было не только в этой деревне, но и во всех деревнях, расположенных на Абшероне, о чем известный поэт, сочиняющий мейхана[1], сложил красивую газель[2].

Так, в тишине провела деревня лето с пандемией, но осенью, когда началась война в Гарабахе, всех охватило волнение, люди день и ночь сидели перед телевизором, ожидая новостей с фронта, и по мере того, как освобождались города, села, районные центры Гарабаха, радость переполняла сердца жителей и волнами распространялась по всей округе, меняя весь настрой и атмосферу.

Знаменитый кларнетист Шакир, игравший со своей группой почти на всех свадьбах в селах Абшерона, с самого первого дня войны установил на балконе второго этажа своего дома микрофон и после каждой новости о победе наших войск выходил туда и играл на кларнете, и играл с таким вдохновением, что звуки кларнета, сливаясь с вдруг ожившим морем, разносились по всей деревне.

2

Гюльбала был не только единственным сыном, но и единственным ребенком Зибейды и скорняка Агададаша, и после его ухода на фронт Агададаш был занят только тем, что успокаивал Зибейду, которая из-за тревог за сына не находила себе места, на самом деле он волновался за сына еще больше, чем его жена. Именно в это время, ложась спать, перед сном Агададаш дал обет, что если Гюльбала вернется живым и невредимым, он сошьет всем, кто бы ни захотел в деревне, бесплатно шапку.

Однако никто в селе, включая Агададаша и Зибейду, не знал, что кроме них еще кто-то в деревне и дома, ложась спать и просыпаясь утром, и в школе на занятиях молит Бога о том, чтобы с Гюльбалой ничего не случилось, и он вернулся живым и здоровым. Никто в этой красивой абшеронской деревне на берегу моря, ни самые близкие друзья Нисы, ни даже Сария, которая училась с ней в 11-м классе, не знали об этом, и любовь эта пылала только в сердце Нисы. Это была такая любовь, что вся романтика любви Хамида и Анджелы ничего более не значили, раньше сердце Нисы при мысли об их любви наполнялось каким-то особым теплом, но теперь все было забыто: и Хамид, и Анджела, и Париж, и Франция, сердце Нисы принадлежало только Гульбале.

Дело в том, что в прошлом году, когда Ниса была еще в 10-м классе, а Гюльбала только закончил 11-й класс и начал помогать отцу в скорняцкой мастерской, Ниса впервые за свои семнадцать лет влюбилась, она даже написала в своем дневнике стихотворение «Бабочка», которое скрывала от всех, потому что эта любовь, так неожиданно зародившаяся в ее сердце, была яркая и узорчатая, как крылья бабочки, – и так же, как трепетали крылья бабочки, трепетало в ней и это новое чувство. Дорога в школу шла мимо дома Гюльбалы, и иногда, проходя мимо, она слышала звуки его тара[3], и в этот момент Нисе казалось, что она слышит самую красивую мелодию в мире, и сердце ее стучало в такт той музыке.

Через пять-шесть дней после того, как Гюльбала ушел на фронт, Ниса, не выдержав, открыла свою сердечную тайну Сарии.

– Надо же, как хорошо!.. – сказала подружка. – Что может быть лучше этого?! Ты влюбилась!.. – потом попыталась подбодрить ее. – Вот знаешь, как только ты сказала мне об этом, я сразу почувствовала, что мы попляшем на твоей свадьбе! Дай Бог, он вернется живым и здоровым! Говорю тебе, это сто процентов!

[1] Мейхана – популярный в Азербайджане музыкально-поэтический жанр, исполняющийся в сопровождении ударных инструментов.
[2] Газель – вид восточной поэзии.
[3] Тар – азербайджанский музыкальный инструмент.

Сария была седьмой дочкой Агакерима, шашлычная которого обанкротилась из-за пандемии, и все шесть ее старших сестер были уже замужем. Видимо, по этой причине спокойная и уверенная речь Сарии, казалось, немного успокоила Нису, но после того, как они разошлись, спокойствие вновь покинуло ее.

3

Агададаш был мастером своего дела, он шил все, от папах до ушанок, различные кепки, всевозможные мужские головные уборы, и каждая его работа была произведением искусства. Единственное, что он не шил, – это шляпы, потому что, не то, чтобы в деревне, но даже и в Баку никто шляп не носил. Иногда, когда он по телевизору видел старинные головные уборы, особенно в турецких исторических сериалах об османских падишахах, Агададаш думал, что и головные уборы похожи на людей, которые однажды приходят в эту жизнь и уходят, но такие мысли не оказывали особого влияния на его работу. Клиенты приезжали из самого Баку и заказывали шапки, в том числе многие известные религиозные деятели, певцы, а для танцоров Государственной филармонии он шил особые шапки из бараньей шкуры. Было удивительно, как, увидев на экране кого-то в шапке, вне зависимости от того, знает он этого человека или нет, он безошибочно узнавал на нем свою работу:

– Вон, смотрите, сидит в моей шапке!..

Агададаш сшил многим молодым людям из села и их бакинским друзьям кепки, какая бы новая модель не вошла в моду, ему достаточно было только взглянуть на нее, и он шил не то, чтобы такую же, но и лучше самых известных европейских марок, а этот гадкий COVID-19 стал проклятием и свел на нет всех клиентов. С одной стороны – отсутствие клиентов, с другой – оставшаяся без хозяина и выглядевшая покинутой швейная машинка Гюльбалы – теперь Агададаш работал один, – окончательно наполнили его душу печалью, и впервые за свою жизнь он заскучал в своей мастерской, в которой работал с самых юных лет.

Эту мастерскую построил покойный отец Агададаша, до конца жизни занимавшийся скорнячеством, и Агададаш тут, в этой же мастерской, у своего отца учился шить различные головные уборы, а теперь его сын сидит здесь за второй швейной машинкой. Гюльбала научился играть на таре, когда еще был подростком, по окончании школы перед ним встал выбор: заниматься музыкой или продолжить ремесло отца? Агададаш вместе с Гюльбалой отправился к Шакиру за советом, и тот, внимательно послушав игру Гюльбалы, сказал:

– Агададаш, мальчик освоил этот инструмент и в принципе для себя играет неплохо, но если он пойдет по этой стезе, то станет одним из сотен музыкантов, играющих на таре, но не более. Это мое мнение. Теперь решай сам.

– Да упокоит Господь душу твоего отца, – сказал Агададаш.

И с тех пор Гюльбала начал учиться ремеслу своего отца, но иногда, когда ему хотелось, он вынимал из футляра тар и играл.

Во время Отечественной войны звуки кларнета Шакира вдруг зазвучали посреди ночи, разнося по всему селу весть, что война закончилась победой, земли были освобождены, и словно в праздник Новруз жители села поздравляли друг друга с этой радостью, и никто не вспоминал и даже не думал о COVID-19. Через десять-пятнадцать дней Гюльбала вернулся в деревню живым и невредимым, утром следующего же дня Агададаш достал дорогую черную шкуру ягненка, которую когда-то с трудностями привез из Крыма и держал для особых клиентов, сшил первую папаху для старейшины села Хаджи Музаффара Аги и отправил ему.

Конечно же, сами старейшины не пришли бы за обещанными папахами, но все размеры своих клиентов Агададаш аккуратно записывал в тетрадку, и каждому из шести аксакалов он сшил и отправил по папахе.

Гюльбала и Атиф, сын пекаря Фирузы, были друзьями и, слава Богу, что Атиф потихоньку шел на поправку. Когда Гюльбала ездил в Баку, чтобы проведать друга в госпитале, Агадаш попросил его снять мерки головы Атифа, получив эти мерки, он сшил ему красивую кепку и отправил ее Фирузе. После этого среди молодых людей села стали говорить о том, что скорняк Агададаш шьет всем бесплатно шапки и все, особенно молодежь и подростки, выстраиваются в очередь к нему.

4

Через несколько дней после возвращения Гюльбалы по селу разнеслась весть, что приехал генерал и, как обычно, припарковал свою машину на площадке перед школой, а вся молодежь и подростки, как всегда, поспешили туда и окружили своего любимца.

Генерал родился и вырос в этом селе, окончил здесь среднюю школу, а затем всей семьей переехал в Баку, но уважение, чувство родства и любовь к этому селу и его жителям навсегда остались в его сердце, ясное дело, что вся деревня, и стар, и млад, гордились им.

Генерал с портфелем в руке и в сопровождении адъютанта, односельчан и присоединившихся к ним детей медленно шел, здороваясь за руку, целуясь и обнимаясь со всеми, кто вышел на улицу, чтобы поприветствовать его, среди которых был и Хаджи Музаффар Ага, так, принимая благословения, он подошел к пекарне Фирузы и, смеясь, сообщил хорошую новость:

– Здравствуй, сестрица, – обратился он к Фирузе, – поздравляю, сегодня утром Атиф сам, самостоятельно поднялся с постели, походил немного!..

Еще не успевшая сегодня побывать в госпитале, Фируза вначале замерла, а затем, несмотря на свой почтительный вес, вскочила, как юная девушка, и обняла генерала белыми от муки руками.

– Слава тебе, Господи, спасибо тебе, родной, за добрую весть, – приговаривала она взволнованно, отряхивая с кителя генерала мучные следы от своих рук. – Да благословит тебя Бог за добрую весть.

– Не волнуйся, сестра, – сказал он, потом вздохнул полной грудью, посмотрел на своего помощника, – что может, по-твоему, быть лучше, чем запах свежеиспеченного хлеба? – увидев растерянный взгляд молодого адъютанта, сам ответил: – Ничего!.. Ничего!..

Оттуда генерал, сопровождаемый сельчанами, пошел в мастерскую Агададаша, где торжественно приколол на грудь Гюльбалы, вскочившего при виде генерала из-за своей швейной машинки, медаль «Участник Отечественной войны», которую достал из портфеля адъютант.

Подростки и молодые люди снимали церемонию на свои телефоны, и в тот же день это видео было распространено среди всех жителей села.

В то же воскресенье Ниса, уединившись в своей комнате, посмотрела видео, присланное Сарией, сердце ее захлестнула такая радость и гордость, что каждый раз, когда она снова и снова пересматривала видео, по щекам ее стекало несколько капель теплых слез.

Генерал с адъютантом оставались в деревне до вечера, и пока генерал до заката солнца сидел на балконе кларнетиста Шакира и пил ароматный чай, звуки кларнета, на котором играл хозяин, смешивались с шумом моря и расходились по всему селу. Вечером, когда генерал садился в машину, выяснилось, что пекарь Фируза прислала генералу, адъютанту и шоферу по пять буханок хлеба, водитель, зная, что генералу такие вещи не нравятся, смотрел виновато, но на этот раз тот ни слова не сказал, улыбнулся, и водитель, успокоившись, сел за руль.

5

Агададаш гордился Гюльбалой, гордился даже собой как отцом Гюльбалы, и, наполненный этим чувством, шел в свою мастерскую, по дороге здороваясь с жителями деревни, справляясь об их житье-бытье.

Балаами Ахсан написал красивое стихотворение в честь Гюльбалы, и это стихотворение даже было опубликовано в одной из бакинских газет.

Ниса, не решаясь пойти в газетный киоск Наджафа, попросила Сарию купить ей эту газету. Брат киоскера Наджафа, Алекпер, любил приложиться к бутылке, по причине этого Наджаф время от времени бывал в мрачном расположении духа. И в этот раз он тоже выглядел расстроенным, и когда девушка захотела купить три или четыре экземпляра этой газеты, он набросился на нее:

– Больше одной на руки не выдаю. Кроме тебя, никого больше нет, что ли?!

И Ниса, то и дело, раскрывая принесенную Сарией в одном экземпляре газету, читала стихотворение, которое уже выучила наизусть. Она невероятно гордилась своей любовью, а тут еще случилось такое событие… дело было в том, что состояние Атифа улучшалось день ото дня, и тётя Фируза в первой половине дня навещала сына в госпитале, а во второй – снова пекла хлеб.

Чудесным и волшебным совпадением стало то, что, когда Ниса зашла в пекарню тети Фирузы за тендирным хлебом, она встретила там Гюльбалу. Как ни старалась Ниса что-то записать об этой неожиданной встрече в дневнике, у нее ничего не получалось, потому что Гюльбала так искренне ее поприветствовал, такими искренними, нет, более чем искренними, почти родными глазами, посмотрел на нее, что Ниса не могла найти слов, чтобы излить на бумагу все обуреваемые ею чувства. Даже Сария ничем не могла помочь подруге.

– Я же тебе говорила, я чувствую все, – убеждала Сария, – успокойся, все будет так, как ты хочешь. Клянусь Богом, перед вашей историей история любви Хамида и Анджелы просто померкнет! Ты же видишь, от него чуть ли не каждый день письма получают. Конечно же, он любит Анджелу, но скучает в Париже… Слушай, а хочешь, и ты напиши письмо Гюльбале, а я отнесу.

– Нет, не могу я написать... – ответила Ниса.

– Почему?

– Не смогу...

После чудесного и незабываемого визита генерала Агададаш с еще большим энтузиазмом продолжил шить шапки, а число желающих все возрастало, дошло до того, что вся кожа, ткань, подкладочные материалы в мастерской просто закончились. Из-за пандемии все магазины тканей были закрыты, и Агададаш был вынужден поехать в Баку и позаимствовать ткань и подкладку у знакомых скорняков.

6

Когда Хаджи Музаффар Ага думал о делах этого мира, дом и двор становились ему тесны, и тогда он в тихое полуденное время отправлялся к морю и гулял там. В такие моменты ему казалось, что и море узнает его, разделяет его мысли, и в этот раз, когда он шел к берегу, на противоположной стороне дороги, перед мастерской Агададаша он увидел трех-четырех подростков, и аксакалу это не понравилось.

– Послушайте, – сказал он. – У вас совесть есть? Вы уже разорили этого человека!.. Он человек порядочный, не может нарушить своего слова, а ваша совесть где? Вы хотите довести его до такого состояния, чтобы он последний свой костюм распорол и из него вам кепки сшил? Не насытились глаза ваши? А?! И те, кто носит кепки и папахи, и те, кто не носит, все набросились на него, требуя шить шапки. Стыдно! Слышите? Стыдно!..

После слов Хаджи Музаффара Аги азарт деревенской молодежи словно облили холодной водой, и казалось, что не только Агададаш, но и мастерская облегченно вздохнули, но через пару дней послышался запах водки, а затем в дверь просунулась голова Алекпера, брата Наджафа.

Алекпер был человеком душевным и тихим, но, к сожалению, несчастный был пьяницей, деревенские жители были терпеливы к нему из-за его доброго сердца, да и руки у него были золотые, все, у кого были проблемы с электричеством, у кого протекал кран, ванная или случалась другая бытовая авария, сразу звали его, кроме того, он хорошо играл в шахматы, странное дело, в деревне не было никого, кто бы выиграл хотя бы одну партию у этого, вечно находящегося подшофе человека. В шахматы он играл на деньги, выигрывал и тут же пропивал их, иногда он поддавался на уговоры или выговоры брата, бросал пить, но через некоторое время ходил трезвый по деревне и искал желающих сыграть партию, и тогда все знали, Алекпер снова взялся за старое.

Итак послышался запах водки, а затем в мастерскую заглянул пьяный Алекпер.

– Брат, сшей и для меня одну кепку, а, пожалуйста!

Гюльбала в тот день отправился в город проведать Атифа, и Агададаш, сидевший за машинкой Гюльбалы, тяжело вздохнул:

– Проходи.

Алекпер вошел в мастерскую.

– Здравствуй… – вначале поздоровался он, затем прошелся взглядом по пустым полкам мастерской, которые раньше были завалены материалом, и понял, что желание его вряд ли выполнимо.

– Ты тоже кепку хочешь? – спросил Агададаш.

– Да, – без особой надежды поникшим голосом ответил Алекпер.

– Тогда, – Агададаш задумчиво посмотрел на него. – Тогда, – сказал он, – поклянись моей жизнью, что пить больше не будешь! Никогда. Ты слышал? Никогда!

Алекпер замер и уставился на него.

– Так и поклясться?

– Я же сказал!..

– Поклясться твоей жизнью, что пить больше не буду?

Агададаш кивнул, подтверждая свои слова.

– Никогда? – снова переспросил Алекпер.

Агадаш снова кивнул.

– До свиданья, брат, это не по мне, – сказал Алекпер и повернулся, чтобы выйти из мастерской.

– Почему это не по тебе? – спросил Агададаш.

Алекпер остановился.

– Поклянусь тобой, а потом опять выпью, – сказал он. – Не могу я так, прощай, брат!

И когда Алекпер уже выходил из мастерской, Агададаш остановил его:

– Постой, – сказал он, – подойди, сядь сюда, давай сниму мерки с твоей головы.

Алекпер вернулся и, распространяя вокруг себя запах перегара, придвинул к себе стул, стоявший неподалеку, довольный сел перед Агададашем, чтобы тот снял с него мерки и сшил ему кепку.

3 января 2021
Баку

Четвертая дверь

Рассказ о жизни Соны

...потом, как будто закапало, Сона потянулась к окну – нет, не капало.

Вчера днем было пасмурно, синоптики обещали дождь, облака постепенно затягивали небо, но дождя все не было. Сона, снова взглянув на потемневшее небо, посмотрела на ребенка в доме напротив и улыбнулась.

На другой стороне улицы, напротив дома Соны, было старое двухэтажное здание с деревянным балконом, выходящим на улицу, и молодая мама с ребенком, неизвестно, мальчиком или девочкой, двух-трех лет, вышла туда подышать воздухом. Мать повязала ребенку шарф и так тепло одела его, при этом натянув капюшон почти на глаза, что ребенок был похож на большой пухлый мяч. Вдруг пухлый шар поднял руки и откинул голову назад, и оказалось, что этот шарик был маленькой девочкой. Тут же мама, что-то выговаривая, – видимо, сердясь на ребенка, – снова натянула девочке чуть сползший назад капюшон. Время от времени по улице проезжали машины, по тротуару проходили редкие прохожие, как будто хмурый полдень, окрасивший все вокруг в серый цвет, вынуждал поневоле их куда-то тащиться.

Но куда?

Губы Соны тронула улыбка: да, куда?

Она постояла некоторое время перед окном, глядя вслед быстро идущим людям, а затем закрыла окно.

В квартире Соны были три комнаты, все они были смежные, но была еще и четвертая дверь, и никто, даже Гияс и Севиль, не знали об этой четвертой двери.

В тот тусклый осенний день Сона, отойдя от окна, открыла ту самую четвертую дверь и вошла в комнату – и тут же ее обдал ароматный запах фенхеля и заполнил все ее существо. На самом деле фенхель растет в поле, на лугах, но Сона сама его посадила, полила и сама вырастила, и этот фенхель не увядал никогда, потому что в этой комнате Сона сама определяла времена года: и зиму, и весну, и лето, и порой даже усыпанную золотыми и красными листьями осень.

Сона улыбнулась – все вокруг было покрыто белым снегом: на равнинах, на холмах, на деревьях, на заснеженных ветвях деревьев, росших там и тут, словно повсюду разлилась любовь Меджнуна.

Внезапно большой шар скатился с одного из холмов, и когда он остановился, стало ясно, что это был не мяч, а пухлая девчушка, стоявшая на балконе. Девочка кое-как поднялась, скинула с себя тяжелую куртку, и оказалось, что это уже не ребенок, а уже взрослая женщина, и весь красивый снег, покрывавший холмы, будто только ожидая, когда девочка снимет свою куртку, вдруг исчез.

Пожилая женщина, сидя на том же деревянном балконе в доме напротив, грызла семечки и равнодушно наблюдала за редкими проезжающими машинами и торопящимися прохожими. И эти равнодушные взгляды уже не соответствовали прекрасному аромату фенхеля, это был уже закат прекрасного весеннего вечера. Лодки, которые вдали казались темными точками, плыли в пурпурных отблесках закатного солнца, и от отблесков этих исходило тепло.

И сама Сона была на одной из этих лодок. Это была небольшая лодка, и когда весла с глухим шумом ударялись о воду, мелкие брызги попадали на руки и ноги Соны. Эти нежные капли были совсем не холодные, напротив, от них исходило такое тепло, что сердце Соны согревалось от каждой капельки.

Кто же был гребцом? О-о-о!.. Да-а, конечно, учитель Аслан-муаллим. Сона, сидящая в лодке, неотрывно смотрела на него, а он, глупый, уставился на море. Можно ли называть учителя глупым? Какой он учитель? Сона училась в десятом классе, а Аслан, только закончивший университет, преподавал им физику в школе, между ними

разница всего в шесть-семь лет. Что было делать десятикласснице Соне? Должна была сама признаться ему, что влюблена в него?

Сона засмеялась. Бедный учитель, и что это он вдруг вспомнился?

Несколько дней назад, проезжая мимо, она видела человека, стоящего у аптеки. Ей показалось, это был Аслан-муаллим, волосы его поредели и поседели, он выглядел больным. Может, это был не он, а кто-то другой? Возможно, ведь прошло больше двадцати лет.

Сказала бы, Аслан-муаллим, я влюбилась в вас? Он был молод… Аслан-муаллим – комический герой романтической мечты… Да, сказала бы, Аслан-муаллим, я влюбилась в вас. И Аслан сказал бы, да, и я влюбился в тебя, но не решаюсь смотреть на тебя, вот и не отвожу свой взгляд от моря.

А что бы тогда случилось? Эти красивые молодые влюбленные поженились бы? А что было бы потом? Жизнь сложилась бы по-другому? Все было бы иначе, не так? А как? Эти черные тучи пролились бы дождем? И холодные поля улыбнулись? Нет, ничего бы не изменилось, Аслан-муаллим.

Сона засмеялась.

Вы мне и во сне не приснились бы, Аслан-муаллим, отчего же вы вдруг вспомнились? Нет, нет, милая, его звали не Аслан, а Адиль, да, Адиль-муаллим.

Если человек, стоящий перед аптекой, были вы, Адиль-муаллим, живите и будьте здоровы, я хочу вас видеть выходящим из ресторана, а не из аптеки.

Сона снова улыбнулась – и будьте немного посмелее.

Можно подумать, между аптекой и рестораном есть большая разница.

И все небо вдруг усеялось яркими звездами. Там, на небе, миллион звезд, но это всего лишь малая часть! Никто не знает, сколько триллионов галактик во Вселенной, в каждой галактике сотни миллионов, сотни миллиардов звезд. И кто мы, Адиль-муаллим, по сравнению с этой Вселенной? А?! Погоди! Куда это ты? Испугался? Кто мы: я, ты, эта, похожая на пухлый шарик девочка, ее отец, дед, а в будущем ее дети, внуки и правнуки – кто мы?

Что ж, давайте выкинем эти глупые мысли, на свете есть такие чудеса, Адиль-муаллим.

На сцену вышел, как всегда, изысканный, одетый в смокинг и широкую накидку, красивый высокий стройный Фокусник, с длинными темными волосами, спадающими на лицо, с большими светлыми глазами, словно смотрящими прямо в сердце, и Сона, глядя на него, невольно улыбнулась.

В переполненном зале стояла мертвая тишина, вдруг по рядам прошла волна возбуждения – это было ожидание чуда, его предвосхищение, но сейчас это волнение перейдет в удивление, в панику, потому что то, что увидит зритель через пару минут, невозможно вместить в понятие «чуда».

Об этих чудесах Фокусника говорил весь мир.

Сона вновь улыбнулась – сейчас они увидят нечто невообразимое...

Фокусник вышел на середину сцены, слегка поклонился, публика была настолько взволнована, что позабыла встретить его аплодисментами. Фокусник, оглядывая публику своими светлыми глазами, то и дело запускал свои длинные пальцы в роскошную шевелюру, убирая волосы с лица, затем медленными шагами стал ходить по сцене.

– Дамы и господа! – сказал он. – Я всегда говорю об этом со сцены, но мне никто не верит, все думают о секрете увиденного, специалисты стараются раскрыть этот секрет. Может быть, я больше всех этих специалистов, профессоров, ученых хочу, чтобы они раскрыли секреты того, что я делаю, потому что я и сам этого не понимаю. Как это делается? Как происходят все эти невероятные вещи, которые я показываю? Как я это делаю? Газеты, телевидение, все, все называют меня волшебником, лисом, ведьмаком, гипнотизером, бог еще знает, как. Меня превозно-

сят выше Гудини и Копперфилда. Но я обычный человек, как и вы. Иногда меня охватывает ужас, я не могу спать по ночам: в чем секрет? Что за сила мной управляет? Дамы и господа, поверьте мне. Я говорю все это не для шоу, я не артист, эти слова исходят от сердца, но мне никто не верит.

Сердце Соны, как всегда, билось в предвкушении чего-то прекрасного, вот-вот они увидят. Увидят! Но что? Сона этого и представить себе не могла.

Волшебник откинул длинными пальцами прядь волос с лица и сказал, оглядываясь назад:

– Я боюсь себя. Я не знаю, что я вам сейчас покажу. Но я знаю, что что-то случится. Что-то ... что-то случится. Я чувствую себя... сейчас... в эту минуту... как роженица...

С этими словами, глядя на публику, он медленно подошел к углу сцены и скрылся за кулисами.

По залу прошелся гул изумления и страха.

Фокусника больше не было на сцене, он тихими шагами шел по воздуху в пространстве между сценой и публикой, то куда-то быстро поднимаясь, как по лестнице, то бегом спускаясь, затем снова тихо ступая, приближался к кому-нибудь их зрителей, идя по воздуху над их головой, затем поворачивался, шел в другую сторону и вдруг, остановившись, протянул руку и взял из ниоткуда красивую красную розу, наклонился и протянул ее маленькой девочке, сидящей рядом с матерью. Это была та самая девочка с деревянного балкона, но она еще не выросла, она еще не смотрела равнодушно на улицу, она была ребенком, на ней было светло-красное платьице, и она протянула руку, чтобы взять цветок у Фокусника, но не дотянулась. Чувства удивления, радости, счастья и благодарности смешались на лице молодой матери, и женщина встала, взяла цветок у Фокусника и протянула его своей маленькой дочери.

Красный цвет розы в руке маленькой девочки слился с красным цветом ее легкого платья, и казалось, все вокруг озарилось счастьем, и молодая мать утопала в этом счастье: она коснулась чуда, получила красную розу от этого чуда и подарила ее дочери, молодая женщина еще не понимала, что чудеса бывают только в сказках.

Затем, словно по волшебству, появились заснеженные горы, холмы, покрытые дубовыми и каштановыми лесами, крутые овраги, и в воздухе, наполненном ароматом фенхеля, было слышно, как река, протекая между скалами, с шумом падает на дно глубокого оврага.

Зазвонил телефон, но Сона не сводила глаз с белой водянистой пены, брызги водопада приносили в воздух такую чистоту, что, когда она вдыхала, грудь распирало так, словно в ее сердце были спрятаны какие-то прекрасные семена, которые начали прорастать друг за дружкой, как травы, пробивающиеся сквозь асфальт.

Над водопадом летали белоснежные птицы, их белизна смешивалась с белизной водопадов так, что были видны только их желтоватые клювы и черные глаза, как будто летали только эти черные глаза и этот желтоватый клюв. Птицы иногда улетали от водопада к склону, и тогда изумрудная зелень дубов и каштанов возвращала им их белизну.

Сона улыбнулась: на ней было то же черно-белое ситцевое платье, то самое, в котором она еще в студенческие годы летом гуляла с подругами, она наклонилась над чашей водопада, зачерпнула пригоршню воды и плеснула себе на лицо, еще взяла и еще плеснула, и еще, и еще.

Вода, стекающая по ее лицу, и капли, брызжущие с водопада, намочили ситцевое платье, оно прилипло к телу так, что она казалась обнаженной, она поднялась и побежала вдоль реки, крича звонким голосом:

– Э-э-э-эй!.. Э-э-э-эй!..

Голос Соны смешался с шумом водопада и откликнулся эхом:

– Э-э-э-эй!.. Э-э-э-эй!..

Сона бежала в другой мир, взывала к другому миру, но еще не знала, что другого мира нет. Есть только наш мир.

Раздался звонок, на этот раз звонил не телефон, звонили в дверь: время, когда в школе заканчиваются уроки, Сона глубоко вдохнула свежий воздух и выдохнула.

Четвертая дверь закрылась.

Она пошла и открыла входную дверь.

Севиль вошла, бросила свой портфель на пол, как обычно, обняла и поцеловала мать, полушутя и полусерьезно, как бы протестуя, сказала по-английски:

– Hello, how are you?

Севиль училась в азербайджанской школе в восьмом классе, хорошо знала русский язык, но Сона заставляла ее читать книги на английском почти каждый день, и та свободно говорила по-английски.

– Было холодно? – спросила Сона.

– Да нет же, какой там холод?!

– Что нового в школе?

– Какие могут быть новости в школе? Уроки...

Севиль уже выросла.

– Раздевайся.

Телефон зазвонил снова, и Сона прошла в гостиную и сняла трубку. Это был Гияс.

– Как дела? – спросил он. – Ты случаем не заболела?

– Нет, а что?

– Я звонил, ты трубку не брала.

– Я была занята, не успела ответить.

– Я заволновался. И Севиль пора быть дома, она пришла?

– Да. Только вошла. Когда ты придешь?

– Что ты приготовила?

– Долму.

– Какую?

– Из виноградных листьев.

– О-о-о!.. К нему мацони с чесноком?

– Без чеснока.

– Опять без чеснока?

– Да! Ты когда придешь?

– Сразу после работы, гнать буду 100 километров в час!

– Пожалуйста, не создавай проблем, езжай тихо. Не убежит долма.

– Ладно, пока, – засмеялся Гияс.

Сона положила трубку и пошла на кухню, зовя Севиль:

– Иди, я кладу тебе поесть.

– Да, иду, – ответила Севиль, поспешно переодеваясь в другой комнате. – Я голодна.

В детстве накормить Севиль было проблемой, но теперь она ела хорошо, с удовольствием.

Затем Сона снова подошла к окну в гостиной.

На деревянном балконе в доме напротив сейчас никого не было, еще не было трех часов пополудни, но было темно, и в квартире в том старом доме горел свет.

Затянутое тучами небо никак не могло разразиться дождем, и все вокруг все так же было окрашено в серый цвет.

1 ноября 2020
Бильгя

О том, как улетела Язгюлю

Рассказ о невероятном событии

«Больше всего я обижен на свою мать.
Я часто вижу ее во сне.
Она не должна была приводить меня в этот мир».

Рамиз Азизбейли

1

…полиция долго не оставляла Гюльзар в покое, а она все продолжала повторять про себя имя Язгюлю: Язгюлю, Язгюлю, Язгюлю... казалось, имя Язгюлю билось вместе с ее пульсом, словно она сама хотела поверить в то, что вся эта невероятная история была не наваждением, а случилась на самом деле. Но кто верил словам Гюльзар – никто! Ее даже заставили пройти судмедэкспертизу – нет, психических проблем у нее не обнаружилось, но и на следствии, да и после, иногда, особенно по ночам перед сном, от переполнявших ее сомнений все существо Гюльзар содрогалось, она вставала и выпивала стакан воды, возвращалась снова в постель и не в состоянии заснуть до утра находилась между сном и бодрствованием.

2

Кариш, отец Язгюлю, был учителем начальных классов в единственной сельской школе, он был человеком, очень любившим природу, может, поэтому он назвал свою дочь Язгюлю, кроме того, обладая средним педагогическим образованием, он был влюблен в народную поэзию и знал огромное количество гошма и баяты. Долгие годы он учительствовал в школе и порой в качестве примера читал детям стихи. Вырастая, дети забывали эти стихи, и в памяти Язгюлю осталась только одна строчка, которую она услышала во втором классе – ей тогда было 8 лет:

Попросил я маму купить мне саз…

Этот саз с тех пор и играл в душе Язгюлю, и никто в мире, даже ее лучшая подруга Гюльзар, учившаяся с ней в одном классе, не знал, что внутри этой светлоглазой девушки звучит прекрасная мелодия. Этот саз и эта музыка были тайной, которую Язгюлю хранила в своем сердце, и тайна эта время от времени излучала чистый прозрачный свет – во всяком случае, Язгюлю это ясно чувствовала, и он переносил ее в совсем другой мир.

Где был тот мир, что это был за мир – объяснить было невозможно, и мелодия, которую играл саз, принадлежала этому загадочному миру. Язгюлю никогда не слышала этой мелодии ни по радио, ни по телевидению, ни в Интернете – нигде, эта музыка зародилась сама по себе, и если бы кто-то попросил ее напеть эту мелодию, она бы не смогла этого сделать.

Село, в котором жили девушки, находилось в 17 километрах от районного центра, у подножия горы, и хотя в деревню был проведен газ, иногда давление было настолько слабым, что люди все равно запасались на зиму дровами.

Деревенский дровосек Фати, у которого был ослик, ездил в лес, где рубил

дрова, с годами и он, и его ослик постарели, и он не мог ходить далеко в лес, как раньше. Редколесье, которое в народе называли лесом, было вовсе не густым, а с годами становилось еще реже. Фати доходил до опушки леса и, пройдя немного вглубь, доставал свой старый, но острый топор и принимался за работу.

Подножье горы, обращенное к селу, представляло собой равнину, а другая сторона срывалась крутым оврагом, по дну которого протекала река Гаялты, и в тихие ночи со дна оврага доносилось кваканье лягушек. После частых в этих краях дождей Гаялты устремляла свой бег и приносила с собой обломки горных пород, старые полусгнившие пни, большие речные камни, застрявшие в руслах во время засухи, порой по ночам камни эти сталкивались друг с другом, производя такой шум, что люди в деревне не могли спать, а спящие просыпались.

По субботам и воскресеньям, когда позволяла погода, деревенские парни играли на этой равнине в футбол, а подростки, мальчики и девочки, приходили, чтобы посмотреть на них. А теплыми весенними и летними вечерами равнина заполнялась гуляющей деревенской молодежью, это было местом встреч, и каждая группка могла найти себе здесь уютное местечко.

И вот в один из таких дней Фати, сидя, свесив ноги на своей скрипучей телеге, направлялся в лес, его ослик, хорошо знавший дорогу, привычно пересек равнину и вошел в лес. В тот день 15-летняя Язгюлю вместе с Гюльзар и другими девушками гуляла по равнине, когда послышавшийся вдалеке звук топора, как магнит, стал притягивать Язгюлю, и она постепенно стала отдаляться от подруг и направилась к лесу.

Рука Фати уже была не такой крепкой, как раньше, но топор привычно справлялся со своей работой, странно, но звуки ударов топора по дереву, казалось, били по сазу, который играл в душе Язгюлю. Когда Фати обрубал ветки, Язгюлю чувствовала боль деревьев, и с того времени боль эта укоренилась в ее сердце, случалось, когда она ложилась спать, эта боль ныла, и саз внутри нее начинал распадаться на щепки, как от удара топором.

Однажды по деревне разнеслась весть, что осел Фати умер, и он больше не будет рубить сазы в лесу, но смерть осла и то, что Фати остался один, неожиданно опечалило Язгюлю. Эта печаль тонкой дымкой легла на душу Язгюлю, и саз внутри нее еще долго играл скорбную музыку.

Душа Язгюлю была полна и тоской по весне, но загадочным образом печаль была какая-то родная, теплая, светлая и полная особой радости, эта печаль-тоска и в зимнюю стужу, и в летний зной наполняла ее сердце весенней прохладой, заставляя учащенно биться.

Не могу сказать, что Язгюлю была красавицей, но она была очень милой, всегда опрятной, и от нее всегда, в любое время года, исходил аромат весны. И в школе, и за ее пределами, и взрослые, и дети желали быть рядом с нею, потому что, в каком бы унылом или хмуром настроении ни был человек, рядом с ней он нехотя улыбался, чувствовал облегчение, но что при этом чувствовала сама Язгюлю, никого особо не интересовало.

3

После окончания школы и Язгюлю, и Гюльзар приехали в Баку, обе поступили в университет, а однажды вечером, заскучав в студенческом общежитии, где они жили, решили пойти прогуляться по Приморскому бульвару. Море было совершенно спокойно, слышен был только тихий шелест волн, Гюльзар, как обычно, с увлечением что-то говорившая, вдруг остановилась.

– Ты меня вообще слышишь? – спросила она подругу, которая, не отводя взгляда, уставилась на море.

– Что? – спросила Язгюлю, отводя глаза от моря.

Гюльзар, конечно же, не знала ни о сазе, живущем в душе Язгюлю, ни о музыке, которую этот саз играл, поэтому она вспылила:

– Битый час говорю, а ты не слушаешь, – сказала она. – Вечно ты такая!..

– Что? – спросила Язгюлю, снова оторвав взгляд от моря и посмотрев на подругу.

– Что ты за человек? – уже рассердилась Гюльзар.

– А я и не человек... – сказала она и рассмеялась.

Смех Язгюлю еще больше обидел Гюльзар, всегда серьезной, ее-то смех можно было только изредка услышать.

– Я знаю, ты рыба, – сказала она.

– Нет, я прилетела с неба.

– Что? – язвительный вопрос: «Видимо, и учитель Кариш – пришелец с неба», чуть не сорвался с губ Гюльзар, но она сдержалась: – Может, ты космонавт?

– Нет... – Язгюлю снова засмеялась.

– Да знаю... Ты инопланетянка!..

– Да нет же!.. – все еще смеясь, ответила Язгюлю.

– Прилетела с неба, а с моря глаз отвести не может!

– Знаешь, на что я смотрю в море?

– Прекрати ради бога!.. За кого ты меня принимаешь? Посмотрите только на нее, с неба она прилетела, где же тогда твои крылья? – насмешливо спросила Гюльзар.

– Я птица без крыльев... – словно смеясь сама над собой, ответила Язгюлю.

– Ладно, ты птица без крыльев и прилетела с неба. И зачем ты пожаловала на нашу Землю?

Улыбка Язгюлю вдруг застыла.

– Вот этого я и не знаю... – сказала она с грустью после недолгого молчания.

– Хорошо, что Худатов не слышит твоих слов. Иначе он бы тебя проучил, – сказала Гюльзар.

Доцент Худат Худатов уж много лет как был деканом, казалось, что этот человек всегда с серьезным и даже озлобленным лицом никогда в жизни не смеется, никогда не произносит приятных слов, но и студенты, и учителя с удивлением замечали, что когда он разговаривает с Язгюлю, то исподволь улыбается. Худат Худатов, временами повышавший голос и хмурившийся при разговоре со студентами и даже с учителями, однажды не выдержал:

– Ты как магнит... – сказал он ей, и сам удивился словам, вылетевшим из его уст.

Порой у самой Язгюлю возникали странные вопросы.

– Как ты думаешь, что говорили камни, когда они сталкивались друг с другом? – спросила она как-то Гюльзар.

– Какие камни? Которые Гаялы, разливаясь, несет в себе?

– Да, – ответила подруга. – Знаешь, о чем они говорили? Говорили: «Опомнись, Язгюлю, приди в себя!»

4

И Язгюлю, и Гюльзар сдали экзамены летней сессии, закончили второй курс и вернулись в деревню. То невероятное событие случилось днем, они, то есть Язгюлю и Гюльзар, гуляли по равнине.

– Слышишь? – спросила вдруг Язгюлю.

– Это всего лишь шум текущей внизу Гаялты... – ответила Гюльзар.

То, что Гюльзар услышала журчание Гаялты, вроде доставило удовольствие Язгюлю, ее лицо озарилось широкой и теплой улыбкой, что было очень приятно Гюльзар.

– Я тысячу раз говорила, что тебе идет улыбка, – сказала она. – Это твоя натура. – Гюльзар, подражая Язгюлю, перевела взгляд куда-то в пространство, помолчала, затем сказала: – Улыбайся, всегда улыбайся!.. И не смотри вдаль, все происходит рядом.

– Ладно, – ответила Язгюлю, смеясь.

Они медленно шли к оврагу, и чем дальше, тем отчетливее становился шум реки. Легкий, но холодный ветерок дул со стороны оврага.

– Тебе холодно? – спросила Язгюлю

– Да... – Гюльзар указала на горы. – Ветер дует с гор…

– Нет, не с гор…

– А откуда?

– Откуда? От людей…

– Как это от людей?

– От людей. Просто от людей…

– Ты неисправима!.. От меня тоже веет холодом?

– От тебя? – Язгюлю рассмеялась. – От тебя – нет.

В этот момент все тело Гюльзар пробила дрожь, ее охватило страшное предчувствие.

– Пойдем, вернемся в деревню, – сказала она.

– Ты помнишь старого Фати? – спросила Язгюлю.

– Да упокоит Господь его душу. Что это ты его вспомнила?

Язгюлю, подняв голову и глядя в небо, ничего не ответила.

И в эти минуты к шуму реки присоединился едва слышимый звук мелодии саза.

Эти звуки, пришедшие издалека, не на шутку напугали Гюльзар.

– Давай вернемся, скорей... – поторопила она Язгюлю.

И тут произошло то невероятное событие: неожиданно Язгюлю оторвалась от земли, поднялась в воздух и через пару секунд исчезла в небе.

Гюльзар в ужасе, как сумасшедшая, побежала в деревню.

5

После того, как Язгюлю улетела, Гюльзар показала полиции место, где все случилось, и поклялась, что подруга улетела именно отсюда.

Но полиция ей не поверила. Да и кто бы поверил?

Полиция обыскала всю округу, все овраги, лощины, рвы и ложбины.

Язгюлю словно испарилась.

Поседевший в раскрытии уголовных дел прокурор допрашивал привезенную в Баку Гюльзар.

– Так что случилось с той девушкой? Она улетела?

– Да... – в который уже раз ответила Гюльзар.

– То есть она бросилась вниз с обрыва, да?

– Вниз? Нет, нет. Она улетела.

– Ты толкнула, и она полетела, так?

– Нет, я ее не толкала. Она просто улетела в небо.

– У нее вдруг появились крылья?

– Нет... Крылья у нее не появлялись...

– Вот так просто поднялась в небо?

Гюльзар кивнула.

– Ладно, дочка, не бойся, – прокурор улыбнулся. – Ничего не бойся. У меня тоже дочка твоих лет. Просто скажи мне правду, кто еще был там с тобой? Я знаю, что ты хорошая девочка, ты бы ее не толкнула. Не бойся, скажи мне правду, кто еще был с вами? Один человек, два человека? Что произошло между вами, что случилось?

Гюльзар снова начала клясться.

Декан Худат Худатов, которого преследовали журналисты, пригласил отца Гюльзар, тракториста, в деканат и убеждал его поговорить с дочерью, чтобы та призналась во всем, что случилось.

– Учитель, – сказал отец Гюльзар. – Я говорил с ней, она настаивает на своем… Учитель, она ведь не ребенок… – удрученно произнес он. Потом, помолчав какое-то время, неуверенно добавил: – Может быть, девочка говорит правду?

Декан Худат Худатов с укоризной посмотрел на мужчину:

– Чего ждать от дочери такого отца?..

Учитель Кариш писал много жалоб, слал телеграммы с требованием провести расследование и узнать, что случилось с его дочерью и почему не могли найти Язгюлю ни живой, ни мертвой. Писал в прокуратуру, МВД, Кабмин... Но все безрезультатно.

6

Прошло какое-то время.

Гюльзар так и не устроила свою жизнь – ей пришлось пройти через много трудностей и страданий, ей удалось восстановиться на заочном отделении университета, в село она больше не ездила. Работая на хлебозаводе, она окончила университет и работала теперь в Хырдалане, где ее никто не знал, и уже много лет преподавала математику в средней школе.

В один из тихих осенних ночей, около трех часов, она встала с постели и в ночной рубашке вышла на балкон своей однокомнатной квартиры на седьмом этаже, где жила одна, и посмотрела на небо.

Небо было затянуто облаками.

Глядя в небо, Гюльзар прошептала:

– Язгюлю, если ты действительно там, есть кое-что, что я должна знать. Ты слышишь? Я знаю, что ты действительно там. Дай мне хоть самый маленький знак, я сразу пойму, что это от тебя. Ты слышишь, Язгюлю?

Ежась от ночной прохлады, Гюльзар еще долго стояла на балконе, но, так и не дождавшись никаких знаков, зашла домой и легла спать.

19 августа 2022.
Гюндоган

Удод

История Шейха Хусамеддина Аги Лютфикара

1

...потом случавшийся часто в этих краях летний дождь внезапно прекратился, тучи разошлись, небо прояснилось, и солнечные лучи снова засияли, играя в водах речки Мерджан и водопада, стекающего в нее со скалы у подножия горы Бехишт, так, будто в воде включили сотни лампочек.

В такие моменты казалось, что свет, освещавший водопад и реку, и внутри шейха Хусамеддина Аги зажигал какую-то лампадку, и все тело шейха втягивало в себя чистоту этого света; казалось, что эти чистота и святость пронизывают беседы, размышления и мысли шейха с Богом, и все эти беседы, размышления и мысли, исходящие из этой чистоты, прорастают, как ростки пшеницы, и тянутся к Богу.

Когда раздумья уж сильно отягощали шейха Хусамеддина Агу, и возникала необходимость поговорить с Богом, он часто приходил сюда, к чаше водопада, где вода, падая с высоты, сливалась с рекой Мерджан, и о чем он там говорил с Богом, знает только он и Всевышний.

На берегу – напротив водопада – была большая красивая роща «Qovuşaq bağı», и Мерджан так обильно орошала деревья, кусты и цветы этой рощи, что не только после зимней спячки, когда просыпалась вся природа, но и все жаркое лето она была нарядно ярко-зеленая, травы и цветы не выгорали, здесь всегда царила прохлада, и после своих бесед с Богом шейх Хусамеддин Ага тихими мягкими шагами отправлялся туда гулять.

Шейх шел так легко и так тихо, что казалось, будто ноги его земли и не касались, а просто он медленно парил над землей.

Маки обычно растут в степях, но и перед садом «Qovuşaq bağı» было красное маковое поле, жизнь маков недолговечна, но это поле всегда цвело чуть ли не до самой осени.

Никто, ни млад, ни стар, не знал, сколько лет было шейху Хусамеддину Аге, потому что все со дня своего рождения помнили его уже почтенным старцем, он всегда был, будет, вечен, как гора Бехишт.

С длинными серебряными волосами, аккуратно лежавшими на плечах, короткой, совершенно седой бородой, большими синими глазами, не потерявшими за всю его долгую жизнь своей остроты и смотрящими глубоко и улыбающимися всем, высокий, худощавый, всегда в аккуратной белой, как его борода, одежде, он заслужил любовь и уважение всех, поговаривали даже, что на его белоснежном одеянии не принимающем грязи, любое пятно сразу исчезает.

Шейх Хусамеддин Ага жил один, о его прошлом ходили разные предположения, и самым любимым из этих предположений было то, что еще в детстве шейх был привезен сюда ангелами, но никто не осмеливался у него что-либо спросить об этом. Шейх был вечен, и к нему относились так, как будто он был предком всех здесь живущих людей.

Шейх был молчалив, и когда он посещал какие-либо мероприятия, будь то свадьба или похороны, все тоже молчали в знак уважения, и каждый хотел поймать на себе взгляд его больших добрых глубоких синих глаз. Само его приветствие считалось благословением, поэтому люди называли шейха Хусамеддина Агу «Лютфикар», что означало «Добродетель».

Только на свадьбах шейх Хусамеддин Ага отвлекался от своих возвышенных добродетельных мыслей и благословлял молодых, и когда Гызылгюль обручилась, он благословил ее тоже.

2

Гызылгюль считалась самой красивой девушкой в округе, и молодые люди думали, даже клялись друг другу, что она не просто носит имя Гызылгюль, что означает роза, – она и сама вся благоухает этим цветком, и даже от дыхания ее исходит этот божественный запах.

Гызылгюль была единственным ребенком своей матери, которая воспитывала дочь одна. Когда девочка была еще ребенком, ее отец пошел на охоту и исчез, пропал, его так и не нашли: ни живого, ни мертвого, но как, почему он исчез, как это случилось – было и оставалось загадкой, тайной Бога. Все дивились этому, потому что отец Гызылгюль считался самым искусным охотником, человеком внимательным и осторожным во всех смыслах этого слова.

Как только Гызылгюль подросла и превратилась в красавицу, в доме от сватов не было отбоя, наконец, Гызылгюль выбрала Мурада, дала ему свое согласие, полу-

чила благословение шейха Хусамеддина Аги и обручилась со своим избранником.

В один из жарких летних дней Гызылгюль с подругами пошла к водопаду, чтобы насладиться его прохладой, было так жарко, а водопад, впадающий в Мерджан, настолько красив и притягателен, что девушки, убедившись, что поблизости никого нет, скинули одежду и, громко смеясь и крича, бросились в воду. Гызылгюль плавала в воде, как рыба, и белое тело ее было гладкое, как водная гладь. Каждый раз, когда девушки смотрели на ее упругие груди, тонкую талию, полные ноги, открывающиеся при плавании подмышки с редкими волосами, ее длинные светло-каштановые волосы, расходящиеся веером по воде, когда она запрокидывала голову, ревность начинала покалывать их, но они не позволяли этому чувству овладеть ими, потому что она была их подругой, и ее искренняя любовь к ним, веселый нрав и открытость превосходили красоту ее тела, и завидовать ей было просто невозможно.

Девушки, обрадованные прохладой этого жаркого летнего дня, купались, плеская друг на друга водой, кричали, и их голоса, дополняя шум водопада, впадающего в Мерджан, разносились по всей горе Бехишт.

Неожиданно показался седой, в своих белых одеждах шейх Хусамеддин Ага, направлявшийся на беседу с Богом.

– Ой! – закричали девушки и поплыли к берегу, собрали свою одежду и поспешили спрятаться в «Qovuşaq bağı».

Гызылгюль, заплывшая далеко, отстала от подруг, она вышла на берег, забрала свою одежду, но спрятаться в «Qovuşaq bağı» уже не успела.

А шейх Хусамеддин Ага был уже близко.

От одной только мысли, что шейх Хусамеддин Ага Лютфикар может увидеть ее обнаженной, она покраснела, как маки перед «Qovuşaq bağı», и, быстро обратившись к чистому небу, взмолилась:

– О, Боже, сделай так, чтобы Лютфикар меня не увидел в таком виде!..

Она вдруг испугалась, что Бог неправильно ее поймет и ослепит Лютфикара и снова обратилась к небу:

– Господи! Что ты делаешь? Сделай это со мной, а не с Лютфикаром!

И тут Гызылгюль превратилась в птицу, которую позже в народе прозвали удодом.

3

Все были поражены внезапным исчезновением Гызылгюль, и когда люди с волнением обратились к шейху Хусамеддину Аге и спросили: «Лютфикар, может, ты можешь сказать, что случилось с Гызылгюль? Что случилось, что она вдруг исчезла?» Шейх, глубоко вздохнув, не смог произнести ни слова, посмотрел на людей своими большими и глубокими глазами, которые за многие годы не потеряли своей остроты, и снова беспомощно вздохнул. Когда отец Гызылгюль исчез, шейх точно так же смотрел на них и точно так же был опустошен, и было грустно видеть Лютфикара таким беспомощным. Люди раскаялись, что пришли к старцу, который и без того всегда находился в состоянии тревоги, и чувствовали себя виноватыми за то, что только усилили его чувство беспокойства, и на этот раз они вернулись, не получив от него никакого ответа.

Мурад обыскал не только все глубокие места в реке, обошел оба берега и «Qovuşaq bağı» вдоль и поперек, но даже крутые склоны горы Бехишт, зеленые холмы и овраги, но все было безуспешно.

Убитая горем мать Гызылгюль не могла найти себе места, в конце концов, сошла с ума и бродила по полям, и порой, когда шейх Хусамеддин Ага встречал эту потерявшую разум женщину, он смотрел на нее пронизывающим взглядом. А женщина безумными глазами внимательно глядела в большие глаза Лютфикара, а потом

заходилась непонятно то ли смехом, то ли слезами и, крича, убегала.

Шейх, нарушая свое всегдашнее молчание, говорил людям, особенно детям:

– Не обижайте эту несчастную!.. Не смейтесь над ней!..

Мать Гызылгюль не обращала внимания ни на детей, которые со свистом гонялись за ней, крича: «Hoydu!.. Hoydu!..!», ни на камни, бросаемые ей вслед, которые иногда попадали в нее, ни на женщин, которые, желая позаботиться о ней, давали ей еду или старую одежду. Вся в лохмотьях, она одна бродила по «Qovuşaq bağı». Иногда тихими ночами ее громкий смех звучал вместе со звуком водопада, и матери пугали своих детей:

– Смотри, вот придет эта безумная женщина!..

Часто удод с красивой короной прилетал и садился перед ней, бил крыльями, ходил за ней, будто хотел что-то сказать, что-то сообщить, но что может сказать удод, что он может сделать? Ничего!

Прошло время, Мурад обручился с другой красивой девушкой, и однажды, когда шейх Хусамеддин Ага пришел к водопаду, чтобы поговорить с Богом, он увидел безжизненное тело матери Гызылгюль, лежащее на маковом поле перед «Qovuşaq bağı».

Глаза ее были открыты.

Шейх посмотрел в мертвые глаза матери Гызылгюль, и на мгновение, но только на мгновение, улыбка коснулась его губ, но как мимолетный гость тут же исчезла.

В этот раз шейх Хусамеддин Ага Лютфикар продолжил свой путь, не останавливаясь, уже входя в «Qovuşaq bağı», его губы вновь дрогнули, затем улыбка вновь появилась на его нежном лице, и шейх, поглаживая свою белую бородку, со смиренной улыбкой исчез в глубине сада.

Осень еще не наступила, но нежные лепестки маков на поляне перед «Qovuşaq bağı» опали, и стебли согнулись.

24 июля 2020
Бильгя

Ноги Н.С.

«Интересно, куда это мы идем?»

Ильяс Эфендиев

1

Когда родился Н.С., то он ничем не отличался от обычных детей, и только когда ему исполнилось шесть месяцев, мать заметила, что ноги у него немного больше, чем у детей его возраста, а когда ему исполнился год, мать засмеялась:

– Кажется, ноги у него будут большие...

Когда Н.С. исполнилось три года, его ступни были как у десятилетнего ребенка.

– Смотри, – сказала мать, – ноги у Н.С. почти такого же размера, как у меня.

И с этого времени Н.С. стал смотреть на свои ноги, и постепенно ноги заменили ему все игрушки. По утрам, когда Н.С. просыпался, он вытягивал ноги, глядя на них, играл пальцами ног, и в эти минуты он был самым счастливым и веселым ребенком на свете.

Во дворе он с гордостью показывал детям свои ноги, а когда те над ним смеялись, плевался им в лицо и бежал домой к матери.

Его ноги становились все больше, и четырехлетний Н.С. с гордостью показывая гостям свои туфли, говорил:

– Смотрите, у меня уже тридцать девятый размер.

Однажды отец Н.С., профессор К.С. разозлился на него:

– Больше никому не показывай своих ног!

Н.С., громко плача, побежал к матери, обнял ее и закрыл глаза.

Н.С. всегда, когда обнимал мать, закрывал глаза, уткнувшись в добрую теплую материнскую грудь, перед его мысленным взором появлялись его ноги. Насмотревшись на них, он открывал глаза, целовал мать и, шлепая босыми ногами по паркету, уходил в другую комнату.

Рост и телосложение Н.С. не отличались от роста и телосложения обычных детей, но когда его ноги перевалили за 42-й размер, обеспокоенный профессор К.С. стал водить сына по врачам, но, в какую бы клинику он ни водил его, к какому известному специалисту ни обращался, все было бесполезно, все хором говорили: «Это уникальное событие, оно неизвестно медицинской науке и никогда в истории физиологии человека не встречалось».

Когда пришло время пойти в школу, профессор К.С., глядя на ноги сына уже сорок шестого размера, решил, что Н.С. должен обучаться на дому, но репетиторы в один голос жаловались, что все мысли Н.С. сосредоточены на ногах, и, что бы они ему ни говорили, им не удавалось оторвать его мысли от его ног.

Как-то, выйдя из ванной, Н.С. заметил отвращение в устремленном на его ноги взгляде и улыбке, скользнувшей по лицу отца, не выдержав, он побежал на кухню и обнял мать. Мать, глядя на огромные следы мокрых ног Н.С. на паркете, еще крепче обняла его.

Стопа Н.С. измерялась уже не размерами обуви, а сантиметрами. Профессор К.С. больше не мог выносить вида босых, достигших пятидесяти восьми сантиметров ног своего четырнадцатилетнего сына, шлепающих по паркету, поэтому ушел из семьи. Когда профессор К.С., взяв свой чемодан, навсегда покинул дом, Н.С. проводил его глазами, полными ненависти, лег на диван, вытянул ноги и, поигрывая пальцами, улыбнулся облегченной улыбкой.

Когда ему исполнилось восемнадцать лет, неожиданно скончалась мать, он остался один, к тому времени его ноги достигли восьмидесяти трех сантиметров в длину. Несмотря на то, что ноги его постоянно росли, он все же был сыном профессора К.С., и отец, создавший к тому времени другую семью, хоть сам никогда и не навещал сына, нанял русскую женщину, которая вела хозяйство и заботилась о Н.С..

Эта пожилая приветливая женщина была очень довольна своей судьбой: вдобавок к ее небольшой пенсии профессор К.С. своевременно выплачивал зарплату, а Н.С. относился к ней с уважением. По вечерам женщина, устроившись с комфортом, смотрела по телевизору русские детективы и исторические турецкие сериалы, Н.С. ходил по комнатам, шлепая босыми ногами по паркету, или, сидя в кресле, с наслаждением рассматривал свои ноги, а когда замечал, что они еще немного выросли, то еще с большей радостью играл пальцами ног, празднуя очередной рекорд. Н.С. не испытывал никакого интереса к фильмам, концертам или телевизионным передачам, он смотрел только международные политические новости, но и эти происходящие в мире события занимали его не так, как собственные ноги.

2

Шоу импресарио Брэда Армстронга были известны не только в США и Европе, но даже в Японии и Австралии, а его имя было внесено в Британскую энциклопедию как самого известного антрепренера XXI века. Клод Стеллер, Шо-ин-Мин, Мишель де Монрель и другие великие поп-звезды и джазмены, иллюзионисты были открыты гос-

подином Брэдом Армстронгом, и все они стали всемирно известными благодаря представлениям, премьеру которых господин Армстронг устраивал на Бродвее. Билеты на эти представления в Нью-Йорке, Лондоне и Париже, Токио и Стамбуле, даже в Москве и Пекине распродавались за два-три месяца до их начала, и публика, и информационные агентства, и пресса, и телевидение с большим интересом ждали его новых спектаклей.

В соцсетях разгорался ажиотаж.

По обычаю, листая последний выпуск Книги Гиннесса, господин Брэд Армстронг, хорошо разбирающийся в мировом шоу-бизнесе и имея большие успехи в этой области, высказал мысль о том, что необходимо ввести новшества как в содержание, так и в форму представлений, и тут его внимание привлек один факт: Азербайджан. Длина ступней 26-летнего мужчины нормального роста и нормального телосложения составляет 97 сантиметров, а ширина – 31 сантиметр.

Чутье никогда не подводило Брэда, и на этот раз его буйное творческое воображение было охвачено новым энтузиазмом, его разум наполнился совершенно новыми и невиданными доселе шоу-сюжетами, которые можно создать на основе этих необычных ног размером девяносто семь на тридцать один сантиметр.

По последним данным журнала «Форбс» за 2019 год, состояние мистера Армстронга, начавшего свой бизнес практически с нуля, приближалось к 10 миллиардам долларов, это богатство было создано благодаря его неистощимой энергии, мотивации, умению быстро принимать решения. И в этот раз, прилетев в столицу Азербайджана Баку на своем частном самолете, он, не теряя времени, решил встретиться с Н.С.

Профессор К.С. стыдился популярности сына в Баку, и от этого чувства все еще не очень старый профессор поседел раньше времени. В университете он был известен не как профессор К.С., а как отец Н.С., и что скрывать, приезд господина Брэда Армстронга из США и его предложение стало для профессора К.С. неожиданно свалившейся с неба удачей.

Да и самому мистеру Армстронгу Н.С. очень понравился, особенно его гордость за свои ноги. Готовность Н.С. идти на любые жертвы ради них лишний раз доказывала, насколько тонко и точно сработало чутье Брэда.

В присутствии атташе по культуре Посольства США в Азербайджане, представителя ООН в Азербайджане и профессора К.С. привезенные господином Армстронгом юристы подготовили и подписали контракт с высоким гонораром, и уже через семь месяцев на Бродвее висели афиши премьеры шоу «97х31», который имел беспрецедентный успех.

Могу без преувеличения сказать, что о шоу «97х31» говорил весь Нью-Йорк, и даже газета «Нью-Йорк Таймс», не имеющая к этому представлению никакого отношения, опубликовала хвалебную статью о представлении «97х31» в «подвале» газеты. Шоу было настолько известным, что его посетил президент США Дональд Трамп со своей женой Меланьей, а после представления Н.С. с гордостью подарил президенту Трампу фотоальбом своих ног.

Потом начались гастроли.

3

Помощники господина Армстронга связались с фирмой «Alaska Orginale» и заказали различные модели обуви для Н.С., а господин Армстронг лично просмотрел и отобрал туфли и сандалии, изготовленные и присланные самыми известными обувными дизайнерами Испании. Помощники по поручению мистера Армстронга наняли одну из известных нью-йоркских маникюрщиц, уже пожилую Сюзанну сделать педикюр Н.С..

В первые несколько дней, после того, как Сюзанна увидела ступни, пальцы ног и огромные ногти Н.С., она была так изумлена, что ее руки дрожали, когда она делала ему педикюр, но позже она привыкла и к этим ногам, и к ногтям. Так как педикюр ногтей Н.С. отнимал слишком много времени, мисс Сюзанна, машинально выполняя свою работу, рассказывала о своей навсегда минувшей юности, а Н.С. внимательно следил за ее работой. Он очень гордился своими ухоженными ногами, покрытыми лаком ногтями ног, и жалел, что матери не довелось их видеть.

Во время своего парижского турне Н.С., надев на босые ноги открытые сандалии, заказанные в Испании, вышел в город в сопровождении своих телохранителей, что стало для них настоящей проблемой – шоу «97x31» имело такой успех, что фойе отеля Ritz Paris с раннего утра было заполнено парижанами, желающими получить автографы, и персоналу отеля и полиции было нелегко обеспечить Н.С. безопасный выход из отеля через черный ход.

Правда, и сам Н.С. не желал избегать своих фанатов, ему было приятно давать автографы на открытках с фотографиями своих ног, программках шоу «97x31», иногда просто в блокнотах.

Уважение и любовь к его ногам, к хорошо видным в открытых сандалиях пальцам и ногтям, покрытых лаком Сюзанной, ошеломление, в которое они вводили людей на парижских улицах, – все это доставляло ему удовольствие. Н.С. чувствовал себя живым экспонатом парижских музеев, и это чувство напомнило ему о незабываемых моментах, когда он обнимал свою мать.

Генеральный директор Лувра господин Оскар де Бланже, услышав, что Н.С. хочет посетить Лувр, очень забеспокоился, так как огромные ноги могли повредить стены, паркет, двери музея, и велел вежливо отказать Н.С. Разгневанный таким отношением, господин Армстронг пригрозил подать в суд на месье Оскара де Бланже за нарушение прав человека, и в итоге Н.С. смог посетить Лувр в сопровождении своей охраны.

Н.С. в основном носил не туфли, а открытые сандалии, в них его босые ступни и пальцы ног были хорошо видны, шагая по залам этого великолепного музея, он ступал осторожно, стараясь не шлепать ногами. Однако в этом не было необходимости, так как люди при виде его ног замирали на своих местах, только туристы из Японии, не теряясь, часто и торопливо фотографировали ноги.

Войдя в зал, где была выставлена Мона Лиза, перед которой толпились люди, Н.С. вынужден был пару раз слегка топнуть ногой и пошевелить пальцами. Услышав необыкновенный и непривычный звук по луврскому паркету, посетители оглянулись и увидели ярко сияющие в электрическом свете салона ступни, пальцы, огромные ногти. Позабыв об искусстве и великой Моне Лизе, толпа, долго не расходясь, кружила вокруг Н.С.

Н.С. с большим энтузиазмом и чувством гордости, заполнявшим все его существо, изредка постукивал ступнями и поигрывал пальцами, которые, казалось, приплясывали в унисон с его приподнятым настроением и чувством гордости, а накрашенные ногти блестели при этом в электрическом свете Лувра.

В тот день Н.С., переполненный чувствами, отправил через WhatsApp сообщение профессору К.С.: «Дорогой отец! Я очень счастлив. Сегодня в Лувре люди, собравшиеся перед Моной Лизой, увидев мои ноги, отвернулись от нее и, всё позабыв, окружили меня. Мона Лиза больше никого не интересовала».

21 августа 2022.
Гюндоган

ИРИНА ЕВСА
Харьков – Дармштадт, Германия

РОВНО ГОД ВОЙНЫ

***

**– Я покину, – сказал он, – хлипкую эту лодку.
Сил всё меньше день ото дня.
Мне война запускает костлявую руку в глотку
и вычерпывает меня.**

**Там, внутри, уже – ни листочка, ни лепесточка,
ни обрыва, ни пустыря.
Посмотри, – говорит, – легка моя оболочка,
легче рыбьего пузыря.**

**Я уже не читаю книг, не включаю телик.
За харчами – и в норку юрк.
Я – законченный псих, затравленный неврастеник.
И не в помощь ни Фрейд, ни Юнг.**

**Соскреби нас, Господь, стальным своим мастихином
до землицы сырой, до тьмы.
И не надо стихов – какие теперь стихи нам? –
только бдение и псалмы.**

**Дрожь, как будто еще не выскочил из простуды.
Стынет воздух на языке.
Я давно уже ем из пластиковой посуды –
прочей не удержать в руке.**

**Рынок, ёлок предновогодние позументы,
дом в гирляндах, окно
в синих блёстках – не вижу в целом: всё на фрагменты,
на фрагменты расчленено.**

**А ещё он сказал: «Когда я рассыплюсь в этом
судном взрыве на горсть песка,
собери меня, Боже, заново – не поэтом,
а смотрителем маяка,
что уверен в одном: не тьма управляет светом,
а его рука».**

***

– Ладно, Ты отобрал море, клочок земли
в пять с половиной соток,
лунные ковыли, сад в дождевой пыли,
лета горячий свёрток,
дружный галдеж гостей с ворохом новостей,
беглого муравья.
Но зачем Ты убил детей?
Слышу в ответ: «Не Я».

– Ладно, взамен тюрьмы Ты мне вручил суму,
выбранив троекратно.
Разум моих друзей Ты погрузил во тьму
и не вернул обратно.
Кореш меня учил: Бог – справедливый чел,
а не галлон вранья.
Но детей Ты убил зачем?
Слышу в ответ: «Не Я».

– Ладно, меня Ты спас. Чтоб не рванула вспять,
окна обрушил в доме.
Дал сухарей в запас. И, бормоча «не спать»,
выплюнул на кордоне –
мол, на Luisenplatz в тёплом чужом пальто
выживешь, корм клюя.
Но детей Ты убил за что?
Слышу в ответ: «Не Я».

Вот я плыву пятном в пёстрых Твоих рядах
в ночь, где всего дороже
крыша над головой: по-украински – дах
и по немецки – тоже.
Кирхи зеленый шпиль над городской стеной.
Огненный сухоцвет.
– Господи, это впрямь Ты говоришь со мной?
И ничего в ответ.

***

– Смотри, смотри, – он говорит, –
вон там, налево от угла,
водонапорная горит.
Сегодня башня умерла.

А книжный помнишь? Испокон
в нём жили Фрост, Петрарка, Пруст.
Вчера все внутренности он,
сложившись, выблевал из уст.

А пруд, где я тебя пугал
к мосткам прибившимся жуком?
Там покорёженный мангал
присыпан пепельным песком.

Они, которых «тьмы и тьмы»,
взорвав, разграбив, порубив,
уже убили всё, что мы
обжить успели, полюбив.

Я тоже умер, если что.
Теперь я – видеомонтаж.
Взамен потёртого пальто –
на мне солдатский камуфляж.

Не тронь: я – трэш, я нехорош,
я не из тех, кто ищет слёз.
На свет не выйду – обомрёшь:
мне полбашки осколок снёс.

Я – только тело среди тел,
что в яме общей сплетены,
и, если честно, лишь затем
я отделился от стены,

с трудом дождавшись темноты
(как будто можно опоздать!),
что можешь ты и только ты
меня по шраму опознать.

****

Ты разбуди меня, но не здесь, не здесь.
Не заслоняй мне свет, как дурная весть,
словом «война», его нарративом чёрным.
Я доверяю только цветам и пчёлам.

Я не в ответе за мировую гниль.
«Где мои дети?» – снова кричит Рахиль.
В левом крыле, за лифтом, её палата.
Кто эти люди в белом – врачи, враги ль?
Вот мои дети: донник, ромашка, мята.

Кровь со щеки успела еще стереть
правой рукой. Сказали: осталась треть.
В хитром сплетенье длинных шнуров и трубок –
не подходи, не смей на меня смотреть! –
жалкий скулит обрубок.

Там разбуди, где воздух с утра стеклит
узкие окна меж розоватых плит.
Вот я сижу на ветке ольхи, болтая
тем, чего нет, и тем, чего нет, машу
тем, кого нет. Шмели расшивают шум,
сталкиваясь бортами.

***

По ржавому пальнув, пустому баку:
отстой, мол, и фигня,
он, выбив дверь, убил мою собаку.
Потом убил меня.

И не было ни ужаса, ни боли –
негромких два хлопка.
Мы встали и пошли, минуя поле,
направо, где река.

Но лапу приволакивала псина,
и боком по стерне
теперь не впереди она трусила,
а тычась в ногу мне,

в любой момент готовая включиться,
и даже огрести
за дурочку с пробоиной в ключице
и слабостью в кости.

Река, вписавшись в местную природу,
слегка смиряла прыть.
Я знала, что собака эту воду
не сможет переплыть.

А та в оцепенении глубоком,
поджав худой живот,
косила на меня печальным оком:
«А вдруг не доплывёт?»

Две беженки, чей срок на «или–или»
бессмысленно истёк,
мы с ней переглянулись и поплыли,
по грудь войдя в поток.

И словно безразличная, чужая
речь вне добра и зла,
река впустила нас, не отражая
в себе, и понесла.

РУСЛАН СЕМЯШКИН
Симферополь

ПАМЯТИ КАРА КАРАЕВА

С годами, когда этот непревзойденный художник давно переступил порог вечности, как-то по-особому стало ощущаться и восприниматься все его подлинное величие композитора, педагога, просветителя, общественного деятеля. И не только потому, что благодаря своей целеустремленности, а также цельности, последовательности, искренней любви к музыке и верности жизненному призванию ему удалось добиться больших высот, а и прежде всего ввиду того, что его музыкальное наследие не кануло в Лету, не оказалось погребенным вместе с автором, а убедительно подтвердило свою жизненность, самобытность, необычайную колоритность, основанную на национальном своеобразии, сочетавшемся с современностью и теми тенденциями в музыкальном искусстве XX века, мимо которых он, как человек, всецело живший музыкой, пройти просто не мог. И ведь что интересно: музыка для этого творца не была ни профессией, ни даже служением. Она, скорее всего, являлась для него тем жизненным воздухом, без которого он, как живой человек, яркая индивидуальность и неповторимая личность, естественно, обходиться никак не мог. Но врожденная скромность, воспитанность, сдержанность в демонстрации чувств и настроений этот его настрой не выпускали наружу. Да и не принято было в те, не такие уж и давние годы, уподобляться праздным болтунам, направо и налево разглагольствовавшим о своих якобы «победах» и «покорении новых вершин, бравшихся без боя». Самолюбование, кичливость, позирование перед самим собой и окружающими этим мастером напрочь отвергались. А уж о требовательности к себе, дисциплинированности, самокритичности так и подавно распространяться нет никакой надобности. Не будь они присущи ему с самых молодых лет, вряд ли он стал бы тем, кем его, собственно, знали не только в родном Азербайджане, но и во всем Советском Союзе – выдающимся азербайджанским советским композитором, заслуженным деятелем искусств и народным артистом Азербайджанской ССР, народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда, кавалером двух орденов Ленина, орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени, лауреатом Ленинской и двух Сталинских премий, академиком АН Азербайджанской ССР.

«…*Музыка – украшение жизни и одновременно источник высокого вдохновения,* – говорил Кара Караев, 105-летний юбилей со дня рождения которого в первой декаде февраля 2023 года отметила общественность Азербайджана и многочисленные почитатели творчества великого композитора на просторах бывшего Советского Союза и других стран мира. – *Быть может, никакому другому искусству не дана такая могущественная, окрыляющая сила, возвышающая мысль и чувство, такая безграничная, в сущности, способность к тончайшему психологическому анализу и одновременно – к созданию эмоциональной атмосферы коллективного, массового, объединяющего*».

Постигнув глубинный философский смысл этой бесспорной истины в совсем молодом возрасте, Кара Караев, один из самых талантливых учеников Узеира Гаджибекова и Дмитрия Шостаковича, которого великий русский композитор ласково называл «Кариком», прошагает с ней на протяжении всей, к сожалению, не такой уж и продолжительной по количеству прожитых лет жизни. И прошагает во всех отношениях достойно, навсегда, целиком посвятив себя музыке, которую страстно любил, боготворил и языком которой привык объяснять окружающий мир во всем его величии и однако противоречивом существе.

А коль уж речь зашла об учителях и наставниках композитора, тут необходимо отметить в первую очередь то, что Караев, уроженец Баку, сын одного из крупнейших деятелей медицины Советского Азербайджана, врача-педиатра Абульфаза Фараджоглу Караева, занимавшийся музыкой с детства, посещавший «класс слушания музыки» Бакинской детской музыкальной школы, учившийся затем в Бакинском музыкальном рабфаке, – в классе у Гаджибекова на композиторском факультете Азербайджанской государственной консерватории (класс композиции у него вел профессор Леопольд Рудольф), старательно изучал основы азербайджанской народной музыки. И благодаря этому великому подвижнику, композитору и педагогу, щедро делившемуся с молодыми музыкантами теоретическими познаниями в области музыкального фольклора и своим огромным опытом претворения его в собственных произведениях, Караев еще студентом смог постичь красоту, своеобразие и оригинальность национальной азербайджанской музыки, угадывавшихся затем во многих творениях композитора.

«*В классе этого талантливого педагог*а, – вспоминал Караев в одном из номеров газеты «Советская культура» за 1975 год, – *обладавшего какой-то особой чуткостью в подходе к каждому из своих воспитанников, многие из нас впервые осознали, что за обаятельностью бесхитростных лирических народных песен, за изысканностью структуры мугама кроются чуткая система и красота не только эстетического, но и логического порядка. И тогда же под впечатлением глубоких и мудрых суждений учителя, как и на примере творчества самого Гаджибекова, стала особенно отчетливой безграничность, неисчерпаемость возможностей фольклора в качестве источника национального композиторского стиля. Перед многими из нас раскрылся новый мир, мир смелых поисков, дальнейших новаторских открытий*».

Но не только Гаджибеков поспособствует формированию у Караева национальной музыкальной идентичности, ставшей одной из важнейших характерных особенностей всего многогранного творчества композитора. Поможет ему в этом деле и другой выдающийся знаток народной музыки, блистательный оперный певец, народный артист СССР Бюль-Бюль (Мамедов), с голоса которого Караев, будучи студентом, принимавшим участие в работе Научно-исследовательского кабинета музыкального фольклора при консерватории (НИКМуз), начнет записывать мугамы, а также напишет три тэснифа для голоса и симфонического оркестра на стихи всемирно известного азербайджанского поэта XII века Низами Гянджеви: «Лейли», «Ширин», «Сэрэнджтэснифи».

Чуть позже свет увидит и первая в творческом багаже Караева кантата для хора, симфонического оркестра и танцевального ансамбля «Песня сердца», написанная на стихи будущего народного поэта Азербайджанской ССР Расула Рза к первой декаде азербайджанского искусства в Москве, состоявшейся в апреле 1938 года и имевшая большой успех у слушателей.

Само же первое близкое соприкосновение с широкой аудиторией окончательно утвердит намерение молодого Караева посвятить свою жизнь музыкальному творчеству. Посему, вскоре после декады его зачислят на композиторский факультет Московской государственной консерватории имени П.И.Чайковского, где ему посчастливится учиться у выдающихся советских музыкантов С. Василенко, А. Александрова, Г.Литинского, Л.Мазеля, а последние четыре года, вплоть до окончания этого знаменитого учебного заведения, у Д. Шостаковича в руководимом им классе композиции. И по завершении обучения в котором, в апреле 1946 года Дмитрий Дмитриевич в характеристике Караеву напишет: *«Кара Караев обладает большим и ярким композиторским дарованием. Общее развитие его стоит на большой высоте. Это талантливый и культурный композитор. Он отлично владеет инструментовкой, полифонией и другими слагающими музыкального искусства. Караев – это композитор-практик с несомненным большим будущим»*.

Влияние великого художника на молодого даровитого, чрезвычайно талантливого азербайджанца окажется огромным, и взаимоотношения учителя и ученика ста-

нут необычайно крепкими, доверительными, уважительными и продлятся вплоть до кончины Дмитрия Дмитриевича в августе 1975 года.

«…Не могу без глубокой благодарности и любви говорить о своем учителе, о Шостаковиче, – писал Караев в ноябрьском номере журнала «Советская музыка» за 1967 год. – С его именем связано формирование моих (и разве только моих) художественных идеалов. Впрочем, «формирование» – это не то слово, оно слишком академично. Личное обаяние великого мастера, его своеобразный человеческий и художественный «магнетизм» буквально преобразили меня за удивительно короткий срок. Это был случай необычайно сильного влияния учителя на ученика, но влияния не сковывавшего, а, напротив, невероятно стимулирующего творческий рост. Одно исключалось полностью – бездумное сочинительство, ремесленничество, делячество от музыки. Одно прививалось особенно прочно – гражданственность, неразрывность «своего» и «общего».

Хорошо известно и то, как Шостакович искренне поддерживал одного из лучших своих учеников в годы учебы и позже, когда вчерашний ученик давно уже сам превратился в учителя. Сохранились и еще при жизни Караева были опубликованы письма и телеграммы Дмитрия Дмитриевича, адресованные Кара Абульфазоглу и направлявшиеся ему на протяжении долгих лет.

Вот, к примеру, письмо Шостаковича Караеву, датированное 11 июля 1945 года и направлявшееся из Москвы: *«Дорогой Карик! Спасибо Вам за письмо. Оно меня очень обрадовало. Поздравляю Вас и Гаджиева*[1] *с успехом Вашей оперы*[2]*, о котором мы уже слыхали в Москве. Не сомневаюсь в том, что работа над оперой принесет Вам большую пользу. Было бы хорошо, если бы Вы приехали в Москву и закончили бы консерваторию по всей форме. Диплом вещь нужная и на земле, к сожалению, не валяется. Подумайте сейчас над Вашей дипломной работой. Время сейчас для этого самое подходящее. До будущих гос[ударственных] экзаменов остался год, и, таким образом, время еще есть и на обдумывание, и на сочинение. Желаю Вам здоровья и здоровья. Вашей семье шлю лучшие пожелания…»*

Позволю себе привести еще одно трогательное и характерное, показывающее неподдельную заинтересованность Шостаковича делами Караева письмо, направленное ему также из Москвы одиннадцатью годами позже, 5 декабря 1956 года.

«Дорогой Карик! Очень я жалею, что не удалось мне с Вами повидаться, когда Вы были в Москве. Сегодня я узнал, что Вы отбыли в Баку. Узнал также от Л[ьва] О[скаровича] Арнштама, что Вы закончили его картину[3]*, беретесь за «Дон-Кихота»*[4] *и «Отелло»*[5]*. Это, конечно, хорошо. Особенно я рад, что Вы взялись за «Дон-Кихота». Г[ригорий] М[ихайлович] Козинцев – мой большой друг, и я радуюсь, что Вы будете с ним работать.*

С другой стороны, меня терзает некоторое беспокойство: не слишком ли много Вы набрали работы? В нашем деле главное – не надорваться. Поэтому требуйте себе достаточно длительные сроки, чтобы не уставать, чтобы всегда чувствовать себя хорошо. В свое время я очень много работал. И, пожалуй, это мне не пошло на пользу.

Ведь к тому же Вы председатель Союза [композиторов Азербайджана], работаете в консерватории. Ужасно это много, и мне беспокойно за Вас.

У Вас огромный талант. Не надорвитесь с такой огромной нагрузкой…»

---

[1] Гаджиев Ахмед Джевдет Исмаил оглу – азербайджанский композитор, педагог, народный артист Азербайджанской ССР, соавтор Кара Караева по опере «Вэтэн» («Родина», 1945).

[2] Речь идет об успешной премьере оперы «Вэтэн» в Азербайджанском государственном театре оперы и балета имени М.Ф.Ахундова, состоявшейся 4 мая 1945 года.

[3] Художественный фильм Л.Арнштама «Урок истории», 1956 г., «Мосфильм» и «София-фильм».

[4] Фильм «Дон-Кихот», 1957г. «Ленфильм». Режиссер Г.Козинцев. Сценарий Е. Шварца.

[5] Речь идет о предполагавшемся для Ленинградского театра оперы и балета имени С.М. Кирова балете по трагедии В. Шекспира «Отелло».

Несомненный талант Караева для Шостаковича был очевиден. Замечали удивительную, ярко выраженную даровитость молодого композитора, разумеется, и другие музыканты-профессионалы, в том числе жившие и трудившиеся в Азербайджане. Да и как можно было не замечать Караева, если писать музыку он начал рано, и уже первые его произведения впечатляли своей искренностью, непосредственностью выражения чувств, красочностью образов и новыми приемами в подаче национальных мотивов и мелодики!

Учась в Московской консерватории, Караев предметно поработает и над таким вопросом, как применение традиций классической полифонии к одноголосной в своей природе азербайджанской музыке. Интересной в этом отношении станет его «Пассакалья и Тройная фуга» для симфонического оркестра, написанная в 1941 году. Фактически же Караев окажется в числе первых азербайджанских композиторов, обратившихся к различным жанрам камерной музыки: к струнному квартету, сонате, к полифоническим формам фортепианной музыки, романсу. Привлекали его тогда также театр и кино. А в течение 1941 – 1943 годов он вместе со своим другом, молодым композитором Гаджиевым (также учеником Шостаковича) поработает над оперой «Айна», рассказывавшей о азербайджанской колхозной действительности. Напишет Караев и музыку к пьесе «Мирза Хайял» Мир Джалала и к нескольким кинофильмам, созданным Бакинской киностудией. Прочно войдет в народную музыкальную копилку и созданный композитором в 1943 году «Азербайджанский марш» для духового оркестра.

Как и абсолютное большинство советских граждан, искренне переживавший весь небывалый доселе трагизм, но и величие легендарных сражений Великой Отечественной войны, впечатленный бессмертным подвигом Сталинграда, Караев, задумав воплотить в музыке тему борьбы против фашистской агрессии, в том же 1943 году напишет свою Первую двухчастную симфонию си-минор, эпиграфом к которой станут слова: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины» и премьера которой состоится в декабре следующего года во время музыкальной декады республик Закавказья, проходившей в Тбилиси.

Вторую симфонию до-мажор в пяти частях, завершенную весной 1946 года и в том же году впервые исполненную оркестром Азербайджанской государственной филармонии, Караев посвятит также Великой Отечественной войне, показав в этом творении переживания советских граждан, связанные с победой в этой страшной войне.

О героических событиях Великой Отечественной войны, о борьбе против фашистских захватчиков, о дружбе народов большой многонациональной страны, о формировании в дни тяжелых испытаний характера нового советского человека, Кара Караев в соавторстве с Джевдетом Гаджиевым расскажут в своей, имевшей официальное признание и полюбившейся слушателям опере «Вэтэн» (либретто – И.Идаятзаде), посвященной 25-летию Советского Азербайджана и отмеченной в 1946 году Сталинской премией второй степени.

Профессиональное становление Караева было стремительным. После оперы «Вэтэн» и Второго струнного квартета ля-минор, созданного в 1947 году и посвященного Шостаковичу, состоявшего из четырех частей (Сонатина, Ларго, Токката, Пастораль), но впервые исполненного лишь в 1962 году Азербайджанским государственным струнным квартетом в дни Второго съезда композиторов республики, Караевым будут написаны такие выдающиеся его произведения, как симфоническая поэма «Лейли и Меджнун», за которую композитор в 1948 году получит Сталинскую премию второй степени; романсы на стихи «солнца русской поэзии» А. Пушкина «На холмах Грузии», «Я вас любил»; сюита «Семь красавиц»; «Марш бакинских нефтяников» для духового оркестра, «Пионерская песнь о мире» на стихи З.Джаббарзаде; «Песня нефтяников моря» на стихи Михаила Светлова, перекочевавшая из известного кинофильма «Повесть о нефтяниках Каспия» на эстраду, да и в повседневную жизнь всей республики и известная на просторах Советского Союза благодаря бесподобному исполнению ве-

ликими Рашидом Бейбутовым и Муслимом Магомаевым; «Албанская рапсодия»; одночастная кантата «Знаменосец эпохи» на стихи выдающегося азербайджанского поэта Самеда Вургуна и другие.

Известный советский музыковед Д. Житомирский в 1959 году писал в газете «Бакинский рабочий»: «*Сейчас уже без тени сомнения можно сказать, что Караев – одна из самых крупных и ярких творческих фигур в советской музыкальной культуре наших дней*». И такая оценка была всецело обоснована и основывалась, конечно, на том явном признании, которое приобрел в музыкальном сообществе страны Кара Караев после написания им в пятидесятые годы прошлого столетия музыки для балетов «Семь красавиц» и «Тропою грома», ставших значительными вехами во всем его многогранном творчестве.

Балет «Семь красавиц» (либретто И. Идаятзаде, С. Рахмана, Ю. Слонимского, впервые поставленный на сцене Азербайджанского государственного театра оперы и балета имени М.Ф. Ахундова и премьера которого состоялась 6 ноября 1952 года в торжественный вечер 35-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, стал на долгие годы и десятилетия украшением азербайджанского национального балета, тем более, что Караев раскрывал в нем высоко гуманистическую тему творчества Низами, последовательно ратовавшего за нравственное совершенствование человека и общества.

«*Самое сильное в новом балете – его музыка*, – писал Шостакович в своей статье «Новый азербайджанский балет», опубликованной в «Правде» 18 декабря 1952 года. – *В этом произведении ярче, чем прежде, проявились многие особенности дарования композитора Кара Караева.*

Следуя лучшим традициям русской балетной классики и более всего традициям Чайковского, композитор создал значительное реалистическое произведение.

Музыка «Семи красавиц» – подлинно симфоническая музыка, обладающая масштабностью, широким дыханием. Почти весь балет воспринимается как цельное, непрерывно развивающееся и нарастающее музыкальное действие. <…>

Музыка, рисующая визиря и его приспешников, полна обличительного сарказма, подчеркивает жестокость, тупую, мертвящую силу деспотизма. Особенно выразительна в этом смысле сцена злобного вытаптывания поля. Здесь музыка соединяет в себе обличительный гротеск и драматизм. По своей яркой театральности и симфоническому блеску выделяется эпизод «Шествия» из II акта. Полна своеобразного очарования и тонкого национального колорита музыка танцев семи красавиц. Удались композитору портреты индийской, магрибской, китайской красавиц и в особенности нежный и прозрачный танец «прекраснейшей из прекрасных».

Музыка «Семи красавиц» тесно связана с родной композитору национальной культурой. В произведении постоянно ощущаются характерные для азербайджанской народной музыки мелодические обороты, ритмы и лады».

Вообще же Караеву, без сомнений, удалось тогда создать потрясающую, волнующую музыкально-хореографическую трагедию. И не только балетные традиции Петра Чайковского, о чем писал любимый учитель и наставник, продолжил композитор, но и, разумеется, развил искания крупнейших советских композиторов и более всего Сергея Прокофьева, о чем убедительно говорили принципы музыкальной драматургии этого караевского балета.

Стихия танца в данном балете обеспечивалась содержательной, наполненной национальным колоритом музыкой. И вряд ли публике был бы так понятен образ главной героини Айши с ее страстным чувством к Бахраму, не будь в этом произведении того бесподобного музыкального обрамления, той поэтики и лиричности, которые смог так органично объединить Кара Караев, тонко ощущавший как язык музыки и танца, так и поэтическое слово великого Низами, не устаревающее и до сих пор не растерявшее своих глубинных смыслов.

Семь десятилетий прошло с того памятного дня, когда балет «Семь красавиц» на бакинской сцене начал свою большую самостоятельную жизнь. Причем совсем не затворническую, не местечковую и ограниченную лишь рамками азербайджанской земли-красавицы, а полнокровную, отмеченную пребыванием и триумфальными представлениями на дальних зарубежных сценах таких разных в культурном развитии стран, как, например, Дания и Румыния, Египет и США.

Кстати, Караев и сам многократно, как один из крупнейших советских композиторов и общественных деятелей, представлявших музыкальное искусство древнего, но всегда молодого и прекрасного Азербайджана, бывал за рубежом. И география его поездок достаточно широка. А в некоторых странах, в том числе и таких, как США, где его восторженно принимали, он бывал не единожды.

В 1963 году в Соединенных Штатах Америки с Караевым посчастливится близко познакомиться такому удивительному и неповторимому русскому композитору, как Родион Щедрин, недавно отметившему свое 90-летие. Там, за океаном, Кара Караев откроется для своего более молодого коллеги как человек широчайшей культуры и музыкант, в прямом смысле боготворивший музыку.

«*Месяц совместного житья бок о бок и вдалеке от Родины, дни, насыщенные впечатлениями, поездками, встречами, – все это неизбежно служит своеобразным «рентгеном», средством ускорения психоанализа в общении с новым для тебя человеком*, – писал годы спустя Щедрин. – *Меня, в частности, покорила и увлекла тогда осведомленность Караева во многих и самых разнообразных явлениях современного музыкального искусства. Я, например, до той поры довольно скептически, с определенной долей иронии, снобизма и даже высокомерия относился к искусству джаза. И был искренне удивлен, когда Караев, проявив и в этой области полную компетентность, стал называть множество имен, соотносить их с разными творческими направлениями, вдаваясь в такие тонкости, о существовании которых я и не подозревал.*

У нас было много интересных встреч с представителями мира джаза, такими, как Джерри Маллиган, Дейв Брубек, Ахмад Джамал, Стен Кентон, певица Крис Коннор. В беседах с ними Караев всегда был инициативной стороной, очень умело увлекая их в дебри профессиональных секретов, и под воздействием его заинтересованности, искренности они сами как-то раскрывались, загорались. Именно в эту поездку Караев и меня заразил серьезным интересом к джазу, и среди многих иных стимулов я обязан ему и тем, что открыл для себя джаз как одно из серьезных явлений искусства XX века – я имею в виду, конечно, не коммерческий, а настоящий, профессиональный джаз. <…>

Пожалуй, первое, что бросается в глаза, что сразу ощущаешь в облике Кара Караева, – это чрезвычайно высокая культура. Кто-то из великих французов, кажется, говорил, что культура – это то, что остается, когда человек забывает все, чему его учили. Если приложить это (весьма условное) определение к Караеву, то коэффициент получится внушительный. И прежде всего потому, вероятно, что фундамент его музыкантской и человеческой культуры составляют не только воспитание, не только эрудиция, но и ярчайшая человеческая одаренность, неустанная активность и необычайная пытливость ума, определяющая постоянное движение вперед.

Жажда познания неизведанного, неосвоенного – еще одна из самых характерных сторон его личности, его таланта. И она неразрывно связана с такой чертой его художественной натуры, как отсутствие какой бы то ни было предубежденности. Для Караева не существует предвзятости, априорного деления явлений искусства на «черное» и «белое», приемлемое и неприемлемое, никакой заранее придуманной схемы, в которую одни явления укладываются, а другие – нет.<…>

Интеллектуальный кругозор Кара Караева практически необозрим. Он живо – и со знанием дела – интересуется и философией, и математикой, и теорией относительности, и биохимией, и новейшими открытиями астрофизики, и кибернетикой… Отнюдь

не удивят в беседе с ним, скажем, экскурсы в историю древнегреческого искусства. Такая разносторонняя эрудиция – уже сама по себе редкость, особенно в наш век. А Караев живет удивительно интересно, полнокровно: всякое движение нашей цивилизации, всякое открытие вызывает у него живейший отклик. Но больше всего поражает его стремление – настойчивое и убежденное – соотнести все эти явления окружающего мира с собственным творчеством. Это, быть может, и питает его искусство неиссякаемыми творческими импульсами.<…>

Будучи глубоко национальным художником, Караев совершенно лишен национальной ограниченности. Вместе с Узеиром Гаджибековым его смело можно назвать основоположником современной азербайджанской музыкальной культуры. Продолжая традиции своего учителя, он творит буквально во всех жанрах. В списке его сочинений – опера и балеты, симфонии и струнный квартет, инструментальные концерты и пьесы, он пишет хоры и кантаты, приветственную музыку, как принято говорить, «к случаю», музыку к кинофильмам и спектаклям. И во многих из этих жанров именно Кара Караев является практически первооткрывателем в азербайджанской музыке. <…>

И еще Кара Караев может служить примером требовательного отношения к собственному творчеству. Он сочиняет очень ответственно, продолжая в этом отношении традиции еще одного своего учителя – Дмитрия Шостаковича. Все у него до конца выверено, многократно продумано, строгость в отборе средств – необычайная. Это служит залогом тому, что каждое следующее произведение Караева становится событием музыкальной жизни, несет слушателям новые открытия».

Со словами этими, написанными Родионом Константиновичем много лет назад, разумеется, соглашались композиторы и музыканты, современники Караева. Соглашались с ними и исследователи творчества великого композитора вкупе со многими советскими и зарубежными музыковедами, изучавшими творчество Кара Абульфазоглу и писавшими о нем. И, что не менее важно, не ставили их под сомнение слушатели как в родной республике, так и в Москве, Ленинграде, других больших и малых городах, селениях, деревнях и аулах, то бишь везде, где звучала караевская музыка, записывавшаяся на пластинки, выходившие огромными тиражами и быстро в народе распространявшиеся.

Нельзя не согласиться с выдающимся русским советским композитором и в том, что любое произведение Караева становилось событием, а в отдельных случаях так и вовсе явлением, необычайным, непередаваемым, завораживавшим и затем уже не отпускавшим… И одним из самых значимых таких явлений, бесспорно, стал его балет «Тропою грома», написанный мастером в конце пятидесятых годов ушедшего столетия (1-я редакция – 1957 год, 2-я редакция – 1958 год) по сюжету широко известного в те годы, переведенного в том числе на русский язык одноименного романа южноафриканского писателя Питера Абрахамса.

Как бы высоко ни оценивался весь этот спектакль, писавшийся Караевым по заказу Ленинградского академического театра оперы и балета имени С.М. Кирова и на его сцене впервые поставленный, ключевое место в нем все же занимала музыка, что на протяжении долгих лет подчеркивали и специалисты, и обычные люди, слышавшие и наблюдавшие «Тропою грома» в театрах и записи. Именно музыка этого выдающегося, жизнеутверждающего и духоподъемного балета, спустя практически десятилетие, заслуженно принесет Кара Караеву в 1967 году Ленинскую премию.

Симфоническое мастерство композитора, находившееся на уровне самых высоких требований современности, его глубокий интеллект, широта познаний в сочетании с большим, несомненным темпераментом, великолепным ощущением фольклорных особенностей различных народностей, сказавшихся в ряде более ранних сочинений, особенно сильно проявились в музыке балета «Тропою грома».

После ленинградской постановки балета Караев писал: «*Поднятая в романе большая социальная тема, которая раскрывается писателем через взаимоотношения*

героев, а именно, право на простое человеческое счастье «цветного» с белой девушкой, глубоко затронула меня. Персонажи ярко представились мне в музыкальных и сценических образах».

Сила любви, трагической, приносящей гибель героям, но грозно возвещающей о зреющем крахе колонизаторов, вдохновила композитора на создание великолепной партитуры, которую он посвятил С. Прокофьеву. И как эпиграф звучат в партии мягкого женского голоса (вступление) полные возвышенной патетики слова П. Абрахамса: *«Пойте песнь нашего времени, дети. Не о ненависти, не о войне. Пойте о любви. Велите земле, – да восстанет от ложа мук, разорвет свои цепи и поет, ликуя. Велите утру и полдню, и сумеркам, – да возвысят голос и поют песнь нашего времени. Не о ненависти, но о любви*».

Своеобразие же этого творения прежде всего в том, что композитор смог подобрать интонационные, гармонические и метроритмические формулы не только в фольклоре различных африканских государств и племен, но и в мелодиях, блюзах американских негров, танцевальных формах кубинцев. И эти фольклорные элементы послужат Караеву неким «допингом» для возбуждения собственной фантазии, которая и сообщит партитуре богатство и разнообразие мелодий и ритмов.

Балет «Тропою грома», имевший громкий успех в Ленинграде, был затем перенесен и в Москву, где предстал в новой музыкально-сценической редакции. И впервые за пульт балетного представления тут встал выдающийся дирижер Евгений Светланов, под руководством которого оркестр Большого театра СССР уверенно и четко, с большой экспрессией передал красочность, сложные ритмы, яркие и острые контрасты музыки Караева, ее эмоциональную насыщенность.

Восхищавшийся ранее музыкой первого балета Караева «Семь красавиц», Евгений Федорович вспоминал: «*Мне выпала честь принимать участие в постановке на сцене Большого театра другого не менее значимого балета Кара Караева – «Тропою грома». Работа над этой партитурой была подлинным событием в моей творческой жизни. <…>*

В результате огромной творческой заинтересованности, овладевшей всеми участниками постановки «Тропою грома», в кратчайший срок родился яркий, органически цельный спектакль, горячо принятый публикой и музыкальной общественностью столицы. Подтверждением этого служит также теплый прием спектакля зарубежными зрителями во многих странах, где он показан.

Не будет преувеличением сказать, что Караеву удалось совершенно по-новому и, главное, по-своему разработать и представить в законченной форме богатый и самобытный негритянский музыкальный фольклор. Причем цитат как таковых в балете почти нет. Караев не столь пропитался музыкой Африки в ее локальных измерениях, сколь глубоко постиг сам дух и внутреннюю сущность ее. Это в сочетании с великолепным композиторским мастерством, знанием и природным чутьем специфики хореографии, наконец, с интересным, острозлободневным и весьма драматическим содержанием романа Абрахамса привело композитора к большой творческой победе, по праву и достоинству отмеченной присуждением Кара Караеву звания лауреата Ленинской премии».

Премьера балета на сцене Большого театра, на которой присутствовали участники проходившего в те дни в Москве Пленума ЦК КПСС, прошла 27 июня 1959 года более чем успешно. Все, кто был в тот вечер в зале, оказались буквально очарованными караевской музыкой, хорошей постановкой и танцами артистов.

А выдающийся русский советский композитор Юрий Шапорин в одном из сентябрьских 1959 года номеров «Правды» тогда написал: «*Радостно, что наша советская музыка все смелее вторгается в темы современности… Как и книга южноафриканского писателя, произведение советского художника полно ненависти к современным колонизаторам, чья мораль расистов воспринимается в наше время как пережиток жесто-*

кого средневековья. Как и в книге, в музыке балета мы ощущаем любовь и мужество, силу сопротивления разрушительной жестокости, великий гнев людей и их страстную мечту о возмездии, свободе, счастье… И когда в финале балета, в шествие «тропою грома» вливаются все новые и новые борцы за свободу, верится: молодые прогрессивные силы современной Африки доведут дело освобождения народов до конца».

Без сомнения, следует сказать и о том, что на сцене Большого театра, как, впрочем, и в Ленинградском театре оперы и балета имени С.М. Кирова, в этом балете всегда задействовались лучшие танцоры. Но особым успехом он стал пользоваться, наверное, тогда, когда с 1963 года партию мулата, молодого учителя Ленни Сварца будет блистательно исполнять, становившийся в те годы все более известным будущий лауреат Ленинской премии, народный артист СССР Марис Лиепа, танец которого никого не оставлял равнодушным.

Балет «Тропою грома» станет одной из вершин в творчестве композитора. Его поставят после Ленинграда и Москвы в Баку, Казани, Донецке, Минске, Кишиневе, Уфе, Петрозаводске, Ташкенте, Днепропетровске, а также в больших городах Болгарии, Чехословакии, Румынии. А в дни празднования 10-летия Китайской Народной Республики Большой театр покажет балет Караева зрителям Пекина, Шанхая и других городов. И везде караевское творение, хорошо известное также в музыкальных кругах Франции, Бельгии, странах Скандинавии, Великобритании, США, будут принимать восторженно, с особым чувством, наполнявшимся одновременно праведным гневом, но и силой всепобеждающей любви, которой только и подвластны самые трудные препятствия, встающие у людей на их жизненном пути.

Кара Караев – художник, новатор и экспериментатор, которому было подвластно работать в разных жанрах и который блестяще умел разворачивать красочные сцены музыкального действия, захватывавшие миллионы слушателей целиком. Динамика их рвалась в любое свободное пространство, тем самым подтверждая жизненность, реалистичность создававшихся композитором вещей, продолжающих звучать и ныне.

Велика заслуга Караева и в том, что в своих произведениях, в том числе написанных к драматическим спектаклям и кинофильмам, он даст как бы второе рождение пересказанным им языком музыки образам, созданным в свое время Омаром Хайямом и Низами Гянджеви, Сервантесом и Шекспиром, Пушкиным и Лермонтовым, Назымом Хикметом и Абрахамсом, Самедом Вургуном и Всеволодом Вишневским. И образы эти в музыкальном сопровождении Караева получат новую жизнь, плавно перебравшись из своей действительности в век XX, представлявшийся композитору без обращения к лучшим образцам классики в какой-то мере обделенным, неполным и не отвечавшим постоянно повышавшимся культурным запросам как самого Кара Абульфазовича, так и его современников.

Весной 1965 года в Москве Камерным оркестром под управлением всемирно известного Рудольфа Баршая.была впервые сыграна легендарная Третья симфония Кара Караева, имевшая не только громкое признание, но и ставшая своеобразной вехой в творчестве композитора, выступившего в ней смелым экспериментатором, стремившимся «попробовать свои силы» в неизведанном направлении.

Но куда важнее все же сказать о теме Третьей симфонии. А тема этого произведения, без преувеличения, вечная: человек в борьбе за человечество. Впрочем, тема сия для Караева новой не являлась. Ведь в «Лейли и Меджнуне» он говорил о любви, выступавшей сродни подвигу; а в балете «Семь красавиц» композитор задумывался над воплощением давней идеи о нравственном совершенствовании человека. Известна также непримиримость к несправедливости и злу шагающего из века в век Дон Кихота, одержимого сознанием долга перед всем человечеством, прекрасно переданная Караевым в музыке к известному одноименному фильму Г. Козинцева, вышедшему на широкий экран в 1957 году. А уж о человечности балета «Тропою грома», несшего людям разных национальностей непреходящую истину о том, что «человек – всегда человек,

независимо от цвета кожи», так и вовсе говорить бессмысленно. Праведная, гуманная, жизнеутверждающая, славящая человека музыка Караевым потому и создавалась, что без следования этим вневременным философским исканиям он музыкальное искусство, во всей его совокупности, не мыслил и не представлял.

Человек в понимании Караева был главным мерилом и содержанием всегда тревожного, но и прекрасного мира. Ему в неразрывной связи с народом и считал необходимым служить великий творец и общественный деятель. Потому, при всей своей профессиональной занятости, в том числе связанной с научно-просветительской деятельностью, он находил время и для общественной работы – депутатской, партийной, избравшись депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР четвертого созыва и депутатом Верховного Совета СССР шести созывов, членом ЦК Компартии Азербайджана и республиканского Комитета защиты мира.

Т.Т.Салахов, 1960

Великая Александра Пахмутова, являющаяся сегодня старейшиной композиторского сообщества на всем постсоветском пространстве, рассуждая много лет назад о своем старшем азербайджанском коллеге, о его человеческих качествах, ну, и, конечно, о творчестве, писала: «*В чем для меня как для слушателя и музыканта секрет обаяния личности очень любимого мною композитора Кара Караева? Я много думала об этом и в конце концов поняла вот что. Да, Кара Караев – талантливый и высокопрофессиональный композитор. Но сила его как художника прежде всего в довольно редко встречающемся сочетании глубокой философичности мышления (предполагающего, казалось бы, холодную графику манеры письма) и буйного, яркого, жизнелюбивого темперамента. Это действительно весьма редкое сочетание. Может быть, именно благодаря этому триумфальна судьба его произведений «Семь красавиц», «Тропою грома» и других более поздних сочинений, таких, например, как Третья симфония и Концерт для скрипки с оркестром. Может быть, именно благодаря этому сочетанию у Кара Караева мы каждый раз находим новые, современные выразительные средства, которыми он пользуется, чтобы донести до нас озарившую его мысль, не дающее ему покоя чувство боли или радости. Мне кажется, именно таким сосредоточенным, ушедшим в себя, но в то же самое время в любую минуту готовым взорваться своим искрометным темпераментом изобразил Кара Караева Таир Салахов в одной из лучших, на мой взгляд, своих портретных работ. Наверное, художнику было очень интересно писать Кара Караева, потому что Кара Абульфазович – прежде всего очень интересная, яркая личность. Меня всегда поражает и радует его юное, смелое, дерзкое чувство современности во всем – и в музыке, и в жизни. Меня восхищает его постоянный активный интерес ко всему новому в современном музыкальном искусстве –*

от новых выразительных средств в сложнейшей симфонической ткани до технических возможностей электрической бас-гитары. И это у композитора, работающего в таких серьезных, крупных, монументальных, «солидных» жанрах!

Кара Караев действительно близок к жизни. Его, депутата Верховного Совета СССР, живо и остро волнуют проблемы, которыми живет его республика, его родной Азербайджан. Его, профессора консерватории, живо, неформально волнуют судьбы и пути творчества его многочисленных учеников. Я усматриваю близость его к жизни, к современности в том, с каким интересом он относится к так называемой музыке быта, к легкой музыке, к песне во всей сложности ее роли в современной жизни. Это ощущаешь, разговаривая с ним, это ощущаешь в самом его творчестве, например, в киномузыке, когда волею автора сценария Кара Караеву приходится работать в «легком» жанре. <…>

Мне всегда интересно встречаться с Кара Караевым как с товарищем по работе в Союзе композиторов СССР, мне интересно знать его мнение по самым разным вопросам. Мне интересны его глубокие, неравнодушные мысли. Мне интересны его высказывания о сочинениях других композиторов, потому что его острое аналитическое чутье и меткие оценки вдруг совершенно по-новому открывают для меня работу моих коллег. Но самое главное, мне всегда интересна встреча с его произведениями, потому что этот художник никогда не повторяет себя, потому что в его творчестве всегда встречаешься с новым, ярким и неожиданным».

Пожалуй, ко всему сказанному Александрой Николаевной, человеком, как известно, исключительно искренним, отзывчивым и добрым, добавить можно лишь то, что таким Кара Караев оставался на протяжении всей своей, увы, по сути рано прервавшейся жизни. Жизни, во всех отношениях яркой, содержательной, плодотворной, подвижнической, наполненной беспрерывным, никогда не прекращавшимся служением музыкальному искусству, что, почитай, следует воспринимать, как бескорыстное, не допускавшее показушности и выпячивания, служение человеку, народу, стране, миру. Ценностям в караевском миросозерцании незыблемым и нерасторжимым, в чем никто, знавший композитора лично, никогда не сомневался.

Сорок лет прошло с того майского дня, когда в Москве великий сын азербайджанского народа, первоклассный композитор и педагог, воспитавший целую плеяду азербайджанских композиторов и музыкантов, навсегда распрощался с земной действительностью, найдя последнее постоянное пристанище на Алее почетного захоронения в Баку.

…Смотрящий в бескрайнюю каспийскую даль красавец Баку продолжает жить своей беспокойной, наполненной каждодневными делами, успехами, достижениями, проблемами и тревогами жизнью. Земной, обыденной жизнью, благодаря совестливым и добрым потомкам всегда напоминающей и о Кара Караеве, будь то названием его именем проспекта и станции метро или мемориальной доской, расположенной на доме, в котором он жил, и, естественно, памятником работы известного азербайджанского скульптора Фазиля Наджафова, установленном в парке, рядом с кинотеатром «Низами», что по-своему глубоко символично и исторически оправдано. Следовательно, композитор не забыт, о нем помнят и к мемориальным местам, связанным с его именем, по-прежнему несут живые цветы… как дань огромной признательности за творчество, продолжающее жить, звучать, изучаться, пропагандироваться верными поклонниками и привлекать внимание новых поколений, призванных жить в современных реалиях, в которых, тем не менее, без караевской музыки не обойтись…

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

СНЫ ИДИОТА

Повесть

На шестьдесят шестом году жизни Надиров Надир поймал себя на том, что разговаривает со своим прошлым. Это происходило постоянно на протяжении нескольких лет, потому что Н.Н. был человек одинокий, бесконечно одинокий, давно и безнадежно одинокий, но поймал он себя недавно. Не обращал внимания, не зацикливался, не считал психическим отклонением, а считал, что это в порядке вещей – человек должен обращаться к своему прошлому… Может, он и прав, бросить взгляд на прожитые годы и прочее… Но постоянно разговаривать с мертвыми, с давно покинувшими этот мир!.. Это уж – извини, подвинься. «Я всегда советовался с женой и продолжаю», – мысленно оправдывал себя Н.Н. Жизнь его нельзя было сказать, чтобы была наполнена интересными, запоминающимися событиями, дающими повод постоянно ворошить свое прошлое, это была самая обыкновенная жизнь, но Н.Н., видимо, было необходимо обращаться к своему прошлому… Ну, во-первых, потому что больше не к кому было обращаться, тем более, когда он недавно вышел на пенсию, и хождения в среднюю общеобразовательную школу пять дней в неделю, где он преподавал физкультуру в начальных классах и где все же было хоть какое-то общение и с подрастающим поколением, игнорирующим спорт, и со своими коллегами-учителями, в душе не очень серьезно относящимися к нему и его предмету (звучит двусмысленно, если учесть, что преподавательский состав состоял сплошь из представительниц противоположного пола, но слово уже вылетело), подошли к концу, и он остался наедине с собой в маленькой квартирке, которую получил почти в конце своей трудовой деятельности, за два года до выхода на пенсию, а до того снимал квартиру, тоже маленькую, но поглощавшую большую часть его зарплаты. И самое главное: в его постоянных экскурсах в прошлое была память о жене, уже давно покинувшей его, ушедшей в мир иной, покинувшей, поки… Тут обычно слезы наворачивались на глаза Н.Н., а к горлу подкатывал обжигающий ком.

Теперь ему нечем было заполнить свою жизнь, кроме своих мыслей и воспоминаний. Да, было еще и… Но об этом позже.

Со студенческих лет у Н.Н. оставались друзья, они учились в одном физкультурном институте, в одной группе, пятеро друзей, неразлучная шайка-лейка, и после института все пятеро поддерживали отношения, несмотря даже на то, что жизнь немного развела их, каждый устроился в этой жизни, как мог – кто-то получше, кто-то похуже, – но не забывали время от времени собираться вместе на мальчишники, закатывали пиры; один из друзей рано женился и взял в приданое богатого и влиятельного тестя, и тесть, любивший учить зятя, как нужно пробиваться локтями и кулаками сквозь людскую толпу, устроил молодого человека на хорошую, прибыльную и непыльную работу, очень далекую от его специальности, но главное – лопатой можно было грести… И зять греб, очень шустрым оказался, и стал скрепляющим звеном в их дружеской шайке-лейке, устраивал угощения, застолья в их излюбленном ресторане «Встреча», на которых все пятеро поднимали шутливые тосты за здоровье влиятельного тестя, пили, беспрерывно шутили, вспоминали, хохотали… оттягивались на этих мальчишниках по-полной. Одного из друзей звали Мамед, другого Эмин, третьего тоже Эмин, четвертого Расул, а пятым был наш приятель Надиров Надир, если кто будет интересоваться. Весело проводила время беззаботная

молодость! Часто и охотно фотографировались, обнявшись за столом, уставленным дорогими напитками и снедью, шутливо, картинно выставляя лучезарные улыбки. И как-то, через много лет, увидел Н.Н. сон, воспринятый им, еще не проснувшимся, как пророчество, увидел всю компанию старых друзей за столом в их любимом ресторане, точнее – увидел не компанию, а фотографию, одну из тех, которыми они любили делиться друг с другом, посылая на телефоны с шутливыми текстами. Но что это?! Что это был за ужас на фотографии?! Вместо добрых и мягких, добросердечных и веселых улыбок на фото была запечатлена драка! Да еще какая! Мамед, зверски оскалившись, воткнул Эмину в бок вилку, Эмин, в свою очередь, застыл с пивной кружкой в руке, которую разбивал о голову своего тезки, другого Эмина, Расул целился в него, в Н.Н., из пистолета, подаренного ему тестем, а он, Н.Н., держал в руках нож, непонятно, на кого нацеленный, но нож почему-то консервный для банки кальмаров. Это был такой неожиданный ужас, что озноб прошел по телу Н.Н. «Что с ними? – удрученно подумал он во сне. – Что с нами? Почему вдруг наше фото так изменилось, так исказилось? Разве это мы?!» И Н.Н. проснулся в холодном поту, что для него было не в новинку. Он не стал рассказывать друзьям свой непонятный, абсолютно идиотский сон, даже несмотря на то, что они привыкли делиться друг с другом всем: мыслями, проблемами, надеждами, а порой и снами, если они бывали интересными. Однако он не стал рассказывать свой сон никому.

Но вот женился и наш приятель Н.Н. и с тех пор очень редко посещал дружеские пирушки, все ему заменила жена – и друзей, и знакомых, и желание пообщаться с бывшими подружками на стороне, все, абсолютно все заменила ему жена, и мало что тянуло его расстаться с ней даже на несколько часов, и его бы воля, если бы была такая возможность, он перестал бы и на работу ходить, оставаясь с ней дома, но так как на работу ходила она, то он вынужден был выбросить эту бредовую мысль из головы, не мог же он оставаться один и жить альфонсом на содержании супруги, ходил, вздыхал, скучал на работе, что тут поделаешь… А после смерти Нармины он и вовсе забросил старых друзей, одичал, перестал общаться, неохотно отвечал на звонки, и постепенно друзья перестали его донимать, оставили в покое…

Н.Н. лежал на старом, продавленном диване, смотрел на дождь за окном и думал о своем несчастливом детстве, вспоминал, как часто его незаслуженно обижали дети, игнорировали взрослые, а любило его только прилипчивое с юных лет невезение, от которого он никак не мог отделаться. Да еще и горячо любимая жена, которую он давно потерял, но до сих пор остро ощущал эту потерю. Время от времени, когда он поворачивал голову, в поле зрения вползала петля, свисавшая с потолка, готовая принять его шею. Он приготовил петлю так же, как готовил все, что приходилось делать до сих пор, всю жизнь, до шестидесяти пяти лет – неважно, второпях, ненадежно – и теперь абсолютно не был уверен, выдержит ли веревка, привязанная к электрическому шнуру лампы, его вес. Мелькнула нелепая мысль встать и взвеситься на напольных весах, которые тоже плавно, лениво вплыли в поле зрения, когда он медленно, как в фильмах ужасов делают актеры, повернул голову и посмотрел в угол комнаты, где накопившаяся за долгие недели грязь и пыль словно подтверждали правильность его намерения навсегда покинуть эту квартирку, эту жизнь.

Может сложиться мнение, что Н.Н. всем, что делал в своей жизни, занимался неряшливо, безответственно, как говорится, спустя рукава. Но это было не так. Далеко не так. К своему делу, к своей профессии он относился очень даже серьезно и ответственно, он был убежден, что его профессия, дело всей его жизни были тесно связаны со здоровьем людей, особенно молодого поколения. А что может быть важнее здоровья в нашей быстротечной жизни? Главное: жить до самой смерти, а там видно будет. Он изучал мнения известных профессоров по поводу физической культуры для людей, ценящих здоровье и думающих о своем здоровье, изучал даже работы многих диетологов, справедливо считая, что эта наука тоже тесно связана с его

профессией, и не ошибался. И все свои знания он старался передавать своим ученикам, детям, которым он от души и от всего сердца желал крепкого здоровья на протяжении всей их жизни, но ученики часто поднимали на смех знания своего учителя, бросали порой оскорбительные реплики, когда он, увлекшись, пересказывал им серьезные мнения знаменитых людей, касающиеся спорта, и свое отношение к их мыслям. Результат – издевки и насмешки. Но, несмотря ни на что, Н.Н. упорно продолжал утверждать, что главное в жизни именно то, чем он занимается, его предмет, любовь к которому он так навязчиво хотел передать детям. Хотя не только детям, он и среди своих коллег старался поделиться, надо сказать – щедро поделиться – своими знаниями в этой наиважнейшей области человеческого существования. Но реакция со стороны коллег мало чем отличалась от реакции детей и подростков. Заметив на педагогическом совете одну из учителей-женщин потягивающуюся, выпрямляя спину, он тут же, как охотничья собака, почуявшая зайца, торопливо подходил к ней, предлагая свои услуги и знания.

– Я вижу, у вас, кажется, проблемы с позвоночником? – начинал он очень вежливо, ласково, чтобы не спугнуть зайца. – Я покажу вам комплекс упражнений, и через месяц все как рукой снимет, только не ленитесь, делайте. Нет, не покажу, не покажу, я пошлю вам на телефон, вы увидите, как помогает!

И мало обращая внимания на возражения и просьбы оставить её в покое, Н.Н. все же посылал комплекс упражнений с наилучшими пожеланиями здоровья, здоровья и еще раз здоровья.

Но почему-то часто нарывался на резкое неприятие забот с его стороны.

И он часто падал духом, считая, что никому не нужны его знания и его работа. Что никто, никто, никто почему то не хочет понять, насколько важно то, что он пропагандирует в своем узком кругу с самыми добрыми намерениями… Со всеми своими коллегами, даже несмотря на то, что долгие годы, а с некоторыми – даже десятилетия работал в одной школе, Н.Н. был на «вы», так же, как и с новенькими молоденькими учительницами, которые ему в дочери годились, и сколько ни старался «по просьбам трудящихся» удивлявшихся его церемонности в обращение с ними, никак не мог съехать с этого «вы». Это было нечто врожденное, с молоком матери, интеллигентное, что в наше с вами время расценивалось как дефект в воспитании, а порой и как желание не подпускать к себе близко, оставаться на расстоянии, не давать повода для фамильярничания. Многие так и воспринимали обращение коллеги и потому недолюбливали его, тогда как сам Н.Н. был абсолютно далек от мысли считать себя высокомерным, слишком загордившимся. Да и чем гордиться, Господи?..

Между прочим, почти у всех, а точнее – у всех учителей, еще точнее – учительниц, не исключая и директрису школы, были ученики, с которыми они занимались частным образом и неплохо на них зарабатывали. У всех, кроме Н.Н. И это вполне естественно: ну, кому, скажите, надо брать частные уроки по физической культуре?

И потому Н.Н. был вынужден жить на одну зарплату, которая, по известному выражению из популярного фильма, очень понравившемуся ему, была «хорошая, но маленькая», и он любил повторять это при каждом удобном случае, когда речь заходила о зарплате учителей, кстати, при неудобном случае тоже любил повторять, потому что особым остроумием не отличался. Жаловались, кстати, на маленькую зарплату именно те учительницы, которые частными уроками зарабатывали в десять раз больше своей зарплаты, и это для простофили Н.Н. было постоянным предметом для удивления, которое он не высказывал при людях. Про себя удивлялся, молча.

«Что это за жизнь такая?» – спрашивал себя Н.Н. и вспоминал одно плохое, что, конечно, не способствовало улучшению настроения и в итоге – продлению жизни, а совсем наоборот.

Собаки повсюду провожали его озлобленным лаем, мусор в бедных кварталах города бросали с верхних этажей именно тогда, когда он проходил мимо, будто под-

жидали его, даже вороны, укрытые листвой деревьев, яростно каркали – как бы ругаясь – вслед ему, и успокаивались, только когда он отдалялся на приличное расстояние.

Но порой Н.Н. внезапно и совершенно неоправданно, необоснованно охватывало такое яркое, светлое, как июльский восход солнца, чувство, что жизнь все же хороша, хороша, хороша, и это чувство походило на озноб, моментально охвативший и так же моментально прошедший, пролетевший, но послечувствие, как послевкусие, испытанное от домашней еды, что после смерти жены изредка приходилось пробовать в гостях, оставалось еще на некоторое время, заставляя сердце чаще биться и трепетать.

Он ложился рано в надежде, что ему приснится кто-то, с кем приятно было бы пообщаться, но нередко сны не приходили, он проваливался в темноту и, проснувшись, обнаруживал, что уже шесть утра, или что-то около шести, время, в которое он привык просыпаться.

Этой ночью он не спал, не удавалось заснуть, бил беспричинный, на первый взгляд, нервный озноб, а петля висела, непонятно зачем повешенная, и лезла в глаза, в глаза, прямо в глаза, и было лень подняться и снять её. Под утро он все же задремал, чуткий, тонкий сон, как паутина, окутал сознание, и приснилось ему, что он на вокзале, какой-то незнакомый открытый странный вокзал с перроном весь в решетках, и он ждет поезда, который должен увезти его в прошлое, в его далекое прошлое, когда была жива жена, и ребенок, выросший отпетым бандитом и наркоманом, был еще милым, смешливым младенцем. Поезда приходили и медленно, словно не решаясь покинуть этот вокзал – а вдруг он, Н.Н., передумает? – уходили, но это были совсем не те поезда, и он все ждал своего.

И тут он увидел на перроне человека в пижаме, но почему-то был уверен, что это служащий на вокзале, и, подойдя, спросил его:

– А вы не знаете, когда мой поезд?

Чиновник откуда-то из-за спины вытащил форменную фуражку, неторопливо надел, строго уставился на Н.Н. и медленно с расстановкой произнес:

– Он ушел.

– К-кто ушел? – заикаясь, боясь чиновника, спросил Н.Н.

Но тот не ответил, отвернулся и пошел по платформе прочь от него, делая вид, что спешит по делу, хотя никакого дела у него тут не было, и Н.Н. хорошо это знал. Поведение вокзального чиновника страшило, пугало Н.Н., он чувствовал, что этот человек в пижаме что-то затаил против него. Тем не менее, хоть и труся, Н.Н. последовал за мужчиной, но тот, будто затылком видел, тут же прибавил шагу и через минуту скрылся из глаз, растворился в толпе на перроне, которой как раз минуту назад не было, а сейчас словно из-под земли возникла. Н.Н. растерянно оглянулся и заметил, что все люди выжидающе смотрят на него, будто уверены, что он сейчас что-то неожиданное выкинет. Но тут сон Н.Н. прервался, он проснулся из-за пронзительного крика с улицы, протер глаза, посмотрел на часы со светящимся циферблатом на столике возле кровати: часы показывали половину пятого утра, и было еще темно за окном.

Н.Н. закрыл глаза в надежде поспать еще хотя бы немного и досмотреть сон, если получится, но не получилось, сон улетучился, спать совсем не хотелось, и было непонятно, что теперь делать с этим остатком ночи. Он встал, надел брюки, в которых ходил везде и порой даже спал, когда лень было раздеваться, посмотрел в окно: шел вчерашний дождь, лужи кипели под тусклым высоким фонарем на улице, прохожих не было, а кричавший на улице или убежал, или умер. В комнате под потолком все еще висела непонятная петля, которую он соорудил под подходящее настроение. Теперь это настроение улетучилось, так же, как и предутренний сон. Он оделся и вышел под дождь. Взял зонтик, не забыл.

«Нельзя объяснить необъяснимое, – навязчиво крутилась в голове фраза. – Да, нельзя объяснить необъяснимое, и что же мне теперь делать?»

А закрытый зонтик он держал в руке, шагая под дождем.

Сегодня он должен был встретиться с сыном, ну, тем самым, отпетым, о котором уже было сказано. Он раз в месяц по договоренности уделял сыну из своей куцей пенсии львиную долю (если только можно было говорить в данном случае о львиной), мысленно успокаивая себя тем, что самому нужно совсем немного – на пропитание и порой на недорогие лекарства от простуды, от гриппа… Сын редко навещал его, а пропустив оговоренный срок, посетив отца, брал задолженность за два, а то и за три месяца, если столько времени из-за своих неотложных воровских дел не мог зайти…

«Ерунда это, – говорил Н.Н. про себя, – жить можно, нечего Бога гневить».

В Бога он не очень верил, проверив на протяжении всей жизни Его довольно-таки равнодушное отношение к себе, хотя время от времени, когда испытывал редкие припадки бездумной веры, просил прощения за свою некрепкую привязанность к Нему. Но все равно не помогало: результат был нулевой. Бог в данном случае напоминал Н.Н. его сына – как со стенкой говоришь. Как он был подвержен приступам веры, так и сын время от времени, бросив пить, курить, хулиганить и бездельничать, начинал трудовую жизнь. Очень примитивную, надо сказать. Не желая получать никакого специального образования и даже не окончив средней школы, мальчик (которому уже было под сорок лет, впрочем, так его называл только Н.Н., чему были тоже свои причины: не любил обращаться по имени, это, как казалось Н.Н., могло бы сблизить их, отца и сына, а сближаться он не хотел, в свое время натерпелся от него и считал, что свою мать, жену Н.Н., мальчик и свел в могилу, а как она его, сыночка, любила!..И как её любил он, Н.Н.!) мог трудиться только на примитивных работах – поденным рабочим на стройке, ночным сторожем, мойщиком машин на парковках, ну, и прочее, похожее. Но даже на таких неприглядных работах он только и думал, как бы чем-нибудь здесь поживиться, что-нибудь, что плохо лежит, слямзить, унести в клюве. Потом временный отпуск кончался, и подельники, спрятавшиеся по воровским малинам по уважительной причине, выползали, и у шайки начиналась настоящая трудовая деятельность. Так что, недолго задерживался на таких местах, и платили мало, естественно, и работа была скучная, как мальчик сам признавался отцу. «А какую, нескучную ты бы хотел? – спрашивал отец. – Прокурором? Министром?» Редко спрашивал, понимая всю бесполезность разговоров с мальчиком. Тот не отвечал, стараясь казаться умнее отца. И потом вновь уходил к своим корешам, временно затихшим, затаившимся по известным причинам – розыск!

Капли дождя просачивались за шиворот и отвлекали Н.Н. от его тягучих мыслей. Он наконец-то понял, что держит в руках зонтик, раскрыл его над головой… Куда я иду в этой тьме, куда меня заведет это необъяснимое, что нельзя объяснить?.. Он стал вспоминать свой сон, не тот, что сегодня, не тот, другой, вчерашний, позавчерашний, они были разные, но чем-то похожи один на другой. «Чем? – задал он себе вопрос. Идиотизмом», – последовал ответ от него самого, привыкшего разговаривать с собой. Тут он увидел девушку, выходившую из подъезда. Еще не рассвело, было темно на улице, но подъезд, из которого вышла девушка, был еще темнее. И вот когда она вышла, дождь внезапно перестал, как по приказу свыше. Девушка решительным шагом направилась к нему, размахивая маленькой сумочкой в руке. Н.Н. боязливо оглянулся, не предполагая, что она именно к нему подойдет, но она подошла именно к нему и взяла его под руку.

– Пошли, – сказала она, и он невольно, приноравливаясь к её торопливому шагу, пошел рядом.

И на этом сон Н.Н. прервался, как и бывает обычно, на самом интересном месте, и он не узнал, куда его вела молодая и довольно привлекательная особа в этот предутренний час по темной еще улице.

Н.Н. лениво потянулся в постели, как человек, которому некуда спешить, и только подумал, что ему некуда спешить, как тут же вспомнил, что сегодня последний день для оплаты коммунальных услуг, точнее – для погашения задолженностей по этим услугам, и если он не поторопится, могут отключить электричество. Это его огорчило, но не очень, потому что в последнее время он приучил себя обходиться без многого, что обычно необходимо бывает в реальности современному человеку. Он еще раз лениво потянулся и впал в сон, задремал.

«... Подойдите-ка сюда, мерзкие и низкие людишки! Так вы осмеливаетесь называть разбойником с большой дороги того, кто разбивает цепи бедных пленных, освобождает узников, помогает несчастным, поднимает павших, заступается за обездоленных? О, низменные существа, поистине вы недостойны того, чтобы Небо открыло вам величие странствующего рыцарства! В каком грехе и неведении пребываете вы! Уже одна тень странствующего рыцаря должна внушать вам почтение, не говоря о нем самом. Подойдите-ка сюда, разбойники, грабители на больших дорогах и скажите, как зовут того невежду, что подписал приказ о моем задержании? Разве этому жалкому тупице неизвестно, что странствующие рыцари не подлежат обычному суду, что их закон – меч, их судебник – храбрость, а указы – их собственная воля…»

«И почему меня так в сон клонит? – подумал Н.Н. сквозь дрему. Голова отяжелела, сползла с подушки… – Нет, так нельзя, если мне нечего делать, это не означает, что я должен спать всю зиму, как медведь в берлоге, так нельзя, надо встать, умыться холодной водой и…» – думал он, но не знал, что дальше. Тем не менее, заставил себя подняться с постели, пройти в ванную комнату и умыться, как и было задумано, холодной водой. Помогло. Взбодрился. Когда Н.Н., по-утреннему освеженный, умытый, зашел на кухню, чтобы приготовить себе чай (вспомнил, что накануне купил карамель, есть что к чаю, тихо обрадовался), постучали в дверь.

Он вздрогнул. Не часто к нему приходят гости. Особенно с утра. Кто бы это мог быть? И зачем стучать, когда есть звонок? Но звонка не было. Он вспомнил про долг за электричество, по пути к входной двери, которую все же решил открыть незваному гостю, проверил выключатель в прихожей. Нет, свет отключили. Он с бьющимся сердцем подошел вплотную к двери, приблизил ухо и, кажется, услышал так же гулко стучавшее сердце по ту сторону. Стук неожиданно повторился. Н.Н., бесшумно ахнув, отпрянул. Но через мгновение вновь прилип к двери и охрипшим голосом спросил:

– Кто это?

Подождал ответа, но никто за дверью не ответил. Он повторил вопрос уже более нормальным голосом, но вместо ответа вновь постучали. Глазка на двери не было, и, собравшись с духом, подстегиваемый любопытством, он отодвинул засов и резко распахнул дверь. То, что он увидел, ошарашило и озадачило его. Сначала ошарашило своей неожиданностью, потом озадачило: как, откуда, каким образом!? На пороге стояла давешняя девушка из его сна, что вышла из темного подъезда на темную улицу, взяла его под руку и повела неизвестно куда.

– Можно мне войти? – спросила она.

Н.Н. молча посторонился, пропуская её. Она вошла и тут же без приглашения первая прошла в комнату, как будто была здесь много раз, прошла и села за стол, подтверждая свой решительный, напористый характер. Он последовал за ней и уселся напротив. Она разглядывала его, и, как ему показалось, в глазах её была насмешка, что его не удивило: он уже привык, что многие его знакомые и не очень знакомые обычно насмешливо смотрели на него, как на человека, который не смог устроиться в жизни и вряд ли уже сможет, учитывая его далеко не молодой возраст.

– Ты уже завтракал? – спросила она.

– Нет, – ответил Н.Н., несколько удивившись, что эта незнакомка так фамильярно к нему обратилась.

И после долгого молчания, что не нарушалось и со стороны гостьи, неловко спросил:

– А вы? – и решил уточнить, потому что после её вопроса прошло довольно много времени и пауза стала неприлично затянутой, и можно было забыть вопрос. – Вы завтракали?

– Ты думаешь, я пришла бы к тебе, если бы уже позавтракала? – сердито спросила она.

На это он не нашел, что ответить.

– Давай на стол, что у тебя там? – приказным тоном велела она, хмуро на него поглядывая. Но даже сердитый и хмурый вид не делал её менее привлекательной, а совсем наоборот – эта красивая женщина была создана, чтобы командовать, и такое поведение очень шло ей. Н.Н. на миг представил её в своих объятиях и вздрогнул, будто его пронизал холод.

– Ну, долго мне ждать? – спросила она чуть мягче, и холод, что подползал к сердцу Н.Н., стал медленно таять.

– У меня есть шоколадное масло, – похвастался Н.Н., – и свежий хлеб. Подойдет?

– Да, – коротко ответила она.

– Сейчас чай заварю, – сообщил он, выходя из комнаты на кухню. – У меня есть хороший чай, для себя я обычно завариваю из пакетиков, одноразовый, но сейчас я сделаю настоящий, вы немного подождите, сейчас, сейчас… – засуетился он, уже договаривая на кухне. Вернулся в комнату с двумя разными чашками чая, молча побежал обратно и принес банку с шоколадным маслом и блюдце с мелко колотым сахаром. Он увидел её дешевые, старенькие туфли с разбитыми каблуками, прислоненные к батарее отопления.

– Ноги промочила, – пояснила она, проследив за его взглядом.

– Ничего, – сказал он. – Бывает.

И поставил перед ней одну чашку, ту, что понаряднее и новее.

– Вот, – сказал Н.Н. – Угощайтесь… чай горячий, хорошо с холода, на улице холодно, дождь…

Она отпила глоток из чашки, посмотрела на него внимательным долгим взглядом.

– Когда ты видел сына? – неожиданно спросила девушка.

– Видел сына? – его очень удивил этот вопрос гостьи. – Вы знаете моего сына?

– Ты что, идиот? – вдруг вскипела она совершенно для него непонятно. – На самом деле не узнаешь меня или притворяешься?

И тут он, к своему огромному сожалению, проснулся, так и не узнав, какое отношение таинственная и такая привлекательная незнакомка имеет к его несчастному сыну.

– Но почему она назвала меня идиотом? – произнес он вслух, словно надеясь, что озвученный безадресный вопрос мог бы скорее найти свой ответ. – Она же меня совсем не знает. Может, я слишком часто думаю о нем? И потому снится всякое, всякое… – а что «всякое», он так и не определил. – Но как же мне о нем не думать? Это же единственное родное существо… на всей земле… На всей земле! Подумать страшно. Родное, – повторил он мысленно и вздрогнул, его всего передернуло, и он затрясся от злобы, вспомнив это родное существо.

Что это за сны? Почему я так долго сплю? Где ответы на мои вопросы в этих снах? И тут он увидел мальчика лет пяти. Как он здесь появился?

– Как ты здесь очутился? – спросил Н.Н. – Дверь ведь заперта. Как ты вошел?

– Нет, – сказал мальчик. – Дверь не заперта. Ты никогда не запираешь дверь.

– А кто ты, мальчик? Я не узнаю тебя…

– Я твой сын, папа. Твой сын. Посмотри внимательно. Я ведь сразу тебя узнал, хоть ты и постарел, прошло много лет…

Н.Н. готов был поверить, что это его пятилетний малыш, но не мог понять, почему он так слишком не по-детски разговаривает, как может таким языком говорить ребенок в пять лет, и он решил выяснить.

– Тебе сейчас ведь пять лет, я прав? – спросил он мальчика.

Тот промолчал, но как-то по-взрослому промолчал. Он удивленно уставился на сына.

И вдруг он с пятилетним сыном очутился среди огромной толпы на ночной площади. Люди все в черном были чем-то крепко озабочены, говорили обиженно вполголоса и подозрительно поглядывали друг на друга. Мальчик вцепился в его палец, боясь потеряться в этой толпе, где не было ни одного ребенка.

– Посади меня на голову, – сказал мальчик, глядя на него снизу доверчивым испуганным взглядом.

– Посадить на голову? – не понял он.

Мальчик только кивнул, не отвечая. Такой неразговорчивый был мальчик. Он поднял мальчика и посадил себе на плечи, чтобы тот мог видеть все, что творится на площади, на трибуне, где сгрудились люди, по всей видимости, управлявшие или думавшие, что управляют этой огромной толпой, которая все больше пополнялась, несмотря на позднее время, чтобы он мог видеть лица людей, которые бездумно верили, что кусок земли дороже человеческой жизни, что непременно нужно полить эту землю кровью, чтобы потом с гордостью можно было бы называть её родиной. Многие в толпе приехали издалека и свято верили в то, что кучка людей, собравшаяся на трибуне, может помочь им вернуться домой, откуда они были изгнаны, и продолжать свою простую жизнь труженика, тяжелым, честным трудом зарабатывавшего свой хлеб. Им некуда было деваться, и потому они боялись утратить свою веру в тех, кто стоял высоко на трибуне и дирижировал толпой, порой говоря откровенные глупости. Мальчик смотрел на все это широко открытыми глазами, когда вдруг к его отцу, на плечах которого он сидел, подошли двое низкорослых небритых мужчин с мрачными выражениями на лицах.

– Тебе лучше уйти с сыном, это не для детей… – сказал один.

– Рассвета не будет еще несколько дней, – сказал второй. – Бог нас наказывает.

– Нет, – поправил его первый. – Бог нас предупреждает.

Он не помнил, последовал их совету или нет, потому что на этом сон прервался.

Когда он собирался выйти, чтобы встретиться с мальчиком, как договорился накануне, вдруг зазвонил телефон, что в последнее время бывало нечасто, и незнакомый голос сообщил, что сын его арестован за вооруженное нападение на инкассатора. Он не сразу понял, что ему говорит мужчина, и стал суетливо переспрашивать, но тот только сказал, куда ему подойти, чтобы узнать подробности и увидеться с арестованным гражданином.

– А к-кто, кто говорит? Вы кто? Он точно арестован?

Но сообщивший недобрую весть уже дал отбой, и номер телефона его не проявлялся, был засекречен.

Н.Н. пошатнулся, прислонился к стене и сполз на пол у входной двери. Он почувствовал себя так, будто его ударили молотком по голове. Еле собрав силы, он позвонил в «Скорую» и сообщил адрес.

У него случился инсульт, отнялась речь, и левую часть лица перекосило. Он лежал в больничной палате на восемь человек, даже не зная, в какой находится больнице, кто его врач, что с ним будет, и думал о сыне. Теперь, когда он узнал о бедственном положении мальчика, вся нерастраченная за долгие годы любовь прихлынула к его сердцу, и он еле справлялся с такой большой любовью, дышал так, будто долго бежал и никак не мог отдышаться. Он вспоминал его, маленького лет пяти, когда повел его без согласия жены на площадь, где буйствовали страсти толпы, готовые в любую минуту взорваться, и чувствовалось огромное напряжение в атмо-

сфере, в воздухе, напряжение, что пугало его, но он старался справиться со своим страхом, а мальчик тогда сказал:

– Посади меня на голову.

И он поднял его и посадил на плечи, чтобы он мог видеть всю толпу, колыхающуюся, как море, которое и было тут рядом, за толпой, и тоже колыхалось от сильного северного ветра – хазри…

В палату вошел врач и стал расспрашивать больных, задавать вопросы, а когда очередь дошла до Н.Н., он не стал отвечать, хотя речь понемногу восстанавливалась, и врач настоятельно рекомендовал ему говорить, говорить как можно больше и чаще. Но говорить было не о чем, говорить было бессмысленно, он это чувствовал, депрессия навалилась на него, на его душу, которую он теперь очень отчетливо ощущал, и не отпускала, не позволяя разговаривать. Вскоре его выписали из больницы и, кроме того, выписали кучу лекарств, что рекомендовалось принимать еще длительное, пока неопределенное время. Он уже мог нормально ходить, правда, физиономия так и не восстановилась до прежних форм, оставалась перекошенной, но в целом врач посчитал его вполне пригодным для выписки.

– Нечего ему здесь задерживаться, – сказал лечащий врач к радости своей медсестры, которая избавлялась от неплатежеспособного пациента. – Судя по его постоянному молчанию, ему скорее нужен психиатр, лечиться от депрессии.

Итак, через день после этих в какой-то мере напутственных слов специалиста в белом халате выписанный из клиники Н.Н. оказался дома.

В больнице, узнав о его тяжелом положении, а поначалу и дома, когда его выписали из клиники, в первые дни его навещали соседи по дому и коллеги из школы, несмотря на то, что он уже не являлся членом их коллектива, собирали и приносили деньги, покупали продукты, необходимые лекарства, приходили из школы по нескольку женщин-педагогов, именно те, которые раньше отвергали его помощь, отмахивались от него сердито, чтобы не приставал со своими всем надоевшими советами насчет поправки здоровья; они знали, что он одинок, и хотели помочь, немного развлечь, не оставлять его одного с его болезнью и мрачными мыслями, которые обычно посещают больного человека. В больнице он беспомощно и молча взирал на них, слушал их разговоры, абсолютно не затрагивавшие его, а оказавшись дома, он просто не открывал им дверь, считая их визиты посягательством на свою свободу – никого не хотел видеть; он знал, что они прекрасно знают, что он дома, и знал, что они знают, что он знает и не хочет открывать и видеть их. Незваные, добрые гости порой, подходя к его дому, видели его, сидящего у окна и уставившегося бессмысленным, оторванным от жизни, от реальности взглядом на улицу, но он никак не реагировал на их визиты, не открывал им дверь, подавляя в себе желание сказать им через закрытую дверь, чтобы не приходили больше, и посетители постепенно перестали навещать его. А раньше, приходя, они, вдоволь поговорив с дверью и не добившись никакой реакции со стороны хозяина квартиры, уходили, оставив принесенное в подъезде, у его квартиры.

– Надир-муаллим, это мы, из школы, – взывали они к нему, охваченные неудержимой страстью сделать доброе дело. – Это я, Зарифа-ханым, и Саида Вердиева со мной, мы принесли вам продукты и некоторые медикаменты, откройте, пожалуйста.

Оскорбительное молчание было им ответом. Или приходили соседи.

– Надир, это Мухтар, твой сосед, сантехник, я кран тебе в кухне чинил в прошлом году, когда была пандемия, и ты чихал, помнишь? Как ты, сосед? Со мной еще Кямран, тут стоит, ты его ругал, помнишь, что машину держит под твоим окном и газы пускает в квартиру. Открой, мы тут тебе кое-что принесли, провизию для пропитания. Мы все скинулись, купили. Соседи о тебе беспокоятся. А? Что говоришь? Не слышу… Да открой ты эту чертову дверь!

Он оставался глух к их просьбам, и дверь оставалась запертой. А ночью, чтобы никто не растащил, Н.Н., торопливо выскочив в подъезд, затаскивал продукты на кухню. Однако, видя такое с его стороны оскорбительно-равнодушное отношение к их добрым жестам и помощи, и соседи, и школьные коллеги перестали его навещать, и наконец, оставили его в покое. И теперь по ночам, когда все спали, он выходил из дома, и, задрав голову, с опаской поглядывая на темные окна спящих квартир, подкрадывался к маленькому дворовому магазинчику, где хозяин на ночь оставлял своего сына на случай, если кому-то среди ночи понадобится что-нибудь купить, тихо будил мальчика, и в этом магазине с яркой вывеской «Маркет 24.7» закупал продуктов на несколько дней; лекарства он тоже покупал сам в круглосуточно работавшей аптеке, проходил два квартала до аптеки, заодно и разминая ноги, помня, что это необходимо для восстановления здоровья; и эти его ночные походы сделались, конечно, в короткое время известны всем, кто его знал, и, окончательно обидевшись, все оставили Н.Н. в покое, пусть сам разбирается, что ему нужно.

Н.Н. однако не был один, он оставался со своей любимой работой, со своими мыслями, со своими снами, с делом всей своей жизни на протяжении тех долгих лет, что остался без жены, горячо любимой жены, единственной и неповторимой жены. Любимой работой? Да, работой… несколько странной. Он писал…

«… – Если я не ошибаюсь, ваша милость стремится убедить меня, что на свете не существовало странствующих рыцарей, что все рыцарские романы ложны, пагубны и бесполезны для государства, что, читая их, я поступал плохо, веря им – поступал еще хуже, а подражая их героям – совсем скверно? Но неужели вы отрицаете существование Амадиса Галльского и Амадиса Греческого и всех других рыцарей, подвигами которых полны эти романы? Ко всему этому ваша милость еще прибавила, что чтение подобных книг причинило мне большой вред, так как лишило меня рассудка и довело до этой клетки; что я сделал бы лучше, если бы исправился и вместо рыцарских романов стал читать книги более правдивые, более занимательные и поучительные?

В таком случае я утверждаю, что околдованным и лишенным рассудка являетесь вы сами, раз вы решились изречь хулу на то, что всем миром признано за истину. Человек, отрицающий подобно вашей милости правдивость рыцарских романов, заслуживает того наказания, которому ваша милость желали бы подвергнуть неугодные вам книги. Вы хотите меня уверить, что на свете не было ни Амадиса, ни других рыцарей – искателей приключений, о которых подробно рассказывается в романах! Это все равно, как если бы люди пытались доказать, что солнце не светит, лед не холоден и земля не твердая. Какой же человек на свете сможет убедить вас?..»

Н.Н. все больше с каждым днем уходил в свое одиночество…

Звали сына Вагиф, а в детстве его мать, жена Н.Н., и сам он, Н.Н., ласково называли его Вагуля, Вагулечка, еще не зная, естественно, и не предполагая, что из Вагулечки вырастет… Теперь, пройдя через камеру предварительного заключения, потом через суд, где незнакомый адвокат что-то лепетал, непонятно – защищая или осуждая, получив срок в восемь лет, который сорокалетнему Вагифу показался целой вечностью, он сидел в камере, уже, не откладывая, обдумывая предстоящий побег и как можно его осуществить. Вместе с ним сидели, валялись на нарах, ходили взад-вперед по тесному проходу между коек тридцать два человека, самых разных, не похожих друг на друга по характеру, по статьям, по которым их осудили, по чистоплотности, по умению ладить с окружающими… Вот как раз это последнее Вагиф и не умел – ладить с окружающими, зато хорошо умел конфликтовать с окружающими и наживать врагов…

Приснилась пасмурная погода, и Н.Н. обрадовался ей, потому что любил пасмурную погоду, любил дождь, любил грустить, когда беспричинная грусть навевается хмурым небом, моросящим дождиком, шелестящими помытыми листьями на

ветке чинары, что при сильном ветре стучит в окно, любил все это, как все пишущие люди. И главное: именно в такую погоду он любил работать. Да, он писал и от всех скрывал это, прятал свои ученические тетради, и не куда-нибудь в ящик стола, что при его одиночестве было бы вполне естественно, а прятал основательно – под шкаф, надев на эти тетради целлофановый пакет, оберегая от пыли, которая постоянно набивалась в комнату, несмотря на то, что он постоянно выметал её по старинке – влажным веником.

Кроме основной работы, которой он занимался после потери жены, Н.Н. записывал свои сны. И эти тетради были его самыми верными и любимыми собеседниками, когда он перечитывал их, беседуя с ними шепотом, дополняя устно, не умея редактировать написанное, или устно сокращая, вычеркивая, и этот процесс – вычеркивания – ему нравился меньше, чем процесс увеличения текста путем различных дополнений, потому что, вычеркивая, он чувствовал, будто ему проводят ножом по сердцу.

Он редко улыбался, как человек, затаивший обиду. Он еще не решил, открыть человечеству то, что тайно, что невозможно открыть, не обездолив душу. Иногда он перечитывал написанное накануне, и глаза его наполнялись слезами, совершенно непонятными нормальным людям, если б они читали написанное. Вот что он писал:

« … Высокая и властительная сеньора!

Рыцарь, раненный и уязвленный до глубины сердца жалом разлуки, желает тебе здоровья, о, сладчайшая Дульсинея Тобосская, хотя сам лишен его. Если твоя красота пренебрегает мною, если твои достоинства ополчаются против меня, если твое презрение сулит мне гибель, мне не снести этой горести, ибо она не только глубока, но и слишком длительна. Мой добрый оруженосец Санчо даст тебе полный отчет, жестокая красавица, возлюбленный враг мой, о том отчаянии, до которого ты довела меня. Если удостоишь меня помощи, я твой, если же нет, поступай, как тебе будет угодно: расставшись с жизнью, я надеюсь насытить твою жестокость и свою страсть».

Тут надо пояснить кое-что из непутевой и странноватой жизни нашего приятеля Н.Н. В молодости он читал книги, не то, чтобы очень уж много, но читал, и однажды, через много лет, когда он остался вдовцом, один на всем белом свете, ему в руки попалась книга Сервантеса Мигеля де Сааведра, он прочитал её залпом, чувствуя, что пьет обжигающий внутренности спирт, до того ощутил вдруг свою близость к вымышленному герою, на каждом шагу получавшему колотушки и оскорбления; потом понял, почувствовал, что есть потребность прочитать более вдумчиво, читал и перечитывал после этого множество раз, годы и годы ушли на это чтение, что он, естественно, скрывал от всех, чтобы его не подняли на смех, как его любимого Дон Кихота, и в конце концов пришел к заключению, что эту книгу необходимо читать на протяжении всей жизни, даже если жизнь эта будет длиться двести лет, и в результате дошел до того, что знал этот роман почти наизусть (особенно самые понравившиеся отрывки, в которых, как в зеркале, видел свое отражение неудачника и простофили, и когда наступала тяжелая пора в его существовании, он записывал в свои тетради по памяти (не заглядывая в книгу) нужные в этот момент отрывки из книги, которую читал в прекрасном переводе, поскольку не знал языка оригинала. Одно время ради этого романа он взялся изучать испанский, даже стал заниматься на курсах, даже стал ходить к учителю, но удовлетворительного результата не добился, языки ему не давались, изучение языка было для него изнурительным процессом, тяжелым трудом, а процесс записывания по памяти отрывков и целых глав из любимой книги приносил радость. Это стало странной отдушиной в странной жизни Н.Н.

И черт его знает, что он себе думал и домысливал, перечитывая написанное, что это вызывало беспричинные слезы на глазах, как у сентиментальной старушки-

кошатницы, содержавшей в своей маленькой квартирке пятнадцать бездомных кошек. Писал и никому не показывал, это у него было вроде периодического омовения души.

Он еще передвигался с костылем под мышкой, но хоть и медленно, но упорно восстанавливался, как профессиональный физкультурник, спортсмен, вышагивал дома из угла в угол, всю свою жизнь привыкший к движению, но из дома пока не выходил, кроме упомянутых ночных вылазок в магазин и аптеку, да и особо не тянуло выходить. Его страшили встречи со знакомыми людьми, соседями, бывшими коллегами, пугало, что придется с ними говорить, отвечать на их вопросы, и вообще он никого не хотел видеть.

Вагиф по кличке «Горбун», хотя никакого горба у него не было, а была привычка ходить ужасно сгорбившись, что и делало его очень похожим на горбатого, узнал в тюрьме, что его из этой городской тюрьмы должны перевести в другую, но куда конкретно, у него еще не было сведений. Впрочем, ему было безразлично. Вестей с воли об отце, о его болезни, причиной которой был его, Вагифа, арест, у него тоже не было, хотя он накрепко поручил своим подельникам узнать и передать ему, если будут какие новости. И к слухам о своем переводе он отнесся равнодушно, даже был рад, что покинет эту камеру, потому что здесь он уже, благодаря своему неуживчивому характеру, успел нажить врагов, которые пока что, не прибегая к решительным действиям, просто поглядывали на него недоброжелательно. И он старался недоброжелательные взгляды не пропускать, отвечая на каждый из них очень дерзким взглядом, давая понять, что ни один воровской авторитет ему не указ. Но однажды он перешел черту. Среди ночи он, вдруг почуяв опасность, нависшую над ним, прервал свой чуткий сон и, распахнув глаза, увидел над своим лицом темную рожу, обезображенную шрамом от уха до подбородка, оставленным на память в далекой молодости обладателю шрама; потом, когда мужчина заговорил, Вагиф с отвращением услышал мерзкий запах изо рта у него, и захотелось наградить его еще одним шрамом. Именно так он и подумал об этом воровском авторитете – неплохо бы наградить!

– Ты мне не нравишься, – тихо, по-ночному произнес мужчина.

– Ты воняешь, – так же тихо, чтобы не подумали, что он хочет разбудить соседей по нарам, чтобы предотвратить угрожавшую ему опасность, проговорил Горбун-Вагиф. – Отодвинься.

Тогда трое за спиной у мужчины, чьи силуэты были размыты ночной тьмой, обозначились более четко. Вагиф вскочил. Дрались бесшумно среди спящих зэков, порой слышался хруст костей, тихие стоны и вскрики. Он умело защищался, один из троих нападавших уже лежал на асфальтовом полу, держась за живот, но тут вмешался мужчина, что первым подошел и разбудил спящего Вагифа, изловчился и ударил его кастетом в висок. Из виска профузно забила кровь. Нападавшие сначала растерялись: убийство – тяжелое дело. Потом торопливо, по приказу вора в законе, пристававшего к Вагифу, подтащили тело к нарам, приложили пробитым виском к углу лежака, чтобы создалось впечатление, будто погибший, вставая, ударился виском и погиб. Для большей достоверности влили в рот уже бездыханному заключенному водки, что не переводилась в камере: вот, мол, пьяный, вставая, упал, ударился виском, ну, и так дальше, алиби и защита, похожие на бред, но, тем не менее, – хоть какая-то защита… На следующий день несчастного Вагифа должны были перевести в другую, дальнюю тюрьму…

Когда Н.Н. получил весть о смерти сына, его эта весть потрясла гораздо меньше, чем можно было бы ожидать, гораздо меньше, чем ожидал он сам. Пройдя через инсульт и оправляясь, он сделался более крепким, его душа и психика затвердели и уже не реагировали так остро на события, непосредственно касавшиеся его самого, как было до болезни. Он достал из-под шкафа свои тетради, вытащил верхнюю из целлофанового пакета и присел к столу. Потом так и остался, задумавшись

с раскрытой на чистой странице ученической тетрадью, словно заснув с открытыми глазами. Посидев так неподвижно некоторое время, Н.Н., будто очнувшись, стал писать.

«…Но чтобы тебе стало ясно, насколько ты глуп и насколько я умен, скажу тебе только, что все принцессы и графини, все благородные и прекрасные дамы, которые описываются в романах, не существуют в действительности. Поэтому их просто выдумывают, чтобы было о ком писать, чтобы все считали их достойными любви…»

И он вспоминал жену, которая так недолго прожила с ним, недотепой. И порой, вспоминая, не мог сдержать слез. Она была, пожалуй, единственным и самым крепким звеном, что связывала его с жизнью, была прекрасным, нежным цветком в его раскрытых, теперь пустых, будто поднятых на молитву, ладонях…

Именно в ту ночь, когда в тюрьме убили Вагифа, сына Н.Н., ему повторно приснился сон о ненастной погоде с моросящим дождиком, и привиделась ему жена под этим дождиком с распущенными мокрыми волосами, жена, какой она была в первые дни их близости, и стало так светло и так пронзительно грустно на душе, и так затосковало сердце, что Н.Н. прослезился во сне, и капли слез, пробежав возле уха, закапали на подушку и холодили щеку, и он проснулся, жалея, что нельзя было продлить этот сон и хотя бы дотронуться до жены. Но он помнил её слова, что она во сне обронила ему шепотом.

– Береги себя, – произнесла она еле слышно. – Ты – самый настоящий.

И, вспомнив эти только что услышанные от неё слова, уже проснувшийся Надир горько заплакал.

«…В таком случае узнайте, сеньор рыцарь, что меня везут в этой клетке, очарованного завистливыми и вероломными волшебниками. Ведь злые преследуют добродетель сильнее, чем добрые её любят. Я – странствующий рыцарь из числа тех, кому предназначено назло самой зависти начертать свое имя в храме бессмертия, дабы оно служило примером для грядущих поколений и дабы все странствующие рыцари видели, какими путями им надлежит идти, чтобы достичь великой славы и почета».

Похоронив сына, он замкнулся в себе, былая хоть какая-то общительность пропала начисто, и общаться с кем бы то ни было, даже с людьми, что раньше были симпатичны ему, сейчас было тягостно, он избегал людей, не хотел никого видеть, и одиночество, раньше хоть порой разбавляемое разговорами на службе, на улице, с продавщицей, матерью мальчика, оставляемого тут на ночь для случайной торговли в магазине под домом, где он обычно покупал нехитрые и недорогие продукты для пропитания, полностью завладело им; и люди, знакомые, раньше приветливо встречавшие его, люди, которым он внушал, что главное для нормального человека сохранить свое здоровье как можно дольше, и учил, как это нужно делать, теперь, не видя с его стороны никакого желания общаться и продолжать доброе знакомство, тоже старались избегать его, не встречаться случайно на улице и во дворе дома, потому что не знали, как себя вести, когда он не отвечал на приветствия. Продавщица в магазине, говорливые соседки решили, что после болезни он хоть немного и поправился, но сделался дурачком. Он и сам охотно прикидывался дурачком, чтобы его оставили в покое.

Теперь Н.Н. получал пенсию, и она у него была такая же, как раньше зарплата – «маленькая, но хорошая», но он уже это излюбленное выражение никому не высказывал, потому что некому было высказывать, а дома порой разговаривал сам с собой, особенно, когда перечитывал свои ученические тетради, неизвестно чем и с какой целью заполненные.

Он так и не снял эту жалкую, ни на что не годную петлю, приделанную наспех к электрическому шнуру лампы. И вообще, для чего она там? Он не знал. Я тоже не знаю. Но он смутно ощущал её нужность, её напоминание… Напоминание о чём?..

Тоже не мог бы ответить. Я тоже не могу.

Примерно раз в неделю, уже выходя из дома в нормальное время, зайдя в маркет, обслуживавший жильцов двух соседних домов, Н.Н., не желая разговаривать, и чтобы скрыть, что говорить он умеет, как прежде, нечленораздельно мычал, показывая пальцем на продукты, что зашел купить, и продавщица, хорошо знавшая и его, и всех своих покупателей, с полуслова, точнее – его – с полумычания понимала, что ему нужно, и порой, когда у Н.Н. не хватало денег, она охотно отпускала покупки в кредит, записывая его долг в тетрадку, в которой и кроме него было немало соседей, закупавших товары в долг. Поглядывая на его перекошенное лицо, обезображенное инсультом, сердобольная продавщица тетя Сара, как её называли и взрослые, и дети, хотя тете было не больше сорока лет, грустно качала головой и, дождавшись его ухода, делилась с женщинами, зашедшими за покупками:

– Бедный, несчастный Надир-муаллим… Что с ним стало! Совсем дурачком сделался. Только и знает, что мычит…

Женщины тяжко вздыхали, радостно думая, что в их семье никого, слава Богу, не настигла такая божья кара, никто не мычит, и соглашались с тетей Сарой, что да, такой был приветливый, культурный, отзывчивый, совсем не узнать, идиотом стал, вот как меняется человек, вот как жизнь иной раз ломает людей…

И порой в своих снах он видел тетю Сару, видел, как она отрезает для него кусок колбасы, что-то бормоча, видел соседей, кивающих ему на ходу, не останавливаясь, зная, что теперь это бесполезно, он не может разговаривать, и что тогда с него взять… Видел очень прозаические сны, которые перемежались с фантастическими, неясными, размытыми, бесцельными, как сама жизнь Н.Н.

«…Глубокое уважение к хозяевам этого дома, а также и почтение к священному сану вашей милости заставляют меня сдержать свой справедливый гнев. К тому же всем известно, что люди духовного звания не владеют иным оружием, кроме острого язычка; зато этим оружием они владеют так же ловко, как женщины. Поэтому я не применю иного оружия и вступлю в равный бой с вашей милостью. Замечу прежде всего, что от духовной особы следовало бы ожидать хороших советов, а не незаслуженных оскорблений. Благочестивые и доброжелательные увещания должны высказываться мягко и учтиво. Вы же преступили все границы разумного назидания, во всеуслышание порицая меня так сурово. Разве подобает священнику, обличая грехи, которых он еще не знает, называть грешника олухом и безумцем? Потрудитесь же, ваша милость, объяснить мне, что именно во мне, в моих поступках дает вам право называть меня сумасшедшим и советовать мне отправляться восвояси для наблюдения за хозяйством? Неужели же достаточно получить воспитание в каком-нибудь нищенском колледже да всякими правдами-неправдами втереться в чужую семью в качестве духовника, чтобы осмелиться так самоуверенно судить о странствующем рыцаре и его обычаях? Неужели вы решитесь сказать, что это пустое занятие – странствовать по свету, убегая от мирских утех и стремясь сквозь тысячи тяжких испытаний достичь бессмертия? Если бы меня назвал олухом благородный рыцарь или уважаемый вельможа, я бы почел это за несмываемое оскорбление. Но если меня называет безумцем книжник, никогда не ходивший по стезям рыцарства, я гроша не дам за его болтовню. Я – рыцарь, и если на то будет милость Всевышнего, умру рыцарем. Одни люди идут по пути надменного честолюбия, другие – по путям низкого и рабского ласкательства, третьи – по дороге обмана и лицемерия, четвертые – по стезе истинной веры. Я же, руководимый своей звездой, иду по узкой тропе странствующего рыцарства, ради которого я презрел мирские блага, но не презрел чести. Я мстил за обиды, восстанавливал справедливость, карал дерзость, побеждал великанов, попирал чудовищ. Я влюблен, но только потому, что этого требуют законы странствующего рыцарства, и моя влюбленность не знает порока, ибо она чиста и целомудренна. Все мои стремления всегда были направлены к благородной цели – к

тому, чтобы всем делать добро и никому не делать зла. Судите же теперь, ваши высочества, превосходные сеньоры, герцог и герцогиня, заслуживает ли клички глупца тот, кто так думает, так поступает и так говорит!»

Он знал эту книгу наизусть, потому что читал её всю жизнь, как ему казалось, всю сознательную жизнь, именно ту жизнь, когда остался совсем один, без жены, которая одна заполняла всю его душу, сердце и жизнь без остатка.

Но иногда снился ему пятилетний мальчик среди тревожной темной толпы, и сердце его обливалось кровью, когда он слышал, как малыш просил:

– Посади меня на голову.

Когда у них сорок лет назад родился сын, жена полностью перенесла, переключила, перевела всю свою любовь с Н.Н. на сына. Она восхищалась им, его глазками, пальчиками, носиком, беззубым ротиком, маленьким червячком между пухлыми ножками, сюсюкала над ним часами, целовала его ручки, облизывала ножки и уверяла мужа и всех, кто приходил смотреть на новорожденного, что это самый красивый ребенок, какого она только видела. К сумасшедшей любви Нармины примешивалась её профессия, она была врачом-педиатром, и с рождением сына, пристально наблюдая его развитие и возникавшие проблемы с питанием и со здоровьем, она как молодой врач за короткий срок многому научилась, как говорится, вживую, не по учебникам, с которыми рассталась совсем недавно, получила знания, которых не приобрела бы и за десять лет, наблюдая и леча чужих детей. И она благодаря сыну завоевала репутацию хорошего талантливого, опытного врача, несмотря на молодость, и была еще и за это благодарна своему крохотному созданию, привязывалась к нему с каждым днем все сильнее, болела вместе с ним, обливаясь слезами, не слушая рассудительных доводов мужа, выздоравливала вместе с ним, будто заново рождалась… Н.Н. был полностью заброшен, и ночи любви, в особенности, когда у малыша Вагулечки случались проблемы со здоровьем или когда он просто заплачет во сне, или чихнет посреди ночи, или пукнет, когда у него прорезались зубки, или был понос, эти прекрасные ночи, которые до рождения сына ничем не омрачались, эти ночи абсолютного слияния, и физического, и духовного, ночи, когда они растворялись в своей любви и растворялись друг в друге, и когда реальность со своими делами и заботами исчезала и был только фантастический по своим ощущениям сон, эти чудесные ночи были украдены у Н.Н., и он невольно стал ревновать Нармину к ребенку и вспоминал, как они занимались любовью и как у Нармины, вышедшей за него замуж девственницей, благодаря его нежности и небольшой умелости, перераставшей в большую из-за огромной любви, что он испытывал к жене, благодаря опыту, что приобретался вместе с ней, были потрясающие оргазмы, укреплявшие его веру в себя, в свои мужские способности, вспоминал, как часто они кончали вместе, и как стеснительность жены, поначалу нравившаяся, но и раздражавшая Н.Н., сходила на нет в самые кульминационные моменты их близости, и он сходил с ума, когда и она, обезумев, кончая, кричала его имя и всякие милые и грубые пошлости, что, поднявшись из глубин тела, срывались с языка, и он возбуждался до сумасшествия, и от переполнявшей его любви готов был растерзать её в постели, как кошка, облизывая, не сдержавшись, от большой любви съедает своего котенка. Он знал, что обычно в большинстве случаев женщина только после рождения первенца по-настоящему получает наслаждение от любимого сексуального партнера, но с Нарминой было сразу, и когда она перенесла свою любовь на их малыша и уделяла Н.Н. все меньше внимания, и среди любовных утех, к которым относилась уже с гораздо меньшим вниманием и серьезностью, могла вдруг вскочить с постели оттого, что ребенок заплакал во сне, и подбежать к его кроватке, оборвав любовные ласки, Н.Н. стал серьезно ревновать её к ребенку, ему казалось, что мальчик крадет у них самые счастливые минуты.

А раньше… О-о!.. Раньше много чего было, даже невообразимого. Иной раз в

пылу страсти она почему-то кричала не имя его, а фамилию: Надиров! Надиров! – вопила она кошачьими голосами, и это еще больше возбуждало его, он изощрялся в сексуальных фантазиях, представляя себе, что она – его подчиненная сотрудница и он её насилует, или наоборот: она его начальница, и она его насилует… Неисповедимы пути сексуальной фантазии у людей с живым воображением, Господи!

Но ясно было одно: ни с одной женщиной, пока жена была жива, Н.Н. не мог сойтись, и даже мысли такой не возникало у него, полностью удовлетворенного любимой своей половиной. Однако надежда на то, что с рождением ребенка она станет еще более страстной и желанной, как и он для неё, рухнула, и получилось как раз наоборот – она всю себя, всю свою любовь и сумасшедшую страсть перенесла на ребенка, а ему, Н.Н., остались крохи. Этот живой комочек со своими поносами, памперсами, прорезавшимися зубками, плачем посреди ночи, радостным, заливистым смехом забрал у него все…

Когда Вагифу-Вагулечке было четыре года, Н.Н. повез его в зоопарк, где малыш покатался на прогулочной тележке, запряженной осликом, развозившим детей на территории зоопарка. Ослик тащил тележку, где на скамейках друг против друга сидели восемь детей, медленным шагом, и Н.Н. вполне успевал за тележкой и шел рядом с сыном, счастливо улыбавшимся и завороженно осматривающим ослика, вытягивая шею. Потом он захотел сесть на спину ослику, и такой ослик без тележки тоже был, Н.Н. заплатил и посадил сына на ослика и сам пошел рядом, придерживая Вагулю, а с другой стороны шагал юноша, работник зоопарка, держа ослика под уздцы. Вагуля в седле то и дело наклонялся и внимательно смотрел на мохнатые ноги ослика, на его копыта, и чтобы сын не упал, Н.Н. должен был каждый раз, придерживая, поправлять его, чтобы сидел ровно, но малыш снова и снова наклонялся, чтобы видеть копыта ослика. Отец не мог понять, что малыш так сосредоточенно разглядывает.

– Что ты там увидел, скажи мне? – спрашивал он сына. – Тебе нравится этот ослик?

Но сын только молча кивал, не отвечая.

А когда вернулись домой, Вагуля усталый, не снимая ботинок, улегся на диван и не дал матери разуть его.

– У ослика ножки такие, – ответил он на настойчивые вопросы матери. – Я тоже хочу, как ослик.

И тогда Н.Н. понял, вспомнил, как сын внимательно, с интересом разглядывал копыта животного в зоопарке, и объяснил Нармине, и его короткий рассказ вызвал слезы умиления на глазах жены, как все, связанное с поступками и словами сына, вызывало невольные слезы умиления у неё.

Однако эта дурная привычка у сына осталась, и когда он, двадцатилетний бездельник и хулиган, время от времени вспоминал, что у него есть родители, и вваливался – нередко пьяным – домой; он тут же, уставший, измотанный своей безалаберной и уже опасной жизнью, валился на диван, не снимая грязной обуви, и на глазах Нармины, когда она снимала с него сонного разбитые старые ботинки (как много лет назад), снова появлялись слезы, она плакала, не в силах, как и муж, совладать с ним, своенравным хулиганом и наркоманом, храпящим в грязных ботинках на диване, и это её убивало, как ни старался Н.Н. неумело, косноязычно утешать её.

«… Никогда не руководствуйся законом собственного произвола, ибо ему следуют только невежды, мнящие себя большими умниками.

Пусть слезы бедняка встретят в тебе больше сострадания, но не меньше справедливости, чем жалобы богатого.

Доискивайся правды, и да не помешают тебе в этом ни подарки и посулы богача, ни рыдания и мольбы бедного.

Там, где может и должно иметь место беспристрастие, не подвергай виновного

всей строгости закона, ибо слава сурового судьи ничем не лучше славы судьи милостивого.

Если ты пожелаешь смягчить суровость закона, то сделай это из сострадания к грешнику, а не ради тех даров, которые он тебе пообещает.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу твоего врага, то забудь о своей вражде к нему и думай только о том, на чьей стороне правда.

Пусть при разбирательстве чужих дел тебя не ослепляет личное пристрастие, иначе ты совершишь ошибки, которые большей частью бывают неисправимыми. Если придет к тебе просить правосудия красивая женщина, отврати глаза от её слез и слух твой от её стонов. И со строгим беспристрастием разбери её просьбу. Иначе разум твой утонет в слезах, а твоя добродетель в её стонах.

Если тебе придется присудить кого-нибудь к наказанию, не терзай его слуха жестокими словами: для несчастного довольно мук его наказания и нечего прибавлять к ним еще жестокие речи.

Смотри на виновного как на человека несчастного, обуреваемого слабостями, свойственными греховной природе человека, и будь к нему милостив и сострадателен; помни, что милосердие превыше всех добродетелей».

Похоронив Нармину, Н.Н. словно выпал из жизни, опустился, внезапно начинал плакать навзрыд, не стесняясь присутствием посторонних, перестал ходить на работу (где, войдя в его положение, ему оформили отпуск на свой счет), перестал нормально питаться, брился, только когда недельная щетина сильно чесалась, опустился…

А единственный сын, к этому времени ставший настоящим бандитом и грабителем в шайке себе подобных, даже не удосужился прийти на похороны матери, безумно его любившей. Может, его в очередной раз разыскивала полиция, и он не хотел светиться? Н.Н. его почти не вспоминал. Сын, который свел свою мать, его, Н.Н., жену в могилу, был ему не нужен, был противен, ненавистен. Зато он день и ночь вспоминал Нармину, и месяца через два, когда первая острая боль утраты притупилась, он, вспоминая их ночи любви, их одновременные оргазмы, он, не умея сойтись ни с одной женщиной, по ночам, вспоминая Нармину, мастурбировал в постели, обнимая подушку, опрысканную её любимыми духами.

Ничто так не пробуждает память, как запахи.

Когда умерла жена, к Н.Н. стали приходить люди, чтобы выразить соболезнования. Он даже не поднимался с постели, лежал в маленькой их спаленке, с закрытыми глазами, не выходил поздороваться, притворялся спящим, чтобы его оставили в покое, и люди перестали приходить, зато в дальнейшем после его тяжелой болезни и смерти сына (только после смерти Вагули он вдруг пронзительно почувствовал, что это был по-настоящему единственный близкий человек, которого он всю жизнь не подпускал близко, и теперь он безнадежно одинок, и сердце облилось кровью, и скованный страхом задышал Н.Н. так, будто над ним склонилась смерть), когда он перестал общаться со знакомыми, соседями и бывшими приятелями, люди припомнили ему и его давнее поведение на поминках жены; и за ним закрепилось звание идиота. Да, поначалу люди приходили на поминальные дни, чтобы выразить соболезнование, на три дня, на четверги, на сорок дней (уже гораздо меньше), сидели, пили чай, судачили, говорили о постороннем, кто-то их обслуживал, подносил, уносил, мыл посуду, люди обсуждали свои дела, выражали недовольство, что плохо организованы поминки, что на три дня не подают еду, другие спорили, что вообще эти поминки надо отменить, это глупость, и для вдовца это тяжелое бремя, третьи хихикали, пересказывая что-то смешное рядом сидящим, четвертые приходили с целью познакомиться здесь с нужным человеком, и говорили, говорили, спорили, доказывали, болтали, трещали, трещали без умолку…

А Н.Н. в это время лежал на супружеской кровати в их спаленке, слышал гул

голосов, дремал, и сквозь тонкую пелену дремоты виделось ему, что Нармина лежит рядом и нежно, как он её учил, трогает его за основание пениса, и пенис его пробуждался в трепетном ожидании.

Конечно, Н.Н. не был девственником, когда женился, но, узнав Нармину, он порой вспоминал тех нескольких женщин и связь с ними, как жалкую пародию на секс, хотя Нармину всему он обучил сам. И учился вместе с ней. И это учение подарило им обоим самые счастливые минуты и часы жизни.

Именно тогда, после смерти жены, ему попалась в руки книга о приключениях хитроумного идальго, и он, найдя в ней понятное только ему одному утешение, перечитывал уже много лет и… писал её, эту великую книгу. Он так её полюбил, так глубоко залез в её нутро, что невольно, бездумно считал её своим творением, эту книгу. Знал многие наиболее близкие места из неё наизусть и писал, сам открывая для себя глубочайшую истину, таившуюся в этом произведении, постепенно открывая и, как ему казалось, познавая, но чувствуя, что жизни может не хватить на… Что жизнь его может оборваться, как оборвалась вот эта фраза. И он не успеет…

И его утешало еще и то, что он мог прятаться в ней, в этой книге, мог прятаться от людей, мог прятаться от жизни, как прятался в своих снах. И он растворялся в этой книге, становясь то одним героем её, то другим, то автором, все глубже проникал в неё, не ощущая своей оторванности от реальности, все глубже проникал. И он писал эту книгу, и теперь он знал, как это надо делать. Но чем больше он проникал, чем глубже познавал её, тем больше начинал понимать, как трудно дойти до конца, как невероятно трудно самому стать этой книгой. Бессилие удручало его, но и радовало, обещая сладостное будущее: значит, что-то еще предстоит в его жизни, путь не окончен. И он продолжал писать уже написанное, продолжал открывать для себя уже открытое, будто питался словами, ел, жрал слова, что выходили из-под его пера, как гениальный и несчастный голландец в поисках истины, охваченный сумасшедшей страстью выразить невыразимое, от любви и отчаяния пожирал краски.

Писал он и правда пером, не на компьютере, а по старинке, чтобы не отличаться от великого автора, пробовал даже гусиным пером, чтобы полностью подражать автору, но не получалось, перо рвало бумагу, оставляло грязь и кляксы на словах, и он перешел на обычную ручку.

И однажды, утомившись после трудов праведных, он уснул за столом, и приснился ему его герой, но не такой, хрестоматийный, а вполне современный, аккуратно одетый, в добротном новеньком костюме, при галстуке, но Н.Н. знал, кто к нему явился, стал с ним говорить, задавать вопросы, но гость был мудро- молчалив и постепенно становился прозрачным.

И когда он уже уходил, он задел головой петлю, свисавшую со шнура лампы с потолка и ожидавшую шеи хозяина дома.

– Не время, – произнес он, становясь невидимым.

И пропал, исчез начисто, будто его и не было вовсе.

Н.Н. так и не понял, что хотел сказать гость: не время вешаться или не время отвечать на вопросы, но проснулся и пошел проверить дверь. Дверь была заперта.

«…Ради Бога, сеньор странствующий рыцарь, если вам еще когда-нибудь случится со мной встретиться, не заступайтесь за меня, хотя бы меня резали на куски. Ибо от заступничества вашей милости мне еще хуже придется. Будьте вы прокляты вместе со всеми странствующими рыцарями, когда-либо жившими на свете!»

Что же такого общего было между ними, между неутомимым странствующим рыцарем – победителем мельниц, стремящимся облагодетельствовать человечество, и нашим приятелем Н.Н., личностью, хоть и неординарной, но бездеятельным мечтателем, предпочитавшим свои сны грубой и жесткой реальности, что знал наизусть всю историю хитроумного идальго? Подумаем, подумаем…

С недавних пор Н.Н. как мастер и профессионал, специалист по снам, научился,

заранее запрограммировав своё сознание, точнее – подсознание, видеть сны по желанию, видеть во сне то, что было приятно видеть на данный момент. Только жену он не мог видеть, как ни старался, не получалось, хотя только ради одного этого он и научился в какой-то мере видеть то, что хотел. И однажды ему приснился пятилетний малыш… нет, кажется, ему было больше, лет семь, и он уже посещал школу, но большую часть времени проводил на своей улице, близ окон родительской квартиры, выходивших на улицу из полуподвального помещения, где они, родители мальчика, со дня его рождения снимали квартиру: полуподвальную, сырую, холодную, не отапливаемую ничем, кроме старой, так называемой «буржуйки» – нечто вроде духовки, воздвигнутой над керосинкой, и на этой «буржуйке» можно было сушить белье зимой, разогревать обед и пользоваться ею для отопления двухкомнатной квартирки, где вместе с маленькой семьей проживали и крысы, хозяйничая, как у себя дома. Такая была жизнь у мальчика в те годы, когда и все соседи жили примерно одинаково, в таких тесных и неотапливаемых жилищах. А мальчику дела не было до их жилища, большую часть времени он проводил на улице вместе с другими своими приятелями примерно одних с ним лет. Они собирались вместе и играли в игры, в те годы бывшие очень популярными среди подростков и юношей, и часто нельзя было родителям докричаться, чтобы дети немедленно шли домой обедать, готовить уроки и вообще отдохнуть от уличных проказ. Порой родители сами выпроваживали детей на улицу, наказывая, чтобы они не смели скрываться из глаз, чтобы обязательно были перед глазами у них, и это, как правило, означало, что настал час любви, и молодым супругам, выпроваживающим детей на улицу, пришла охота заняться любовью, пока отец семейства находится дома, вернувшись с работы на перерыв пообедать. Вместо обеда он получал супружеские ласки, а нехитрый обед всухомятку – котлеты или кусок колбасы между двумя кусками хлеба – жена, завернув в газетный лист, давала ему с собой, так как после бурных кувырканий в постели уже не оставалось времени сесть за стол и нормально поесть. А детям было в радость, что их прогоняют на улицу и так долго не зовут обратно, чтобы учить уроки или для других не менее скучных дел: что можно было делать в четырех стенах, где мама или стирает, или гладит, или наводит чистоту, или затевает другие мамины дела? А на улице… На улице было раздолье, несмотря, что улица была узкая, кривая, неровно мощенная, но все равно это была свобода, где можно было подраться, поиграть в никогда не надоедавшие игры: например, в чехарду, прыгая друг через друга, или в наккули, стараясь как можно дальше забросить плоской дощечкой в руке деревяшку с заостренным концом, или побегать с мячом, поиграть в футбол, если соседский мальчик, очень жадный, соизволит принести свой уже достаточно потрепанный мяч для общей игры, потому что только у него на всей улице и был мяч, которым можно было играть в футбол.

И однажды, когда его, мальчика, мать прогнала на улицу, чтобы не мешал отцу, пришедшему на перерыв с работы, поесть и отдохнуть, он выбежал радостный на улицу, а один из сверстников, окруживших его, сказал:

– Твой папа делает опять с твоей мамой вот это!.. – и, засмеявшись, показал руками неприличный жест.

Он сцепился с мальчиком, а остальные криками подбадривали дерущихся.

Теперь Н.Н., к своей радости, видел это, давно пережитое во сне и был рад, что вернулся в свое детство и смутно различал своих былых товарищей по уличным играм, но потом вдруг стемнело, так внезапно и неожиданно, что мальчик, сидевший на шее у отца, крепко держась за его поднятые руки, вздрагивал, обнаружив себя с отцом посреди огромной ночной толпы, тревожной, глухо бурлящей, и двое небритых, малорослых, крепких мужчин, подойдя, приказным тоном настоятельно советовали его отцу уйти отсюда, и он с сыном на шее стал выбираться с площади из темной толпы, а мальчик во все глаза смотрел на людей, в свою очередь, глядящих на него,

смотрел так, будто хотел запомнить надолго, на всю жизнь их незнакомые лица, и тогда впервые он почувствовал, что отец не всегда в силах защитить его.

Н.Н. внезапно проснулся и понял, что пролез во сне в детство своего отца, о котором тот ему скупо рассказывал в его, Н.Н., детстве; и тут же он видел себя взрослого с сыном на плечах, став им, увидев сон его глазами, когда, как ему казалось, он был свободен, совершенно свободен, потому что понимал себя. Все перемешалось, и Н.Н. не брался распутать этот крепко завязанный и во сне так логично воспринятый узелок видений. И вы не старайтесь…

«…Свобода – величайшее из всех благ, которое Небо даровало людям. С ней не могут сравниться все сокровища, таящиеся в недрах земли или в глубинах моря. Ради свободы, как и ради чести, можно и должно рисковать жизнью. Напротив, плен – худшее из всех зол, постигающих человека. Ты видел, Санчо, пышный прием, оказанный нам герцогом. Так вот: среди всей этой роскоши и изобилия, сидя за столом, ломившимся от лакомых блюд и тонких вин, иногда я – так мне казалось – терзался муками голода и жажды. Ибо я не мог свободно и непринужденно наслаждаться всеми этими благами. Чужой хлеб всегда горек, и обязательства, налагаемые благодеяниями и милостями, – тяжкие оковы для возвышенной души. Счастлив тот, кому Небо послало кусок хлеба, за который он не обязан никому, кроме самого себя».

Порой, прервав работу – а это писательство уже написанной книги он называл не иначе, как работой, – он задумывался, а что будет, когда он закончит свою работу. И мысль эта отзывалась тревогой в его душе, и он как мог успокаивал себя, что работа его идет очень медленно, потому что он не только пишет, не только механически записывает по памяти многажды прочитанную книгу, но каждую фразу, каждое слово из неё вбирает в себя, осмысливая, обдумывая; и бывает так, что над словами знаменитого героя романа он, прекратив писание, задумывается и думает очень долго, иногда – по нескольку дней; и вполне возможно, что конец его утомительной и в то же время радостной, дарующей счастье работы совпадет с концом его дней на этой земле, где уже никто ему не дорог, никто его не удерживает, и он уйдет без всякого сожаления, унося в душе своей только три вещи: обжигающие сердце – до сих пор обжигающие – воспоминания о незабвенной жене своей, эту книгу, написанную и, может быть, все еще не законченную, как любая человеческая жизнь, и свои причудливые сны идиота.

«Ах, – воскликнул Санчо, заливаясь слезами, – не умирайте, ваша милость, мой сеньор, а послушайтесь моего совета – живите еще много лет! Потому что величайшее безумие, которое может совершить человек, – это умереть так, ни с того, ни с сего, от одной тоски, когда никто его не убивал, никто не изводил, никто не злоумышлял против него. Прошу вас, встаньте-ка с постели да пойдемте-ка бродить по полям, одевшись пастухами, как было у нас решено. Быть может, за каким-нибудь кустом мы найдем освобожденную сеньору Дульсинею, и тогда нам не останется желать ничего на свете. А если вы умираете от мысли, что вас победили, то свалите вину на меня; скажите, что вас вышибли из седла потому, что я плохо подтянул подпругу Росинанту. К тому же ваша милость сами читали в своих рыцарских книгах, как часто случается, что один рыцарь вышибает другого из седла. Побежденный сегодня – завтра сам оказывается победителем».

ЗЕМЛЯКИ

БОРИС ГУБЕРМАН

(Азербайджан-Израиль)

Борис ГУБЕРМАН родился в Баку в канун Великой Победы над фашизмом в апреле 1945 года. Окончил факультет журналистики Азербайджанского государственного университета (тогда им. С.М.Кирова). Еще до поступления в университет начал работать в качестве корреспондента городской газеты «Маяк» в Али-Байрамлы. В дальнейшем работал в различных газетах Баку и Сумгайыта. Первые стихи появились после окончания школы, с тех пор автор не расстается с поэтической музой вот уже полвека. Памятной для себя вехой считает встречу с Евгением Евтушенко, которая, по его мнению, и определила его дальнейшее желание писать. Волею судьбы оказался в Израиле, за время проживания там издал полтора десятка сборников, в том числе, в России, Латвии, Германии, Финляндии и т.д. Член Международной гильдии писателей (Германия) и Евразийской творческой гильдии (Великобритания), участник 33-й Московской Международной книжной ярмарки, финалист международного литературного конкурса «Возлюбленные музы» (Болгария). Публицистические произведения Б.Губермана «Концепция: общественно-экономические формации и сопутствующие им рынки» и «Наедине с социализмом или в двух шагах от …» переведены на английский (вышли в свет в издательстве LAMBERT, соответственно, в 2019 и 2021 гг.). В том же издательстве в нынешнем году представлена его книга «История Армении глазами не-армянина». Финалист Одиннадцатого Международного конкурса «Open Eurasia-2022» в категории «Публицистика». Сегодня продолжает писать публицистику, прозу, поэзию, увлекается изобретательством и фотографией. Автор перспективной экономической модели «МЕЧТА&РЕАЛЬНОСТЬ», имеющей авторское подтверждение в Израиле и США. Борис Губерман, будучи, на наш взгляд, все-таки изначально прозаиком, пишет вольным стихом, но, как известно, настоящая поэзия – это не только (и не столько) умение рифмовать, сколько умение смотреть и видеть этот мир в системе своих неповторимых координат, находя нешаблонные слова и образы для увиденного… В его стихах чувствуется некое «сопротивление материала», свойственное тем, кто слишком долго живет вне языковой «метрополии», но, оставив эти нюансы за скобками, можно утверждать, что читателю будет интересно встретиться с оригинальной и искренней поэзией нашего земляка.

Полустанок

В ночи озябший полустанок
Мелькнет названьем поездам,
И отзвенит дрожаньем стекол,
И зябко съежится в туман.

Здесь день и ночь стучат колеса
На стыках бесконечных рельс,
Пути уходят вдаль и в да́ли,
Но остаются вместе с ним.

И вновь озябший полустанок,
Деля судьбу своих домов,
Стоит в ночи на вечной вахте,
Читая летопись дорог.

Порыв

Резко вздыбились небеса,
Раскачались деревья, стоном
Взбунтовалась волна морская,
Разбежалась и понесла.

Море, море!..
О, сколько песен,
Сколько солнца в твоих глубинах,
Сколько музыки в ветре сильном –
Невозможно сразу осмыслить.

А по белым клавишам-волнам
Ритмы с разною силой звучанья
Разыгрались аккордами страстными.
Бьют в лицо мне синие капли.

И бессильный пред этой стихией,
Я в себе обретаю силу.

Поэзия

Взять бы крылья огромной птицы,
окунуть их в начало утра,
когда еще не видно ни зги,
когда стихи еще только-только просыпаются...
Ты проснись со стихами,
когда разгорается на краю планеты
стремительность солнечного пламени,
и, разгораясь все ярче и ярче,
жжет и рушит все черное:
черные тени,
черные мысли,
черную неблагодарность
и черствость –
Поэзия должна гореть без копоти!..

Озерный край

Озерный край –
Озерная отрада.
Однажды вышел прямо на шоссе,
Остановил попутную машину –
И понеслись в озерную страну.

Здесь каждый шаг отмечен в отраженьях:
В любой воде плывет твое лицо.
Мне отраженья дарят откровенья
Листвой,
Плывущей прямо по тебе.

Облака

Сомкнулись губы,
легкие, как пух,
Обиженные святотатством ветра,
Они друг в друга впились белой страстью
И уплывали в синюю беспечность.
Их рыхлая бесформенная стать,
Меняясь в выраженьях и слияньях,
Желала быть на что-нибудь похожей...
И не хотела быть сама собой.

Гроза

За окнами грохочет канонада,
а здесь спокойно,
тихо и тепло.
Лишь отсвет молний
брызжет за гардины,
как будто черти пляшут на стене.

Смешались контуры
в сердитом вое ветра,
скрипит калитка,
шлепают шаги.
Чуть слышно пес скулит
на непогоду,
забившись в угол старой конуры.

О чем-то шепчут старые деревья,
стуча тревожно ветками в стекло...
А ты дрожишь при каждом взрыве грома,
как будто молишься чему-то иль кому-то
так истово, так обреченно,
что боязно становится и мне.

Ночью

Степенный час,
Когда все в доме спят,
А за окном машинный гул несется
И рушит тишину,
Неся погибель ночи
Ножами света,
Кровной местью фар.

***

Снег сыплется,
Как песок.
И скрипит под ногами,
Как тот на зубах...

Бог Обиды

Я – Бог Обиды,
сердце бьется
под латами коваными.
Предо мной преклоняют колени,
ставят свечи в светильники пыльные,
о недугах своих говорят.

Божий храм полон чада от свеч.
Давит тяжестью.
нечем дышать:
копоть нам на плечи садится,
и на сердце черным-черно
От беды и заботы страждущих.

Я могуч,
терпелив без края.
Я – приют для всех душ обделенных...
Разговоры сплетаю в сети,
крашу их в подходящий цвет
И терплю до предела адского
без движенья,
с потупленным взором.

Я – скульптура,
укрытая латами,
жду чьего-то живого участия
или просто людского смирения.
Есть иные начала и жизнь,
есть иные стремленья и цели,
Только Богу обиды и просьбы
отдаются стыдом и болью
в ожидании вечного Чуда.

Перед концертом

Месье!.. Маэстро!..
Скрипка желает петь,
Чтоб из-под пальцев сочилась жалость!..

Зафутляренная,
Она одиноко притулилась к стене,
Была глуха и слепа
В ожидании своего часа,
Без света,
Без целого зала людей,
И гриф ее в футляре
Был одноруко беспомощен...

А говорили:
– Музыка кончилась...
Навсегда...

***

Речь расплели на слова, точно сеть –
после ловли сплошные дыры.
Нити смотали в клубок,
а прорехи остались.
Заплаты из солнечных пятен...
Речь расплели,
и остались цитаты,
мысли чужие на память.
А все остальное зачем говорить?..
И для кого?..

На рассвете

Вот кричат петухи,
Задираясь на зорьку горласто.
Петухи-крикуны звонко кличут
рассветное эхо.
И проснуться нельзя –
Сны окутали крепко,
И заснуть невозможно
От прелести дивного утра.

Посвящение другу

Мой верный пес,
Уткнувшись мордой в лапы,
У ног моих лежит.
Он сторожит огонь в печи
И мой покой.

Мой верный пес,
Он сторожит
Мой целый мир
И жалобно скулит
В стихи мои.

Мой верный пес,
Он сторожит
Вселенной свет,
Он в мыслях
Где-то там живет со мной –
У Гончих Псов...

Он постарел,
Ах, как он постарел,
Мой верный друг,
Усталый страж меня,
Что мирно спит
У ног моих...

Ожидание

Опять вечерняя тоска
Ведет в почтовый вернисаж,
Где марки гречневой крупой
В глазах витринных мельтешат.

В румянах утренней мастики
День долгожданный потечет,
Блеснув нежданною надеждой
По непришедшему письму.

И снова ждешь, в который раз
Стихию, сложенную в строчки,
Придумывая в ожиданье
Тома неприсланных вестей.

...По крутизне неровных улиц,
По студню езженных дорог,
Спешить наивно вновь на почту –
Письмо до срока получать.

В гостях у феи

Софье Варзагер

Раннее утро.
Комната тихая.
Кто-то легонько прошелся по полу,
из зеркала выглянул заспанным личиком:
в солнечном свете щечки зарделись,
прядь белокурая засквозила.

Играло по зеркалу доброе утро –
яркое,
славное,
необычное,
швыряя по комнате искрами,
солнцем,
большой искромятью,
гореньем, свечением.

Оранжевой сказки пунцовая быль
горящее зеркало всполыхнула
со старым портретом,
жестким диваном
и маленьким ситцевым
халатом на стуле...

А фея ушла в мир –
творить добродетель.

МУБАРИЗ ДЖАФАРЛИ

Зеркало

Рассказ

Охваченный внезапной тревогой, он попытался проснуться, глаза еще не свыклись с темнотой, потому не удалось различить предметы в комнате, он был полусонный, усилием ума и воли пробовал встать, ибо его охватил ужас, но приснившийся сон вспомнить не мог. Вот как – между сном и явью. Брат-близнец смерти не выпускал его из своих тисков, а он всеми силами продолжал оказывать сопротивление, однако силы постепенно иссякали, наконец, тело обмякло, глаза снова сомкнулись. Он снова окунулся в сон. Чтобы вернуться в явь, требовалась посторонняя помощь. Либо должен затренькать будильник, либо зазвонить телефон, или же, не приведи Господь, случиться землетрясение. Но время продолжало спокойно течь. Так суждено, он должен доспать свой прерванный сон, завершить его, дойти до конца длинного пути, уходящего во мрак. Сначала в автомобиле, по серому асфальту, а потом пешком по выжженной степи без признаков жизни… Куда он шел, почему шел, что ожидало его в финале пути? Да и сам сон сплошная тайна, словно каждый новый день. Сон сложнее и глубже образа жизни, к которому мы привыкли…

Просыпаться каждым утром и видеть рядом ту же женщину очень утомительно. Вдобавок та же работа, те же дела, лекции, что он читает в аудиториях института. Те же преподаватели-коллеги, те же слова, которые не меняются годами, слова, вызубренные из старых учебников… Рутина, засасывающая как тина…

«Чего я желал и вот что приобрел…»

Самый большой грех, ошибка, неясность именно здесь и скрыта: в желании прийти в мир за барышами… Будто можно что-нибудь приобрести праведным путем. Интересно, кто заложил основы всей этой бессмысленной купли-продажи? Кто первым преисполнился алчбой возвести замок из песка, явив миру роскошь? Кому взбрела на ум греза заслужить вечность с помощью мирской мишуры? Корни уходят дальше эпохи фараонов… Вплоть до Адама с Евой… Вплоть до убийства Каином Авеля… До того момента, когда ворон указал убийце, как следует похоронить первого в истории убиенного. Боже, как скоро вмешался Сатана в ход событий! Если бы в этой битве, в этой игре Творец занял бы сторону своего создания, воплощенного по Своему образу и подобию, то нарушилась бы вселенская гармония. Но оставлять изгнанников в одиночестве тоже было нельзя. Таким образом возникла потребность в пророках. На землю были ниспосланы священные книги. Миновали века, и мы дошли до последнего этапа, до эпохи упадка, круг близится к тому, чтобы замкнуться, должны пройти миллионы лет, чтобы снова вернуться в каменный век. Это конец игры, больших ставок, конец игры, которую трудно постичь мерой разума. Мы не решали вопрос о победителе и побежденном, и никто нас не спрашивал, когда заключались условия. Мы, по цепной реакции, должны были завершить свой удел и передать эстафету последующим поколениям. Конечно, по мере своих сил. Мы ведь не способны превзойти самих себя! Выполнив свое предначертание и мельком взглянув в зеркаломира, мы продолжили свой путь.

Преподаватель института, мечущийся между сном и явью, и, наконец, смирившийся со своей судьбой, один из бесчисленных средней руки представителей науки, перебивающийся, чем Бог пошлет, все еще продолжал смотреть в зеркало. В этом зеркале он видел не только себя, перед его глазами последовательно оживали об-

разы всего его рода. Странно, после себя он в зеркале никого не видел. Он – последний. А как же сын? Ведь после него должно показаться отражение сына. У него то ли во сне, то ли в яви волосы встали дыбом от внезапно пришедшей в голову мысли, на мгновение перехватило дыхание, будто он сейчас отдаст душу. «Боже, нить прервана, он не мой сын. У меня нет ребенка…» Значит, измена… Женская измена, бесчисленно повторяющаяся из века в век. История и вправду повторяется. И с кем же изменила ему жена? Верно, он и сам хорош, только вот у нее дело дошло до ребенка. Он никогда бы этого не позволил. Будь оно так, он увидел бы после себя в зеркале другой образ. Своего наследника, похожего на него… Но тот, кого он вырастил и сделал мужчиной, совсем на него не походил. Вот как! Верить женщинам глупо. Плохая жена и так плоха, а хорошая и того хуже! Годами старайся-сражайся, зарабатывай, а в итоге сидишь у разбитого корыта. Оказывается, ты воспитывал чужого отпрыска, и ты последний в своем роду. Вот и всё, после тебя – точка. Что сказала бы жена, прояви он настойчивость? Наверно, не созналась бы. Как он мог бы всё доказать? Во сне мне ниспослали откровение… А может, жена с бесстыдством бросила бы ему в лицо: «Хорошо и сделала, поделом тебе, сам ты спал с кем ни попадя, а я всего с одним!» Одним?.. Кто сосчитал и дал гарантию? С одним или со ста не имеет разницы, жена обернула его вокруг пальца. Неправильно ведь приравнивать женщину к мужчине и мерить одной мерой… Мужчина – пчела, ему не зазорно перелетать с цветка на цветок и пить нектар. А женщина должна ждать свою «пчелу», хранить верность своей «пчеле».

Во сне человек либо зритель, либо актер. Он всегда выполняет команды невидимого режиссера. В жизни он не проявлял такую выдержку. Его обманули, а он тихонько перемалывал всё былое и минувшее. Приняв во внимание дату рождения сына, точнее пасынка, можно вычислить примерное время этой измены. Ну и что? А потом? Интересно, в какого прекрасноликого Иосифа втюрилась жена?

Он всегда доверял жене, считал ее кристально чистой. Но причина подозрения прямо перед глазами. Следовало проявить немного внимания. Пасынок, которого он вырастил, нисколько не походил на него. Он светлый, с голубыми глазами. Эти детали, на которые он доселе не обращал внимания, выдавали факт обмана издали. А как же его, кандидата наук, пустая башка? Занималась сбором взяток со студентов? Если бы иногда поднимал голову и оглядывался вокруг, понял бы, в чем дело. В этом нет сомнений. Ведь на воре, как и на изменнице, шапка горит. А теперь поезд ушел…

Интересно, он знаком с биологическим отцом своего пасынка? Очень может быть… Тот ведь не с луны упал. По меньшей мере, отец пасынка видел его. И кому теперь поведать о своем горе, где искать выход? Пасынок его обручен. Дней через пять-десять состоится свадьба. Может, отец пасынка пожалует на свадьбу, тихо сядет в сторонке, пропуская рюмку за рюмкой, станцует и станет про себя смеяться над ним, новоиспеченным свёкром. Может, напьется вдрызг, возьмет его за грудки и расхохочется, а все присутствующие на свадьбе застынут как вкопанные от фраз, перемежающихся с сумасшедшим, диким хохотом: «Это не твоего сына свадьба, а моего…» У него мурашки пошли от этой воображаемой сцены. Будь он не во сне, а в яви, сердце бы лопнуло. Умереть во сне хорошо потому, что ты и так будто бы умер, нет уже потребности перескакивать туда-сюда, только вот Азраил не приходит, а спящий невольно шагает в его сторону.

Обманутый и обманувшая спали в одной кровати, когда проснется обманутый, он увидит изменницу в своей постели, рядом. А из соседней комнаты раздавался оглушительный храп дитя измены. Тот еще с детства храпел так, будто вся квартира принадлежит ему одному. Одно время он водил его к врачу. Думал, у ребенка аденоид, потому-то он тяжело дышит. А врач сказал, что все, точнее, горло и нос ребенка в порядке, что касается храпа, ничего в этом страшного нет. Возможно, наследственное… «Возможно, наследственное…» Тогда он пропустил эти слова мимо ушей, так обра-

довался ободряющим словам врача, что не стал углубляться. А теперь прямо во сне его голова работала четко, как часы: ведь и он, и жена спали как овечки. Значит, ребенок похож на настоящего своего отца. Раз так, его можно просечь по элементарному храпу. Конечно, всё это впустую. Утопающий хватается за соломинку, и обманутый тоже хотел за что-то зацепиться, выпрямиться, но понимал, что это сражение давно проиграно, и теперь что бы он ни делал, за что бы ни цеплялся – ничего не изменится, дело сделано.

Не знать бы ему всего этого до самой смерти. Жить с закрытыми глазами – удобно и спокойно. Узнал он правду… И что? Что изменилось? С тоской и паникой он ощутил, что остался в этом бренном мире один-одинешенек. Потом? С кем и как бороться? После долгих лет похода по святыням, приема лекарств его жена зачала. Ну и ну! Это не дар от Бога, а насмешка Творца. Почему? Причина? Творец до поры до времени не раскрывает сокрытого. Не у каждого хватает мудрости понять близкие знаки. Только понимая, читая то, что на поверхности, можно уйти в глубину. Иначе утонешь! Как тонул он. У обманутого не будет своего ребенка. Этого не позволял ни возраст, ни силы. Его смерть и конец! Но кто дает столь высочайшее распоряжение? Надо всё внимательно рассмотреть. Может, главное – не найти истину, а запрятать ее поглубже? А теперь он должен обманывать себя? Вести себя так, будто ему невдомек? Есть истина, что хуже лжи. Он получал много взяток, которые назывались «проявлением уважения», и вот настал момент, когда он сам должен всё отдать. Никто не одерживает одни лишь победы. Приобретение и потеря – близнецы. Иначе нарушится ход вещей. Он потерял прошлое, а будущее в тумане. Но о каком будущем могла идти речь после всего этого? Само будущее пришло и ушло. Во сне измерения времени смешиваются. Если б сновидец понял, что спит, и мог бы проснуться в желаемый миг, человек обладал бы способностью управлять грезой. Что означало бы то, что человек обрел крылья. Ну что там сон, люди неспособны толком управлять даже явью, даже когда ум да разум на своих местах. А прежде чем искать, чтобы найти что-либо, надо не забывать одну вещь: не будь воли небес – ничего не отыщешь. Кажущееся находкой – обманка, мираж. Вот так вот не отыщешь отца своего спиногрыза. Ни во сне, ни потом… Прикинуться ничего не ведающим человеком, играющим роль отца – лучший выход, без всякой нервотрепки. Или вовсе не играть эту роль и пустить всё на самотек… Всё равно тайны, которые двуногие пытаются всеми силами скрыть, раскроются на небесах. Лучший выход – переступить порог сна. Остальное, дай Бог, образуется…

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

НИЗАМИ ТАГИСОЙ

Несколько слов о мистических мотивах в азербайджанской литературе

Будучи составной частью тюркской, восточной, европейской и мировой литературы, азербайджанская литература на протяжении веков развивалась в двух направлениях: в религиозно-мистическом и светском. Не следует упускать из виду и тот факт, что с VIII в. на протяжении длительного исторического периода на её развитие важное влияние оказывали арабоязычная и персоязычная литературы, которые развивались в контексте исламского мировоззрения. С завоеванием Азербайджана арабами и распространения ими ислама, эта религия, регулируя социальную и общественную правила, оказала существенное влияние и на духовную жизнь народа. Этим объясняются религиозно-мистические воззрения, отразившиеся в азербайджанской литературе.

Начиная с IX века в Азербайджане развивается суфийская литература, выражающая религиозно-философское, мистическое, морально-нравственное мировоззрение. В суфизме или тасаввуфе (*«Тасаввуф – соблюдение всех высоких нравов и отказ от всех низких нравов»*) мир делится на две части – духовную и материальную, образуя дуалистическую систему, состоящую из нескольких ступеней и пластов (Алеми Лахут – Алеми Гейб – Алеми джабарут – Алеми малакут – Алеми шахадет (mülk aləmi).

1. ***Алеми лахут*** – это божественная природа, противопоставляемая человеческой природе (*насут*).
2. ***Алеми гейб*** – непостижимая божественная тайна, знание, доступное только богу (от корня ГЙБ – «отсутствовать», «быть скрытым, невидимым»).
3. ***Алеми Джабарут*** (духовный мир, область Мировой Души) ***и Алеми Малакут*** (сверхчувственный, потусторонний мир, область Мирового Разума).
4. ***Алеми шахадет*** – это материальный мир, «мир очевидный».

Практика суфизма и его понимание имеют четыре стадии: шариат (экзотерический религиозный закон), тарикат (мистическая тропа), хакикат (истина) и марифат (gnosis).

Первая – шариат – является фундаментом для трех последующих стадий. Шариат состоит из учений морали и этики, которые можно найти во всех религиях. Шариат помогает понять, как достойно жить в этом мире, пытаясь следовать суфизму.

В арабском языке шариат означает «дорога», часто переводится как «правильный путь» или «путь к воде». Это ясная дорога, хорошо проторенный путь, которым может следовать каждый.

Вторая стадия – это тарикат, которая относится к практическому суфизму. Тарика – это тропа в пустыне, следуя которой бедуины могут переходить от одного оазиса до другого. Эта тропа нечетко обозначена, ее даже не видно. Для того чтобы найти ваш путь в этой пустыне без дорог, вы должны хорошо знать местность или иметь проводника, который знает, куда идти, и которому хорошо известны местные ориентиры. Если шариат относится к внешним ритуалам религии, тарикат отражает духовную сущность суфизма. Проводник, который вам нужен, чтобы найти путь, – это наставник суфий или шейх.

Третья стадия — это хакикат, или истина. Она относится к личному пониманию каждым человеком духовного значения тех практических и руководящих советов, которые содержатся в шариате и тарикате. Без такого понимания мы обречены бродить в темноте, механически подражая тем, кто действительно обладает знанием, тем, кто обрел состояние хакиката. Обретение хакиката подтверждает правильность и укрепляет практику двух первых стадий. До хакиката все практики – имитация.

Четвертая стадия – марифат, или gnosis, — это глубокий уровень духовного знания, выходящего за пределы хакиката. Это знание реальности, полученное немногими посланниками, пророками, а также великими мудрецами и святыми.

В азербайджанской поэзии начиная с XII в. суфийские мотивы можно проследить в творчестве Низами Гянджеви, Хагани Ширвани, а также у других крупных представителей нашей литературы.

С мистическими сюжетами мы встречаемся в таких устных памятниках и образцах народной поэзии, как «Дастани-Ахмед-Харами» и дастан «Мехр и Муштари».

В творчестве поэтов-классиков мы можем наблюдать не только коранические, но и библейские темы и образы.

Первым азербайджанским поэтом, обратившимся к этой теме, стал поэт XIV века Гази Мустафа Зарир, автор поэмы «Юсиф и Зулейха» (библейская история Иосифа Прекрасного).

Другим азербайджанским поэтом, создавшим поэму об истории Иосифа Прекрасного «Гиссеи-Юсиф», был Гул Али.

Последовательно отражавшими суфийские взгляды являются поэты: в XIV в. Махмуд Шабустери, Шах Касим Энвер, Фазлуллах Наими, Имадеддин Насими и др., а в XV-XVI вв. Шах Исмаил Хатаи, Мохаммед Физули и др.

С мистическими мотивами связаны религиозно-мистические течение хуруфизма и пантеизма, яркими представителями которых в Азербайджане являлись Фазлуллах Наими (1339-1394) и Имадеддин Насими (1369-1417).

Лирические диваны (т.е. сборники) Наими «Махаббатнаме», «Аршнаме», «Новмнаме», «Джавиданнаме», «Весийетнаме» изобилуют мистическими мотивами. Здесь следует принимать во внимание то, что в религиозной системе тасаввуфа бытие воспринимается как контекст, в котором размещаются – Аллах, Вселенная и Человек. Хуруфиты в этот контекст добавляют ещё и четвёртый элемент (компонент) Слово.

Как известно, Наими был наставником (т.е. мюршидом) Насими.

Почти все произведения Насими в той или иной степени имеют религиозно-мистическую окраску. В его поэзии важное место занимают взаимоотношения человека и Танры («Танры» у тюрков – имя высшей божественной силы. Напомним, что Танры – это центральное божество древнетюркского пантеона, главное божество религии древних тюрок – тэнгриизма. Тэнгри (тот же Танры) выделяется среди остальных божеств древнетюркской религии. Потому некоторые исследователи считают, что у древних тюрок была религия, близкая к монотеизму.)

Все творчество Насими посвящено поиску ответа на вопрос: кто такой человек, что он из себя представляет и насколько безграничны его способности? Бог есть в каждом человеке, – утверждает поэт, и в каждом человеке он видит божественное начало.

Возвышая человека, Насими как бы очеловечивает бога, приближает его к запросам, чаяниям и ожиданиям людей, которые, в свою очередь, должны оправдать свое высокое назначение в этом мире. Гуманизм Насими связан именно с этим его пониманием высокого назначения человека, ощущением безграничности его возможностей, силы и благородства его помыслов и устремлений, среди которых исключительное место занимает любовь как земное облагораживающее чувство.

В XX в. мистические образы можно увидеть в творчестве крупного прозаика, драматурга и публициста Абдурагимбека Ахвердиева (1870-1933), в частности в трагедии «Пери-чародейка» (1902). В этой драме автор по-новому и по-своему с мистико-философской точки зрения рассуждает о человеческой духовности и о её внутренней эволюции. Показаны два лагеря: силы добра и зла. Помимо реалистических образов в драме имеются и нереалистические образы: Пери-чародейка, Дьявол, колдунья Шамама, Аджинне (т.е. Джинны). Заметим, что эти образы, как мистико-символические, впервые разрабатывались в азербайджанской драматургии именно А.Ахвердиевым. Главной целью автора являлась представить в азербайджанской драматургии лицом к лицу эти два извечно антагонистические полюсы, противоборствующие силы – Добро и Зло и показать их в единой сюжетной линии общечеловеческих идей в национальном сознании. Главной идеей автора здесь является мысль о том, что каждый человек должен сам строить свою судьбу.

После Ахвердиева в азербайджанской литературе к этой теме обратился С.Вургун в своей незаконченной драме «Ормузд и Ахриман», где также имеются мистические мотивы и образы.

Отмечу, что Дьявол как многоликое воплощение Зла занимает важное место и в творчестве крупного азербайджанского художника слова Г.Джавида.

В своих драматургических произведениях «Дьявол»(1917-1918), «Пророк»(1922-1923) и многих других Г. Джавид раскрыл власть темных сил и контрасты эпохи, представив в них целую галерею сильных, протестующих неординарных героев, бунтующих против несправедливости, тирании, произвола. При чтении пьес и трагедий Г. Джавида возникают неизбежные ассоциации с такими произведениями, как «Божественная комедия» Данте, «Дьявол» Бена Джонсона, «Потерянный рай» Джона Мильтона, «Фауст» Гёте, «Каин» Байрона, «Демон» Лермонтова, «Волшебный маг» Кальдерона, «Злые чары» («Книга заклятий») К.Бальмонта и др.

Мистика занимает важное место в творчестве других азербайджанских писателей XX в. В частности, у народного писателя Азербайджана Мовлуда Сулейманлы. В этом плане следует назвать его повести «Чёрт», «Мельница», «Переселение», «Удод», «Голос» и мн. др. Азербайджанская критика 70-х гг. обрушилась на эти произведения, особенно на «Мельницу», считая их не соответствующими тогдашней идеологии. Дальнейшая судьба повести была нелегкой. Из-за этого произведения автора не раз вызывали в КГБ республики для допроса. Тогда в его защиту вступили известные писатели Анар, Эльчин, Р.Рза, И.Шыхлы, И.Эфендиев и др. Несмотря на противоречивые оценки, подходы и суждения сам автор считает эту повесть одним из своих самых удачных произведений.

С мистическими мотивами мы встречаемся и в творчестве народного писателя И.Гусейнова (Муганна) в его романах «Судный день», «Ад», «Кладбище», «Иса-Хак, Муса-Хак», «Ущелье змей» и др. В романе «Судный день» И.Муганны повествуется о средневековом освободительном движении хуруфитов, в том числе о жизни и восприятии действительности Насими, где имеют место религиозно-мистические взгляды этого классика. Среди произведений с мистической составляющей последней четверти XX в., можно назвать роман талантливого прозаика Юсифа Самедоглу «День казни» – интересный по-своему сюжету, архитектонике, содержанию и образной характеристике, а также роман Анара «Белый овен, чёрный овен», немало мистики можно найти в рассказах К.Абдуллы и в его романе «Долина кудесников». Многие произведения Эльчина также полны мистики. Среди них можно назвать пьесы «Игры дьявола», «Последний день Сальери», рассказы: «Четвертая дверь», «Удод», «Лифт», «Миссия», «Самоубийство» и другие.

Надо отметить, что данная тема ещё недостаточно изучена в азербайджанском литературоведении, и хотелось бы привлечь внимание исследователей к этой теме.

НАИЛЯ НАДИР

ТАМ, ГДЕ У БОГА НЕТ СИЛ

По наковальне – молотом.
Отскакивают жизни.
«По ком звонит колокол»,
Где-то в другой Отчизне.
Там, где седеют мысли

При виде косичек льняных,
Заживо погребённых.
Будто кинжалом под дых,
Взгляд стеклом у ребёнка.
Там, где судеб осколки

Разбросаны по асфальту,
Раздавлены сапогом,
Ненавистью солдата,
Стрелявшего в чей-то дом.
Там, где со смертью вдвоём

Пёс обезумевший лает.
Тот, что косички любил,
Недотянувших до мая,
Сгинувших в сонме могил.
Там, где у Бога нет сил….

Там, где седеют мысли.
Там, где осколки судеб.
Там, где со смертью вдвоем.
Там, где у Бога нет сил…

***

Небо не плачет. Рыдает.
Тучи в режиме отжима,
Крутит дьявол педали,
Мня себя непобедимым…

Ложь изливается селем,
Зло барабанит по крыше,
Где-то весенней капели
Кто-то уже не услышит…

Горем накрытые плечи,
Вместо подушки – несчастье.
Скольких еще искалечит?
Стонет весна. В чёрном платье.

***

Когда-нибудь...всё будет иначе,
Слепой, может, станет вдруг зрячим,
Глухой обретет слух, немой – язык,
И море не будет бояться грозы,
И парусник смело отправится в путь,
И нищего можно будет обуть.
Когда-нибудь...всё будет иначе,
От горя никто уже не заплачет,
Ведь горя не будет. Не будет печали,
Земля к остановке последней причалит...
Там будет спокойно. И тихо. Светло.
И может не будет бессмысленных слов,
И может быть там обретёт Человек
Всё то, что утрачено из века в век.

Когда-нибудь всё будет иначе...

Так надо

Рассказ

Нора сидела на краю видавшей виды кровати и смотрела в окно. Её потрёпанное, испитое лицо было покрыто сеткой морщин. Сутками не смываемая косметика сизо-бурыми комочками собралась на веках и в уголках опухших, слезящихся глаз. Словно треснувшая штукатурка виднелись остатки пудры и тонального крема на скулах и обвисшем подбородке. Воздух в комнате был пропитан табаком и спиртным. Нора, не оборачиваясь, протянула руку к тумбочке, нащупала среди использованных презервативов, окурков и прочего мусора бутылку и приложила горлышко ко рту. Глоток коньяка оживил её. Нора встала с кровати и, не выпуская из рук бутылку, подошла к грязному, годами не мытому окну. В соседнем доме звучала музыка. В последнее время это происходило всё чаще. То музыка, то фейерверки. А какой ремонт закатили. Часть дома была в строительных лесах, стёкла сверкали в новых рамах, старинная крыша бережно восстановлена. «Твари», – промелькнуло у Норы в голове, и её затошнило. Она снова приложилась к бутылке и сделала основательный глоток. Коньяк, смешавшись с комом злости и ненависти, застрял в горле огненным клубком. Нора закашлялась, и спиртное вылилось изо рта. Кашляя, Нора повалилась на грязный, затоптанный пол и в бессилье стала стучать по нему кулаками. Она стучала, кашляла, разбрызгивая зловонную слюну, снова кашляла и снова стучала. Остановившись на мгновение, в порыве исступлённой злобы, она заново схватила бутылку, отпила большой глоток и, упав на спину, потеряла сознание…

Перед глазами проплыла худая грязная, отбившаяся от табора девчонка в отрепьях. Она копошилась в мусорной куче в поисках еды. Картинка растворилась в воздухе.

Следующим видением была та же худая девочка, вернее уже девушка, только чисто и аккуратно одетая, в окружении ровесников за большим накрытым столом. Все ели, смеялись, пели песни. Добротный дом с толстыми каменными стенами, потрясающей красоты сад, утопающие в изумрудной зелени горы, прозрачный и чи-

стый, как хрусталь, ручей. Всё это проплывало кадрами перед глазами. Ей нравился язык, на котором разговаривали окружающие её люди. Он был такой музыкальный, мягкий, певучий. Совсем не схожий с тем, на котором говорили в таборе. Видение исчезло..

Следующей стала картинка из дома напротив. Того, где она в настоящий момент валялась на полу. Однажды ее позвали туда. Этот дом отдали таким же, как она, отбившимся от табора нищим. Почему отдали – вряд ли тогда кто-нибудь мог ответить. Да и сейчас тоже.

Нора зашла внутрь и попятилась. За столом сидели несколько свирепых мужчин с чёрными бородами. Они разговаривали на языке табора. С укоризной взглянув на девушку, один из них процедил:

– Продалась за кусок хлеба? За постель тёплую? Это наши враги, заруби себе на носу. У них есть всё, что должно быть нашим. Запомни это. Будешь делать, что мы скажем. Иначе в один прекрасный день тебя найдут в канаве или овраге каком-нибудь, продажная дешёвка.

С того дня жизнь Норы превратилась в ад.

Бородатые мужики подкладывали её под многочисленных приходящих к ним незнакомцам. Незнакомцы говорили на не понятных Норе языках и звались чужими для нее именами: Миша, Вова, Билл, Жак и др. Хотя некоторые имена она в далёком детстве кажется слышала: Гандал, Кавус…

С Норой обращались, как с обычной публичной девкой, и она стала такой на самом деле. Ей говорили – так надо. И она выполняла всё.

С годами Нора впитала в себя всю ту ненависть, которую несли в себе люди с чёрными бородами. Она поверила в то, что они говорили про тех, кто когда-то приютил её. Она поверила в то, что эти добрые и отзывчивые люди якобы отобрали принадлежащее её табору. Всё теперь вызывало у неё нескончаемую злобу. Их прекрасная музыка и вкусная еда, их безмятежные будни и красочные праздники.

В один прекрасный день бородатые «хозяева» позвали Нору и сказали, чтоб она не возвращалась в дом своих благодетелей. В ту ночь она слышала их крики и плач, чувствовала запах дыма и гари, не могла заснуть из-за стрельбы.

Картинка опять исчезла. В следующей Нора стояла у того же самого окна и смотрела на тот дом, где прошёл самый счастливый период её детства. Тот, который она вычеркнула из памяти, заполнив пустоту злобой и ненавистью. Дом стоял с пустыми глазницами вместо окон, с полуразрушенной крышей и обгоревшими стенами. Мелькали носатые дядьки и уродливые женщины. Во дворе дома несколько мальчишек раздирали большую красивую куклу. Она вспомнила эту куклу. С ней играли соседские девчушки. И Нора им завидовала. Теперь мальчишки пинали куклу и швыряли из стороны в сторону. Затем один из них поджёг на ней платье, а другой, проколов кукле глаза, вставил в образовавшиеся дырки горящие окурки. Нора зажмурилась и прошептала: «Так надо. Так надо…»

В следующей картинке пьяная Нора танцевала на столе. Ей одобрительно кивали и хлопали. Нора танцевала так, как учили в далёком детстве люди, приютившие Нору и её соплеменников. Отпивая очередной глоток из бутылки, Нора кричала:

– Давайте, сносите это дерьмо, пора строить новый дом!

Ей презрительно улыбались в лицо и перешёптывались всё те же разные мужчины, с разными именами, говорящие на разных языках…

Нора опять сильно закашлялась и очнулась. С улицы всё ещё доносилась музыка…Она хорошо знала эту мелодию…

Схватив телефон, Нора судорожно набрала номер…

– Тебе не надоело мне звонить?!

– Но послушай, пожалуйста…ты ведь говорил, что…

– Ты пьёшь и жрёшь на мои деньги! Ходишь в одежде, купленной на мои деньги! Но умудряешься спать с другими. Пошла вон!…

Нора набрала другой номер. Ответа не последовало. Она набирала снова и снова, пока ей не ответил холодный и вежливый женский голос:

– Мы в курсе ваших проблем, мэм, сочувствуем. Ждите, с вами свяжутся.

Она набирала разные номера. Номера всех тех, кого когда-либо видела в доме, но в ответ слышала лишь «Отстань, надоела, сколько можно плакать»... В момент ступора раздался звонок:

– Оо, мон ами, как я по тебе скучаю, потерпи немного, так надо…

«Так надо», – промелькнуло в голове у Норы, – «так надо»…

Она вспомнила куклу с окурками вместо глаз… Нору вырвало прямо на пол. Она встала на четвереньки, подпозла к окну, схватилась за облезлую ручку и выглянула наружу. Во дворе дома играли дети. Они громко смеялись, бегали друг за дружкой, словом, вели себя, как обычная детвора.

Нора исступлённо заорала:

– Заткнитесь вы!!!

Один из мальчиков, ещё совсем маленький, в недоумении посмотрел в сторону хриплого окрика. И увидел в окне трясущуюся от злости старуху. Мальчик забежал в дом, вышел из него с куском свежего хлеба и протянул его в сторону окна.

Нора взревела и крикнула:

– Пошел вон!

Мальчик пожал плечами и вернулся к ребятам. Теперь они катали игрушечную коляску. В коляске сидела очень красивая кукла. Приглядевшись, Нора вздрогнула. Кукла была точь-в-точь, как та, с окурками, торчащими из глазниц. Только у этой были блестящие новенькие глазки в обрамлении пушистых ресниц, широко распахнутые.

– Так надо, – услышала Нора ровный спокойный голос. Она подняла голову и посмотрела на небо.

– Так надо, – еще более отчетливо услышала Нора…

ГЮЛЯР АБДУЛЛАБЕКОВА

МИЛАН КУНДЕРА И ЕГО РОМАНЫ

Милан Кундера – один из наиболее интересных и читаемых прозаиков рубежа XX-XXI столетия. Его книги считают классикой XX в., а самого писателя одним из виднейших современных романистов.

М.Кундера родился в 1929 г. в Чехословакии в г. Брно.

Его отец был музыковедом, ректором университета в г. Брно. Сам М.Кундера, будучи студентом, изучал музыковедение, кино, литературу, эстетику. С 1952 г. преподает мировую литературу в Пражской Киноакадемии, а в 1953 г. публикует свою первую книгу стихов.

Он становится известным после выпуска стихов трехтомника прозы «Смешные любови» (1958-1968). Его первый роман «Шутка», в котором рассказывалось об ужасах сталинизма, был опубликован в 1967 г.

За участие в событиях 1968 г. М.Кундера был лишен права преподавать. Его книги были изъяты из всех библиотек, а в 1970 г. ему было запрещено публиковаться. Его второй роман – «Жизнь не здесь» – в 1973 г. был издан и Париже.

В 1975 г. М.Кундеру приглашают преподавать во Францию. В 1979 г. за книгу «Книга смеха и забвения» он был лишен чешского гражданства. Все его следующие книги также были запрещены для публикации в Чехословакии.

С 1981 г. М.Кундера – гражданин Франции. А в 1988 г. выходит его первый роман («Бессмертие»), написанный по-французски. Всего им написано 12 романов. Среди них «Неспешность» (1995), «Подлинность» (1997), «Безразличие» (2000), «Неведение» (2003).

Кундера утверждает, что роман – это единственный дом писателя, а у литератора нет родины. Он не разрешает переводить свои, написанные по-французски, романы на чешский язык, говоря, что сделает это когда-нибудь сам. Он не разрешает публиковать в Чехии и романы, написанные по-чешски, объясняя, что должен внести в них кое-какие исправления. Ибо он известен, как страшный педант. Каждое слово им четко выверено, каждое отточено и занимает строго положенное ему место. Он «констрирует» свои книги с математической точностью.

Самый знаменитый из всех его романов – «Невыносимая легкость бытия» – написан в 1984 г. Это роман о судьбах 4-х людей, странно связанных между собой. В книге соединяется реальность и философия, порой аллегорическое повествование о трудностях принятия решения, случайностях, предательстве, призвании, а, главное, о любви.

Речь в романе идет о событиях конца 70-х гг. XX в. Красной нитью проходят события 1968 г.

Но это не исторический роман. Ход истории представлен в нем на фоне истории любви, сложной и мучительной, неоднозначной и пронзительной. Все это образует единое целое. Это роман о человеке и его сложном мире чувств.

Одна из главных героинь – Сабина – художница и «вечная предательница прошлого».

На протяжении всего романа герой неоднократно вспоминает ее картину: стройка завода, сквозь которую проглядывает нарисованная лампа, освещающая холст. Это неслучайно. Автор таким образом указывает на двойственность всего сущего – на невыносимую легкость бытия.

«Невыносимая легкость бытия» – это история любви врача Томаша и его жены Терезы. Секс для Томаша является неким символом и одновременно оазисом свободы в коммунистической Чехословакии. Поэтому, хоть он и любит Терезу, изменяет ей 3 раза в неделю 20 лет, что в сумме составляет около 3000 супружеских измен с несколькими сотнями женщин, настоящим другом среди которых является только художница Сабина.

Тереза знает, что Томаш изменяет ей с Сабиной, а Сабина знает, что Томаш никогда не бросит Терезу. Не знает этого лишь Тереза, и потому возвращается из-за границы на занятую оккупантами родину, ибо считает, что ее место среди ее земляков – таких же слабых и проигравших, как она сама. Томаш, однако, едет за ней и подвергается всем репрессиям, какие выпали на долю самого Кундеры и тысяч чехов в 70-е гг.: потеря работы, слежка, травля.

И, несмотря на это, оказавшись на самом дне, он находит вожделенный покой только рядом с Терезой.

После падения коммунизма в Чехословакии Кундера сообщил, что не намерен возвращаться на Родину. Он говорит, что, будучи эмигрантом, не имеет никаких обязательств перед своим народом. Об этом говорится и в его последнем романе «Неведение», в котором он пишет о трудностях возвращения двух героев в страну после многих лет эмиграции. Он утверждает, что роман не «приписан» ни к какой родине и языку.

Последние его романы часто обвиняют в банальности.

Сам Кундера не интересуется тем, что о нем пишут. Он – писатель «без земли», которого одни считают интеллектуалом, а другие – писателем из Восточной Европы. П.Куэльо сказал, что мечтает о том, чтобы Кундера написал книгу о столкновении Запада и Востока, чтобы он показал это через судьбу писателя, который давно находится в эмиграции.

Многие задаются вопросом, хочет ли М.Кундера, чтобы его запомнили, как чешского писателя, или французского.

Исследователь его творчества М.Беньчик уверен, что Кундера хочет, чтобы его просто запомнили как писателя.

Сейчас он называет себя французским писателем, родившимся в Чехословакии.

ЛЕЙЛА МАМЕДОВА

Р А С С К А З Ы

Человек без головы

Пролог

У нового парня Риты Ритиной был всего один недостаток: у него не было головы. То есть на самом деле: её не было. Туловище оканчивалось плечами, а выше – совсем ничего. При этом он каким-то образом умудрялся разговаривать. Видел Риту, слышал, ел. Казалось бы, так не бывает. Но было именно так.

Была ли у него когда-нибудь голова? Как он вообще живёт с таким недостатком? Не боятся ли его прохожие? Рита ничего об этом не знала. Когда в «Фейсбуке» пришёл запрос на дружбу от человека со странным именем и с фотографией чёрного капюшона без лица, она не удивилась: у неё самой на фотографии профиля стояла белая лилия. Завязалась переписка и совпала с началом самоизоляции. Лермонт Синкабеза – именно так он о себе заявлял – умел слушать. Вернее, читать.

Рита жила с мамой в однокомнатной квартире. Поскольку отношения с родительницей не очень ладились, общение с Лермонтом стало для девушки единственной отдушиной, ведь и на работу во время карантина Рита не ходила: она работала в салоне красоты.

К концу второго месяца вынужденной самоизоляции мама заявила, что Рите пора съезжать.

– Ты чё?! Тебе скоро тридцать, и чё, до конца жизни будешь тут у меня пастись? – повторила она уже после того, как власти разрешили недолгие прогулки возле дома.

Однажды вечером Рита вернулась домой с мокрым грязным котёнком. Мама Риты стояла на пристроенной к гостиной кухне, по стилю американской, и жарила картошку. Издалека она выглядела моложаво, но покрытое сетью морщинок лицо с одрябшей кожей на щеках и подбородке выдавало преклонный возраст.

– Его облили пивом, и он замерзал… – неуверенно промямлила Рита и прошла на крошечную территорию кухни, хотя и знала, что мама не допускает нахождения в ней посторонних, когда хозяйничает сама.

Маленькая кухонька с приглушённым светом была маминым царством. Рита не имела права находиться на кухне в мамином присутствии, переставлять утварь на своё усмотрение и даже брать без разрешения блюдца. Они предназначались для гостей, которые к ним никогда не приходили. Рита наклонилась к нижнему шкафчику в поисках полотенца для котёнка. Мама Риты резко повернулась, ударилась бедром о Ритино лицо и чертыхнулась; дочь ретировалась без полотенца.

– И так развернуться негде! – из кухни послышался резкий скрежет алюминия по сковороде.

Рита протёрла мокрого котёнка подолом кофты и понесла его, пищащего, в ванную. Котёнок был белый. С раннего детства Рита мечтала о белой собаке. Когда девочке было девять лет, мама взяла в дом собаку, выброшенную соседями. Это было сделано ради дочери, утверждала она, хотя соседская собака была чёрной. Рита не захотела давать собаке имя, и питомец остался безымянным. Хотя Рита выгуливала собаку и всячески за ней ухаживала, полюбить она её так и не смогла. Она хотела белую.

Первое свидание Риты Ритиной

– Ты готова? – спросила Жанна Жоржевна, соседка с нижнего этажа, когда Рита спускалась по лестнице на свидание.

Рита остановилась и пожала плечами. На ней были старые потёртые джинсы, на сутулых плечах повисла серая кофта, сквозь тонкую ткань которой на спине просвечивали острые лопатки. Чёрный ремешок сумочки, повешенный наискосок, подчёркивал отсутствие груди. Пробор на правой стороне головы ловко маскировал рыжей прядью левую щёку, на которой у Риты пестрел шрам в форме кляксы; это было напоминание о неудачном падении четырёхлетней девочки с качелей на железную проволоку. Рита помнила кровь, слёзы и слова врача, к которому она попала уже к вечеру; сначала мама дала ей отоспаться после истерики. От врача пахло уксусом, и он ругал маму за то, что она привезла Риту поздно. Если бы привезла сразу, шрама могло бы и не остаться, утверждал врач.

Да и без шрама Рита не отличалась красотой. Молчаливые черты лица, блёклые веснушки, рыжие волосы,почти невидимые брови. Возможно, помог бы макияж. Но Рита не красилась.

– Не готова, – упавшим голосом объявила Жанна Жоржевна и заправила груди поглубже в декольте халата.

У Жанны Жоржевны отсутствовали два передних зуба. Она носила красные халаты, держала волосы в бигуди, увлекалась астрологией, и от неё всегда воняло жареным луком. Она была единственным человеком, кому Рита рассказала о новом виртуальном знакомстве. Жанна Жоржевна попросила данные о дате рождения молодого человека, чтобы определить его астрологическую совместимость с Ритой, но предупредила, что подобные расчёты занимают много времени.

– Ты бы хоть помаду нанесла, – додумалась соседка.

– Как? На улице надо быть в маске, – ответила Рита и продолжила спуск.

Первую встречу Лермонт назначил в полупустом кафе и сказал, что будет в чёрном капюшоне. За всё время виртуального общения он ни разу не предложил звонок по видеосвязи, и это только радовало Риту, ведь за её спиной всегда мельтешила мама, и клавиатура являлась единственной Ритиной возможностью уединения. Они не отсылали друг другу фотографий, и на стенах их соцсетей не было ничего о личной жизни. Так думала Рита. Но впоследствии выяснилось, что чёрные капюшоны с пустотой в овале лица и были настоящими изображениями Лермонта.

Но кто бы мог подумать?..

Рита Ритина вошла в кафе ровно на полчаса позже назначенного срока, хотя и пришла вовремя. Заняты были всего три столика, и за одним из них она безошибочно узнала своего виртуального кавалера. Он сидел боком, и поначалу в глаза ей бросились только странные ботинки, подошва которых состояла из нарисованных зубов, жёлтых и золотых. Сам Лермонт сидел, склонившись над телефоном, и голову его покрывал чёрный капюшон, так что можно было подумать, что голова под ним есть.

Рита подошла не сразу. Она зачем-то открыла сумку, торопливо опустила в неё руку и снова высунула пустой. На душе было тревожно, как перед экзаменом, когда сводит живот и подкашиваются ноги. Ещё раз осмотрелась, словно надеясь отыскать кого-нибудь ещё, кто мог бы подходить под описание Лермонта. Незаметно для себя прикусила губу. Подумала, что можно сделать вид, что это не она, и слинять. Лермонт наклонился к своим странным ботинкам и протёр один из них обслюнявленным пальцем. Рита поморщилась и тут же услышала за спиной подчёркнуто любезный голос официантки:

– Добро пожаловать!

Рита обернулась. Упитанная официантка с двумя торчащими в стороны косичками упёрлась руками в бока и ехидно улыбнулась. Почему-то это испугало.

Девушка обеими ладонями сжала ремешок сумочки и стремительными шагами прошла к столику Лермонта.

– Лермонт? – голос Риты дрожал.

Капюшон Лермонта повернулся к ней. В нём было пусто. Кулаки Риты ещё сильнее впились в ремешок сумочки, а правая нога шагнула назад.

– Ну привет, Ритулечка-красотулечка, ты… – недоговорил Лермонт и поспешно встал. Он и в виртуальной переписке любил рифмы.

Тут же он отодвинул соседний стул и жестом пригласил Риту сесть. Какое-то время она не могла заставить своё тело повиноваться сигналам мозга и беспомощно смотрела в пустоту Лермонтова капюшона.

– Ритулечка, прям как неродная! – пошутил Лермонт и, кажется, даже хихикнул, но из-за отсутствия лица это было непросто определить. Рита продолжала стоять, как застывшее изображение в видеозвонке. Тогда Лермонт продолжил: – Я же говорил тебе, некоторым развиртуализация даётся тяжелее, нежели…Ну садись, Ритулечка.

Он ещё раз указал ладонью на выдвинутый стул. Рита попыталась пошевелиться. Подоспела официантка с подносом и неспешно расставила на столе две чашки и три больших пирожных. Запахло горьким кофе. Ладони Риты сильно вспотели от кожаного ремешка сумочки.

– Ни одного клубничного не осталось, вот вишнёвые, – сказала официантка, глядя в пустоту капюшона, а затем, развернувшись, ушла. Сделала она всё это так обыденно, что кулаки Риты тут же ослабили хватку, а ноги послушно прошли к стулу.

Она села. Осмотрела свои ладони. На них остались чёрные ворсинки от сумочки. А она-то поверила, что сумка кожаная!

– Я заказал тебе тортик, – сказал Лермонт, вернувшись на своё место. – Нам обоим. Тебе два кусочка.

– Зачем? – спросила Рита, хотя у неё не сразу получилось. Пришлось прокашляться и повторить вопрос.

– Ну посмотри, какая ты тощая! – Лермонт задумался, подбирая рифму, и сложил руки замком, а придумав, расцепил их. – Тощая-солощая, тощая на ощупи…Тебе нужно кушать хорошо, да и вообще… – заботливо ответил Лермонт.

– Да не такая уж тощая…

Рита стряхнула чёрные остатки дермантина на пол.

– Ты в зеркало смотрелась? Я почему-то так и представлял себе тебя… Такая вот худенькая… Но не настолько же! И потом… – он рассмеялся, и на этот раз его шутливый тон был точен.

– Что «потом»?

– Не было клубничных, ну и я решил, что вишнёвые очень похожи. Вишнёвые-дешёвые, ха-ха. Плетнёвые, рублёвые, холщовые.

– Я не люблю вишню.

– Есть только вишнёвые, – он снова хихикнул.

В подобной ситуации Рита оказалась впервые. Она не понимала, как следует правильно реагировать на происходящее. Удобно ли будет задать так и напрашивающийся вопрос? Да и как его задать, чтобы не обидеть собеседника и не показаться бестактной?

Лермонт продолжал нелепо шутить и жестикулировать, а Рита принялась поедать пирожное. Ела она быстро, едва пережёвывая. На собеседника смотрела исподлобья и неуверенно. Может, не стоит так откровенно таращиться на пустоту, зияющую над его шеей? Возможно, он обидится. Поначалу разнообразные вопросы с бешеной скоростью носились в мыслях Риты, но к концу свидания она всё же немного расслабилась, и Лермонту удалось её разговорить. Беседовали они исключительно о вещах несерьёзных и поверхностных.

Молодой человек проводил Риту домой, хотя она и пыталась избежать этого, ссылаясь на спешку и мамин нрав. К удивлению Риты, прохожие на Лермонта не оборачивались. Никто не бросал косых взглядов, не отпускал комментариев, не ойкал. А когда девушка вернулась домой и общение с Лермонтом снова перешло в онлайн, на какое-то время она даже забыла о недостатке парня.

Так они и начали встречаться. Всё-таки Лермонт был обходителен, внимателен, аккуратен. Рита никогда ещё не чувствовала такой заботы по отношению к себе. Однажды она небрежно отрезала этикетку от новой кофты, образовав дырку. Лермонт, даже не спросив разрешения, забрал кофту себе, а на следующий день принёс её зашитой. Рита не стеснялась с ним душевных откровений и поверяла ему самые глубокие травмы, берущие свои истоки, по её подозрениям, где-то в бессознательном возрасте. Лермонт стал первым человеком, которому Рита решила открыться и рассказать о своих обидах на бросившего её в детстве папу, о недомолвках с мамой, о первой безответной любви. Почему-то именно с ним она не боялась быть уязвимой. Лермонт, в свою очередь, поддерживал Риту в её откровениях, подбадривал и уверял, что у них очень схожие судьбы. Но в детали не вдавался. Упоминал о фрагментах своего прошлого косвенно и отрывочно, а про самое сокровенное молчал. Видимо, эта тема была слишком уязвимой для него, и Рита не торопила. Расскажет сам, когда будет готов, решила она.

Да, Лермонт оказался милым. Работал программистом, бегал по утрам и снимал двухкомнатную квартиру. Правда, ему недоставало чувства такта, ибо он вставлял свои нелепые рифмы даже в задушевных беседах. Но это Рита могла ещё как-то понять и простить. А вот отсутствие головы… Рите сложно было думать о нём, как о настоящем возлюбленном, потому что она не умела толком представлять себе Лермонта в его отсутствие. Она рисовала в своём воображении каждый уголок его тела. Особенно руки,плечи, локти, запястья, ладони, длинные пальцы. У него было очень красивое тело. Но этого было мало. И Риту глодали сомнения.

Визит к ветеринару

– А давай поговорим о чём-нибудь более личном, – предложила Рита, когда они шли к ветеринару туманным утром понедельника.

У котёнка гноились глаза. Он испуганно сидел в переноске и не издавал ни звука. Ветеринар боялся вируса и на время карантина прекратил работу, но Риту с котёнком пригласил к себе домой. Потому что ветврач был новым ухажёром Ритиной мамы.

– Давай, какая у тебя фамилия? – спросил Лермонт и, поёжившись от холода, спрятал руки в удлинённые рукава капюшонки.

– Ритина.

– Ты что? Серьёзно? Прикольно, да и вообще…

– А мне не нравится. Знаешь, как меня одноклассники из-за этого гнобили…

– А по-моему, красиво, — как всегда, галантно ответил Лермонт.

– Да ладно. А у тебя какая?

– Ну это было бы слишком…

– И правда, – улыбнулась Рита. Из переноски послышался скрежет когтей. – А давай о более личном… Я думаю, пора.

– Ну конечно, Ритулик, хорошая моя. Я знаю, тебя очень интересует, почему меня назвали таким странным именем, да? – голос Лермонта сделался ласковее обычного, и он заговорил быстрее. Выхватил из рук Риты переноску и понёс котёнка сам. – И знаешь, что я больше всего в тебе ценю? Ну… именно вот… ты никогда прямо этого вопроса не задала…Ты очень чуткая. И только тебе я готов открыться, хотя это так банально. Меня зовут Лермонтом, потому что нет имени для фанатов Пушкина,

коим была моя мама. Поначалу она думала назвать меня Александром, но этого было недостаточно, она хотела, чтобы всем сразу становилось ясно: она – большой поклонник русской поэзии.

– Ты шутишь? – удивилась Рита.

Из переноски завоняло кошачьей мочой. Небо затягивало свинцовыми тучами. Порыв ветра плюнул горсткой песка Рите в глаза.

– Если бы…

– О'кей. Но тогда почему ты так обходишь эту тему? Что в этом плохого? – Рита усиленно моргала, пытаясь очистить глаза от песчинок.

– Ну…мама не то чтобы не любила Лермонтова как поэта… Просто он у неё даже не на втором месте.

– И какая разница?

Они уже стояли у дверей небольшого домика ветеринара. Тот сразу открыл калитку, словно поджидал их, подглядывая в щель, и протянул Рите дезинфицирующий гель. Половину лица закрывала медицинская маска.

– Здравствуйте, Рита, – поздоровался ветеринар. – Ваша мама как раз звонила.

На Лермонта он даже не посмотрел, и Рите этот момент показался неприятным. Лермонт опустил переноску с котом и тщательно протёр руки гелем. Рита с удивлением для себя отметила, что у ветеринара уж очень знакомые глаза. Веснушки на переносице, рыжие кудри. Где-то она его уже раньше видела. Точно, это же копия Олега Олеговича, физрука в младших классах, который нравился маме! Рита вдруг вспомнила, как физрук поставил Рите высший балл на экзамене, не требуя от неё выполнения нормативов, за что девушка его горячо благодарила, но тот только повторял с угрюмым видом: «Нет, нет, этого недостаточно». Рита поразилась сходству, но вслух ничего не сказала. Ветеринар приподнял переноску и взглянул на котёнка, после чего, не говоря ни слова, пошёл по узкой тропинке в дом.

– Потом родился мой брат, – продолжал Лермонт почти шёпотом. – Ну и мама, наплевав на все условности, назвала его Пушкиным. Его так и зовут – Пушкин. Пушкин-игрушкин, Пушкин-опушкин. И мама всем рассказывает, как сглупила со мной, дав мне такое нелепое имя, а со вторым наконец сообразила, что можно было и так. Так что я – бракованный вариант, и вообще… какой странный дом!

Во внутреннем дворике толпились коричневые свиньи со свисающими вперёд ушами. Их было много, и некоторые из них дрались пятачками. Миновав дворик, Рита и Лермонт вошли в дом, сразу начинавшийся с гостиной. Мебели было мало: круглый стол со стульями, шкаф с хрустальной посудой и похожая на больничную кушетка, на которой важно восседал белый немецкий шпиц с высунутым языком. Рита присела рядом с собакой. С удовольствием провела рукой по густой шерсти и кольцеобразному хвосту повышенной пушистости, но ветеринар согнал собаку с кушетки и опустил на неё переноску с больным котом. Собака заскулила и нехотя покинула комнату. Ветеринар не снимал маску даже в помещении. Сквозь запотевшие очки он осмотрел гноящиеся глазки котёнка.

– Что-то не так, – заявил он.

– Ясно, что не так, – пробубнила Рита. – Третий день ничего не помогает, глазки слипаются всё больше и больше.

– Не видно, что ясно, – ветеринар строго посмотрел на Риту.

Аккуратно опустив котёнка на пол, он вышел из комнаты. Котёнок замяукал, и Рита взяла его к себе на колени, а глазами искала белую собаку в проёме двери. Когда Лермонт решил присесть рядом с Ритой, котёнок спрыгнул с коленей девушки и стал ластиться к юноше, но тот отодвинулся.

– Кыш-кыш! Иди к мамочке, а то потом не очистишься от твоих белых волос, – стараясь придать голосу мягкости, сказал Лермонт, но Рита посмотрела на него строго, и тогда он добавил: – Всеядный барбос-хриплоголос.

– Сам ты барбос! Да ладно, так паришься по поводу имени, – сказала Рита, продолжая начатый ранее разговор. – Если вдаваться в такие подробности, то и меня моя мама не хотела рожать. Она собиралась сделать аборт, когда узнала о беременности, но моя бабушка её отговорила. И, когда она злится, она постоянно сетует на то, что послушалась тогда бабушкиного совета. Вот так. Но я же не обижаюсь на неё из-за этого.

– Это ты так думаешь. Но невозможно жить полноценной жизнью с таким прологом, – ответил Лермонт. Помолчав пару секунд, он добавил: – Носорогом, некрологом.

В комнату вернулся ветеринар. В руках у него блестела баночка с самодельной этикеткой. Подписано лекарство было от руки.

– Мазать трижды в день ровно один месяц. А потом снова осмотр, там и решим, – сказал доктор.

– Трижды в день месяц…А этого разве недостаточно? – удивилась Рита.

– Нет, – вздохнул ветеринар. – Этого недостаточно, увы. Если хотите, я сам приду через месяц на осмотр, ваша мама не будет возражать.

Он погладил котёнка, подмигнул Рите и пригласил её к выходу. За всё время визита мужчина ни разу не посмотрел в сторону Лермонта, и это немного напрягло Риту.

На обратном пути Лермонт рассказывал о своём кучерявом брате Пушкине: это означало, что голова у брата была, но, как всегда, Рита не решилась задать самый сокровенный вопрос. За всё время общения с Лермонтом она предприняла немало попыток приступить к обсуждению самой важной темы, начинала издалека, деликатными замечаниями и расспросами про детство, но Лермонт всё время отходил от темы, отшучивался или сводил все разговоры к жизни Риты. Рита была слишком чуткой и не могла ранить Лермонта своим несвоевременным любопытством. Рано или поздно сам всё расскажет, думала она.

Человек без головы в гостях

Ситуация с мамой ухудшалась с каждым днём. Однажды вечером Рита рылась на самой верхней полке шкафа в поисках книги по астрологии, некогда одолженной ей соседкой. Она стояла на табуретке и с трудом дотягивалась до книг. Искомая никак не находилась, и под руку попадались старые, пожелтевшие и ненужные. В одной из таких книг Рита обнаружила перевязанную резинкой пачку фотографий.

Девушка спустилась с табурета и сняла с фотографий резинку. Она видела эти снимки когда-то очень давно, в раннем детстве, но совершенно забыла об этом. Позднее, когда Рита повзрослела, её мама больше не показывала ей эти фотографии. Снимков было штук десять, не больше. На каждой из них рядом с молодой и улыбающейся мамой стоял красивый парень в очках, очень похожий на физрука Олега Олеговича.

Вечером Рита показала фотографии маме и спросила о схожести молодого человека на фотографиях с Олегом Олеговичем. Её глодало любопытство, кроме того, этот вопрос мог расшевелить маму и заставить её немного поностальгировать, а Рита с особенной нежностью относилась к таким редким моментам. Впрочем, их было всего несколько за всю Ритину жизнь, и в каждый такой момент Рита хотела только одного: узнать что-нибудь о своём некогда бросившем её отце. Но, к удивлению Риты, мама разозлилась. Выхватила из рук Риты фотографии и проворчала что-то об усталости и ночной смене. Видно было, что она не хочет затрагивать эту тему.

Рита прекратила расспросы, но с тех пор мама стала ещё более раздражительной и обидчивой. Постоянно пинала котёнка, когда тот подходил к обеденному столу, – в те моменты, когда стол в таковой превращался. Иногда стол служил для

письма или работы на ноутбуке, и в таком случае мама ласково подзывала котёнка к себе и гладила ногой. Рита всё никак не могла объяснить ей, что кот не понимает, когда к столу подходить можно, а когда нельзя.

– И чё? Долго я это чучело буду тут терпеть? – спросила мама в очередной раз, громко отхлебнув чай из пузатой кружки.

– Я скоро перееду, не волнуйся, – полуутвердительно, полуязвительно заявила Рита.

– Чё, нашла комнату? – мама запихнула в рот большой кусок сахара.

– Не совсем…У меня кое-кто есть, – начала девушка, и голос её стал тише.

– Это который тебе написывает там, чё ли? Ну и как он?

– Как тебе сказать… Нормальный, но… есть одно «но».

– А у кого их нет? – удивилась мама. – Женат?

– Нет.

– Дети от бывшей?

– Нет.

– Ну и чё тогда? Не перебирай, за перебор – чёрта во двор.

– Но ты даже не спрашиваешь, что с ним не так!

– И чё с ним не так?

Мама пила чай из своей пузатой кружки и пинала Ритиного котёнка. Рите пора было съезжать. Лермонт предложил переехать к нему, но девушка почему-то всё отшучивалась и ничего конкретного на его предложение не отвечала.

Ровно через месяц после похода к ветеринару Лермонт пришёл за Ритой, когда её мамы не было дома, и девушка наконец решилась пригласить его в дом. Прежде Рита не рассказывала ему о деталях своего жилья. Стыдилась. А так как с мамой своего парня Рита тоже знакомить не собиралась,то и риска того, что он когда-нибудь придёт в гости, не было. Всё произошло сразу и таким естественным образом, что Рите было лень отнекиваться.

Лермонт тактично ничего не комментировал. Прошёл в центр комнаты, и туловище его задвигалось в разные стороны. Затем откинутый назад капюшон повернулся так, что стало ясно: он разглядывает отсыревшие у потолка обои. Рита бросилась к незастланной кровати и второпях принялась собирать ворох постиранного белья. Котёнок обнюхал ботинки гостя. Гной в его глазах полностью рассосался. Лермонт аккуратно отодвинул кота ногой и отошёл.

– У вас уютно, – сказал Лермонт и прошёл к книжной полке. – Мутно, лоскутно, абсолютно.

Первым делом, пока Лермонт не смотрит, Рита пыталась утрамбовать подле угла подушки постиранные колготки и трусы. Молодой человек внимательно рассматривал набитые пыльным хламом и старыми книгами полки. На одной из них валялся детский светильник в форме единорога. Лермонт аккуратно взял его в руки и провёл указательным пальцем по толстому слою пыли.

– Это мне в детстве Дед Мороз принёс, – объяснила Рита, не оставляя своего занятия.

– В смысле мама? – уточнил Лермонт, всё ещё рассматривая светильник.

– Нет, в смысле Дед Мороз. В детстве-то я в него верила.

– Но пора бы и повзрослеть, Ритулечка-кисулечка, и называть вещи своими именами. Но тебе, я вижу, нравится жить иллюзиями.

С охапкой белья в руках Рита прошла к шкафу и принялась раскладывать вещи по полкам. На внутренней стороне дверцы громоздилось заляпанное зеркало во весь рост. Девушка посмотрела на себя и ужаснулась своей уродливости: казалось, что пятна и жирные разводы на зеркале составляют часть её образа. Она потянулась домашней майкой к стеклу и тщательно протёрла его. Но пятна не отходили. Рита выбрала из собранных волос несколько прядей и уложила их на лице.

Лермонт поставил единорога на место.

– Контузиями, дискуссиями… – продолжал сочинять рифмы парень, рассматривая содержимое полок, но тут в замочной скважине скрипнул ключ, и Лермонт замолчал.

Рита запихнула последние две майки на полку с носками и взвизгнула: она совсем забыла, что похоронила в груде носков подаренную мамой брошь с острыми шипами! Мама никогда не могла угадать с подарком, о чём и сама прекрасно знала, но всё равно не сдавалась и преподносила всё новые сюрпризы. Рита не хотела её расстраивать и прятала подаренные ею безделушки в самых неожиданных уголках крохотной однушки. Передарить вещи она не могла: мама иногда спрашивала о подарках и желала их видеть.

Девушка облизнула окровавленный палец и поморщилась от металлического привкуса. Лермонт почему-то не подбежал к ней сразу, как сделал бы в любой другой момент. Он шагнул назад, затем снова вперёд. Это выглядело странно и неуместно. Видимо, он не ожидал встречи с Ритиной мамой. Рите хотелось с ним переглянуться, но это, ясное дело, было невозможно.

Входная дверь распахнулась, и в комнату ворвался едкий запах табака вперемешку с ароматом приторных духов. Мама шагнула в прихожую и бросила на пол два пакета с продуктами. Из одного из них торчала бутылка вина, а из второго – куриные лапки. К последнему сразу же подбежал котёнок и заёрзал усами по верху его содержимого.

– Чё, почему не разулся? – с трудом преодолевая одышку, сказала мама и с недоверием посмотрела на экстравагантную обувь Лермонта.

– Мама, это… – начала Рита, но так и не смогла продолжить. Она ждала маминого удивления. Визга. Крика. Но мама ничего такого не делала. Вместо этого она устало плюхнулась на стоящий у прихожей стул и принялась стаскивать с себя туфли на маленьком каблучке.

– Извините, пожалуйста, не успел, – вежливо ответил Лермонт и, тут же пройдя к прихожей, разулся. – Лермонт Синкабеза, – важно проговорил он и поклонился туловищем.

– А ну брысь! – мама наконец заметила котёнка в пакете. Тот отскочил.

Рита не могла пошевелиться. Вжалась спиной в дверцу шкафа и боялась даже сглотнуть слюну.

– Странно… – пробормотала мама, стягивая вторую туфлю.

По телу Риты пробежали мурашки. Она сама не понимала, что с ней происходит. Ничего ведь такого, но почему она так нервничает?..Ну да, мама заметила, сейчас что-нибудь такое скажет. Но зачем так нервничать?..

– Туфли с зубами, чё за выкрутасы? – продолжила мама и кивнула Лермонту в сторону своих домашних тапочек. Те стояли у проёма между комнатой и кухней.

– Чё, надевай! – добро скомандовала она.

Рита облегчённо вздохнула.

Лермонт надел мамины тапки и начал милую беседу. Он говорил о воспитанности Риты, шутил рифмами и вообще делал всё возможное, чтобы предстать в хорошем свете. Мама прошла к кровати и скинула с плеч вязаную шаль, обнажив жирное пятно пота на спине.

Рите стало неловко перед Лермонтом. Он был довольно педантичен в подобных вопросах.

– Налью чай, – едва слышным голосом сообщила Рита. Она редко говорила в присутствии мамы и посторонних людей.

Но, кажется, её никто не услышал. Мама, снова обернувшись к Лермонту, продолжила с ним обмен любезностями, а девушка поплелась на приставную кухню и поставила чайник.

– Рита почти ничё о вас не рассказывала, – пожаловалась мама и присела на кровать. Она все ещё не могла преодолеть одышку. – Рита, разложи продукты!

– Зато о вас она рассказала много. Много хорошего, – слукавил Лермонт. – Как только я вошёл сюда, она сразу показала мне этого единорога, говорит, мамочка на Новый год постаралась. Мне, по её рассказам, показалось, что вы – великая женщина, я даже подумал: Ритина мама – пятнадцатый далай-лама!

Мама великодушно рассмеялась. Потом достала из-под кровати какой-то мятый журнал и принялась им обмахиваться. Она слушала оды в собственную честь и улыбалась так широко, что в уголках её глаз собрался веер морщинок.

Рита всё это время стояла на кухне с приглушённым светом, и поэтому со стороны могло показаться, что её там нет. Внимательно подслушивая разговор, она неслышно достала из посудомойки чистые чашки и разлила в них кипяток. Немного поколебавшись, решила всё-таки достать с верхней полки и блюдца. Пришлось подняться на цыпочки.

Девушка нащупала прохладные фарфоровые блюдца. Тут в дверь позвонили. Позвякивая посудой, Рита принялась раскладывать блюдца под чашки.

– Ты чё, глухая? – возмутилась мама. – Да-да, «Мцыри» – моё любимое произведение, – продолжала она беседу с Лермонтом.

Рита словно очнулась. Быстро прошла к двери и отворила её. На пороге стояла Жанна Жоржевна в заляпанном красном халате. Под мышкой она держала блестящий «Макбук». Не спрашивая разрешения, женщина влетела в квартиру вместе с едким запахом лука, разившим от неё во все стороны.

– Рита Ритина, я всё поняла! – победоносно объявила она. – Во всём виновата твоя Венера в падении! К тому же она управляет Седьмым домом, домом отношений. Чего же ты ещё хотела? Я так и знала, так и знала, моя малышка! Ещё и ретроградных планет полно! Почему ты раньше ко мне не обратилась?

Жанна Жоржевна говорила громко, как будто даже ругаясь. При каждом слове у неё смешно раздувались ноздри и в щель отсутствующих зубов слетала слюна. Она обращалась непосредственно к Рите, которая так и осталась стоять в дверях, и не замечала остальных. Рита пыталась вставить слово, но Жанна Жоржевна продолжала на повышенных тонах:

– Ничего удивительного, что тебе не везёт в личной жизни! С такой-то позицией и непроработанной Венерой!

– Чё это ей не везёт? – вмешалась в разговор мама Риты и отчаяннее замахала журналом.

Жанна Жоржевна обернулась и немного успокоилась.

– Ой, не заметила вас! Да где же везёт, она мне сама всё рассказывает! Но она не виновата, у неё повреждена Лагнеша! – заявила она, по-прежнему не замечая присутствия в комнате ещё одного человека.

Мама Риты округлила глаза и прижала губы, призывая Жанну Жоржевну придержать язык за зубами.

– Почему же не везёт? – повторила она. – У Риточки очень даже приятный молодой человек. Знакомьтесь, Лермонт.

Ритина мама махнула журналом в сторону Лермонта. Тот стоял у стенки, скрестив руки на груди.

– Прошу любить и жаловать! – сказал он. – Выпалывать, раскалывать…

– Подкалывать! – присоединилась мама Риты и сильнее замахала журналом на тот случай, если её находчивость не возымеет ожидаемого успеха.

Жанна Жоржевна выронила «Макбук». Мама Риты, бросив журнал на кровать, вскочила, ринулась к соседке и наклонилась за гаджетом.

– Ой-ой, чё, не разбился? – запричитала она, бережно осматривая дорогущий планшет.

Жанна Жоржевна не ответила. Она вперила в Лермонта ошалелый взгляд. При этом рот её по-идиотски открылся, оттуда показался язык. Рита прижала руки к груди. Лермонт почему-то прошёл к окну и приоткрыл занавеску.

– Душно, – объяснил он. Никто не ответил, и он добавил: – Душно и скучно!

В форточку подул ветер, и локоны Риты защекотали ей шею. Нужно было что-нибудь сказать, как-то помочь Лермонту выбраться из этой нелепой тишины. Но широко раскрытый рот Жанны Жоржевны словно запрещал это делать, да и присутствие мамы означало, что лучше дождаться её решения и понять вектор, которому необходимо следовать в сложившейся обстановке. Кот сообразил, что все заняты, и снова юркнул к пакету с продуктами.

– Налей ещё чашку чая, – сказала мама.

Поняв, что от соседки нет никакого толку, Ритина мама аккуратно положила «Макбук» на край стола, предварительно протерев его рукой и сбросив несколько хлебных крошек на пол.

Рита юркнула в кухню и неслышно открыла посудомойку. Извлекла чашку, аккуратно установила её на столешнице. Рукоятка чайника оказалась ещё горячей, но Рита словно не заметила этого и сильнее сжала её в ладони.

– Так что напрасно ты такое про Риту, – упрекнула мама соседку. – Всё у неё в порядке с личной жизнью, переезжает скоро к нему. Да чё вы стоите, как неродная? Садитесь, чаю с нами как раз попьёте.

Она говорила ещё какие-то ненужные вещи, жестикулируя и тяжело дыша. Но её никто не слушал. Лермонт стоял у окна, сложив руки на груди. Никогда прежде он не принимал такой позы. Рита разложила чай на столе. Три чашки с блюдцем и одну – без: четвёртое блюдце разбилось ещё в Ритином юношестве, а дома у них никогда прежде не собиралось столько людей за раз. Стол шатался, блюдца звенели.

– Жанна Жоржевна! Да сядьте вы наконец! – разозлилась мама Риты. – Лермонт, родной, присаживайся.Чё стоишь там, как чужой, а?

Мама выдвинула стул и села. Рита взяла в руки чашку без блюдца и прошла к кровати. Стульев за столом тоже было только три. Кот вытащил из пакета курицу и оттащил в самый тёмный угол кухни, где принялся её тихонечко жевать. Никто не обращал на него внимания. Мама начала преувеличенно шумно пить чай, причмокивая и разговаривая с куском сахара между зубами. Рита поднесла чашку к губам и сделала глоток. Кипяток обжёг нёбо, и девушка зажмурилась. Лермонт присел рядом с ней на кровати, ледяными пальцами коснулся Ритиного бедра. Рита машинально отодвинулась.

– Господи всемогущий… – наконец решилась Жанна Жоржевна.

Мама Риты замолчала. Чашка застыла прямо у её губ. Ветер сильнее подул в окно и запузырил шторы, а потом просочился в квартиру необъяснимой тревогой. Все знали, что сейчас что-то произойдёт, но не все одинаково были к этому готовы. Даже кот потерял интерес к мясу и неслышно умывался лапками. Тишина сгущалась, становилась плотнее и давила на лёгкие. Стало сложнее дышать. Рита сделала несколько длинных глотков чая, специально обжигая язык. Лермонт встал. Первой не выдержала мама и начала нести какую-то ахинею:

– Ну вот, надо же! Вы приходите к нам домой. Чё, казалось бы, пришли, и мы вас к чаю давай, а вы нам такое про нашу Риточку! Да и кто вообще вам давал право?.. Хотя мы давно живём на одной площадке, но всё равно, когда гости, то это же совсем другое дело. И я не раз уже объясняла вам, что есть какие-то рамки приличия, выходить за которые… ну нельзя, чё ли, я не знаю. Я же не говорю вам прямо, что ваша комнатка, которую вы сдаёте, похожа на хлев, вот и бегут от вас все жильцы один за другим.У вас же ещё и тараканы. Мне никогда не хотелось вам это прямо в лицо говорить, но теперь-то совсем другое дело!

Она извлекла из-под сахарницы кипу салфеток и теперь обмахивалась ими, хотя получалось слабо. Лермонт встал и заходил по комнате. Жанна Жоржевна всё

так же стояла с осоловелыми глазами и только успевала следить ими за шагающим по комнате парнем, вернее, за его телом. Руки Риты дрожали, она снова отпила и на этот раз поморщилась от кислого вкуса лимона. Заглянула в чашку: в ней плавал лимон. В доме Риты не было лимона. Никогда. Ни она, ни мама не любили лимоны и не использовали их ни для чего. В её чашке не могло оказаться лимона, это было невозможно. Мельтешащий перед глазами чёрный капюшон нервировал.

Мама отложила салфетки и потёрла скатерть подушечками пальцев. Нащупала дырку. Зачем-то потёрла и её, да так сильно, что стол снова зашатался и задрожали блюдца.

– Рита, да подложи уже чё-нибудь под ножку стола! – рявкнула она.

Рита поставила полупустую чашку на пол и порылась рукой под кроватью. Вытащила из-под неё потрёпанный журнал, с обложки которого улыбался Олег Олегович, физрук, однако на фотографии он явно был не физруком, а красивым харизматичным мужчиной, достойным обложки глянца. Но мама продолжала нервничать, нападать на Жанну Жоржевну, и её вибрирующее тело расшатывало стол, поэтому у Риты не оставалось времени на удивление. Девушка вскочила и подложила журнал под ножку стола. Мама всё это время продолжала бессвязную речь. С каждым последующим предложением голос её повышался на октаву и под конец уже срывался на визг. Наверное, дальше она бы просто закричала, но тут Жанна Жоржевна обрела дар речи и сказала:

– Боже мой!Я не могу поверить своим глазам…

Телефон Риты завибрировал. Она потянулась к карману. Нервно заглянула в экран, надеясь прочесть какое-нибудь спасительное сообщение, но снова наткнулась на оповещение об обновлении системы.

– Ты готова? – прочитала она на экране телефона.

Девушка потянулась пальцем к красному квадрату, но нажала на зелёный.

– У него нет головы! – сказала Жанна Жоржевна, облепила уши ладонями и плюхнулась на стул.

– Чёрт! – буркнул Лермонт и раздражённо скинул с ног тапочки.

Рита прикрыла рот ладонью. Мама укоризненно покачала головой. Она наконец замолчала, и теперь почему-то в её глазах блестели слёзы.

– Как же это так? – спросила Жанна Жоржевна. – Разве так бывает?

Никто не отвечал. Лермонт подошёл к столу, сел на свободный стул и, взяв наугад одну из чашек, принялся помешивать чай ложечкой. Не добавив в него сахара.

– Да почему вы все молчите?! – разозлилась Жанна Жоржевна. – Что происходит?

– А что происходит? – язвительно спросил Лермонт и пробурчал себе под нос: – Пол из-под ног уходит.

– Так же не бывает!

– А как бывает? – снова съехидничал он.

– Как угодно, но не так! – сорвалась на крик соседка, резко вскочила с места и, пробежав к окну, зачем-то его занавесила. После этого она торжественно обернулась к присутствующим и осмелевшим голосом повторила: – Такого не может быть!

Лермонт поднёс чай к пустоте над шеей. Послышался глоток, но жидкости в чашке не убавилось. Мама прикрыла свою чашку блюдцем, чтобы чай не остыл, и отодвинула её от себя. Локтем ударилась о столешницу. Стол задрожал, и коричневая жидкость пролилась на скатерть. Лермонт протёр испачканное место двумя пальцами. Мама долго и с испугом смотрела на пальцы Лермонта, но в голове её бегали страшные и неудобные мысли. В образовавшейся тишине послышалось кошачье урчанье. Мама повернула голову и заметила на полу кухни полуобглоданную тушку курицы.

– Ах ты мразь! Скотина! – взбесилась она и ринулась в кухню.

Кот сразу сообразил, что к чему, и, предварительно громко пропищав, стрелой проскочил под кровать, миновав комнату. Мама схватила курицу и с отчаянием рассмотрела её со всех сторон.

Рита запихнула телефон в карман джинсов и поспешила к маме.

– Это я виновата, мама, не убрала сразу в холодильник… – промямлила она.

– Ты чё, думаешь, деньги на дороге валяются? Эта гадюка всю курицу попортила! Теперь сама это есть будешь! – ещё больше бесновалась мама.

– Я обрежу обгрызенные места…Её можно сварить, – убеждала Рита.

– Я чё, не говорила тебе разве, что кошки мне ещё только не хватало! – не унималась мама.

Лермонт вскочил из-за стола и подошёл к Рите.

– Давайте, я сам пожарю, хотите? Чтоб вы не брезговали, хорошенько промою покусанные места, да и вообще…

– Вы думаете? У неё же токсоплазмоз, как у всех кошек… – неуверенно пролепетала мама, глядя в пустоту над шеей Лермонта и убеждая себя в том, что там не пустота.

– Ну… можете мне довериться, в мои руки ввериться, – в свойственной ему манере ответил Лермонт и взял в руки курицу.

Рита как будто даже обрадовалась и нежно коснулась Лермонтова локтя. Мама облегчённо вздохнула. Кот выглянул из-под кровати, мяукнул. Всё можно было ещё спасти.

– Нет, так не бывает, – уверенно повторила Жанна Жоржевна, и сильный порыв ветра всколыхнул шторы, опрокинув одну из чашек чая на паркет.

Брызги кипятка обожгли Рите лодыжки, но она не могла пошевелиться. Она посмотрела на Лермонта и отчётливо увидела, что у него нет головы. Она видела это и раньше, но раньше была какая-то надежда… На что? Она и сама не смогла бы ответить на этот вопрос. Но теперь иллюзия растворилась. Остался лишь голый факт, с которым ничего невозможно было поделать.

– Лермонт… – тихо сказала Рита Ритина. Она отняла руку и прижала её к себе. – Где твоя голова?

– От тебя я не ожидал, – он зло усмехнулся. Странно, что это можно было услышать в его голосе. Он вернул курицу маме. Та послушно приняла её как подношение и опустила над ней голову.

– Но ведь это правда, – сказала Рита.

– А ты уверена, что хочешь знать всю правду? – спросил Лермонт и повернулся к ней передом туловища.

Рита сделала шаг назад.

– Да…

– Я приглашу вас к брудершафту, – высокопарно произнёс Лермонт, издеваясь.

– Я звоню в полицию, – заявила Жанна Жоржевна. Она потянулась к карману халата, но телефона в нём не оказалось.

– И что вы им скажете? – полюбопытствовал Лермонт и подошёл к ней. Жанна Жоржевна вжалась в спинку стула и застыла. Лермонт снова подошёл к маме Риты.

– А как вас зовут? — спросил он.

– Анна Афанасьевна… – та попятилась, выставив курицу, как щит, перед собой.

– А фамилия?

– А... А... Аничкина...

– Ну вот видите, – Лермонт удовлетворённо потёр руки.

– Что видите? – вмешалась Рита. Она подбежала к маме и встала рядом с ней. Они обе стояли на территории кухни, прижавшись друг к дружке, и мама была благодарна за это Рите. – Мама оставила девичью фамилию, а мне решили дать папину, что в этом такого?

– Ну… вы не находите, что вас тут всех, включая меня, как-то странно зовут? – спросил Лермонт. – Рита Ритина… интересно, правда? Жанна Жоржевна – опять какое-то интересное совпадение букв. И Анна Аничкина.

– Но это наши настоящие имена! – возмутилась Жанна Жоржевна.

– И чё? Такие имена часто встречаются, – обиделась мама Риты. Присутствие дочери на кухне придавало ей смелости. – Мне очень даже нравятся такие сочетания, между прочим.

Если бы обе её руки не были заняты, она, наверное, даже приобняла бы Риту. Девушка коснулась пальцами маминого бедра.

– Встречаются-то встречаются, но не сразу же все в одной комнате! – чуть ли не кричал Лермонт. – Какова вероятность, что четверо долбанутых вдруг собрались вместе? А? Доходит потихоньку, тётя Ванга-самозванка? – он повернулся передом туловища к Жанне Жоржевне.

– Это такая инвалидность…Наверное, он родился без головы, – забормотала себе под нос Жанна Жоржевна.

– Всякое бывает…– занервничала Анна Аничкина.

– Нет, не бывает! – в голосе Лермонта зазвучала ярость, раздуваемая чудовищной несправедливостью обвинения. – Не бывает ничего такого! Вы долбанутые все, а ты, Рита, в первую очередь! Как может у человека не быть головы? Что за пиздец вообще такой? Ты чё, тупая?

Лермонт грубо потянул Риту за руку к себе. У девушки застучали зубы. Мысли закружились в голове с бешеной скоростью. Лермонт притянул её к себе вплотную, и Рита попятилась. Она отходила до тех пор, пока её спина не упёрлась в шкаф.

Мама занервничала. Не выпуская из руки куриную тушку, она забегала глазами по комнате, ища какого-то спасения, и никак не могла ничего придумать. Лермонт поднял руку, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы в этот момент мама не заметила торчащие из-под подушки капроновые колготки.

– Ты колготки зачем на кровати оставила? У нас гости! – нервно обратилась мама к Рите.

– Я… я…– Рита посмотрела на маму, и в её глазах появилась тень благодарности. – Я думала, всё собрала. Наверное, под подушку забились.

Лермонт опустил руку и отошёл.

– Какая неряха… Убери сейчас же! – закричала мама.

На Ритины глаза наворачивались слёзы. Жанна Жоржевна поспешно открыла «Макбук» и включила программу по расчёту натальной карты, словно это как-то могло её спасти. Деловито заводила рукой по экрану, но пальцы её дрожали, а стол шатался, как при землетрясении. Рита схватила колготки и, быстро вернувшись к шкафу, открыла дверцу.

– Это вас не спасёт, – нервно смеялся Лермонт. – Сами виноваты! По-лу-фаб-ри-ка-ты!

Рита зачем-то выпотрошила всю одежду с полок на пол и начала собирать вещи обратно. Мама Риты встала рядом с ней, продолжая обниматься с курицей. Она безостановочно причитала и упрекала Риту в неряшливости, лености и во всех прочих грехах, но чем больше она ворчала, тем больше Рита успокаивалась. Потому что, кроме мамы, в сложившейся ситуации рассчитывать было не на кого.

– Сейчас, сейчас!Я посмотрю на положение Сатурна и скажу вам, что делать, – деловито говорила Жанна Жоржевна, не отрывая взгляда от экрана.

– Сколько раз объяснять, трусов и лифчиков у тебя не так много! Их можно и на одной полке складировать, – голос мамы дрожал. – Чё ты такая неряшливая?!

С этими словами мама отошла к кухне, схватила первую попавшуюся тряпку, намочила её, затем, не выпуская курицу из второй руки, прошла к зеркалу, закреплённому на дверце шкафа, и тщательно его протёрла.

– Увы, – в голосе Лермонта послышалась нотка грусти. Он обулся в свою экстравагантную обувь и стряхнул с капюшонки ворсинки. – Поздно. Всё зашло слишком далеко, да и вообще… Рита…

Одежда вываливалась из трясущихся рук девушки. Из бездонного колодца её подсознания донеслись тревожные подозрения. Мама тщательно тёрла зеркало, хотя ей требовалось больше усилий для того, чтобы не выронить курицу из второй руки.

– Не надо…– взмолилась Рита почти шёпотом, обращая свой взор в сторону Лермонта.

– Увы… другого пути нет, придётся тебе всё понять, – ответил Лермонт.

– Прошу тебя… – почти плакала Рита.

– Поздно, поздно…Ты же сама сказала, у меня нет головы. Разве так бывает? Не бывает, конечно. А раз не бывает… Додумалась? Врубилась?

Рита заплакала. У её мамы разрывалось сердце. Анне Афанасьевне хотелось вступиться за дочь, но она не знала, как ей помочь, и продолжала тереть зеркало. Жанне Жоржевне показалось смешным, как старательно мама Риты пытается не уронить при этом курицу, и это состояние каким-то образом помогло ей взять себя в руки. Она оторвалась от экрана и ударила кулаком по столу. Отчего прикрытая блюдцем чашка завальсировала на расшатанном столе.

– Да как ты вообще смеешь обижать Риточку! У тебя даже нет головы! – вмешалась Жанна Жоржевна.

– А вы не вмешивайтесь! – голос Лермонта стал грубее, и жестокие слова нарастающим оползнем понеслись в сторону соседки. – Ваша роль тут минимальная. Вы больше ни для чего не нужны. Ваша жизнь пуста, бессмысленна, в ней ничего никогда не происходило и больше не произойдёт. Вы появились на свет лишь для этой ничтожной роли. Смиритесь! И молчите! Вы всего лишь соседка Риты Ритиной, чокнутая соседка для колорита, так сказать. Вы умрёте, и в истории от вас не останется и следа. Вы – никто.

– Хам! – вскрикнула Жанна Жоржевна, но тут же опустила лицо в ладони, и плечи её нервно задрожали. Послышался плач.

– Прекрати! – взмолилась Рита. Её руки ещё нервно перебирали вещи, но теперь она уже не складывала их на полку, а просто перекладывала с одного места на полу на другое.

– Ты же не дура, Рита! – не унимался безголовый злодей. – Что ты помнишь о своём детстве, кроме бросившего тебя отца и дурацкого шрама на щеке?

– Чёрную собаку… – из глаз Риты брызнули слёзы. Голос её дрожал.

Мама выронила тряпку, и ногти её обеих рук впились в мясо курицы.

– Да, да, чёрную собаку, которую ты ненавидела за то, что она не белая, о чём ты просила ко дню рождения. А злодейка-мама подарила чёрную, да.

– Что? – мама посмотрела Рите в глаза.

– Но это всё! Понимаешь, всё! И ещё мужчины все какие-то рыжие встречались. И всё! Такого не может быть у настоящего человека! Воспоминаний должно быть миллион, а не только вот эти несколько. Врубаешься?

Рита прижала к груди ворох белья и зажмурилась. Перед глазами замельтешил хаотичный поток образов, каких-то отрывочных воспоминаний и фрагментов. Но чего-то во всём этом потоке не доставало, почему-то сделалось тревожно.

– Заткнись! – зарыдала Рита, уткнувшись в одежду. – Уйди отсюда!

– Поздно, поздно… – Лермонт запыхался, по его голосу было видно, что и ему нелегко даётся происходящее. Тень от его туловища на стенке с ободранными обоями заколыхалась в такт его движениям.

– Но ведь собака была не виновата… – робко промямлила мама. – Разве она была виновата в том, что была чёрной?

Мамин голос срывался на плач.

– Нет, нет, мама, не виновата, нет! – рыдала Рита, не поднимая головы. Сердце разрывалось от чудовищного осознания и от жалости к маме.

– Правда? – с надеждой в голосе спросила мама.

– Правда, правда! Я прощаю собаку за то, что она не была белой, прощаю! – кричала Рита и, кажется, действительно прощала своего бывшего питомца.

– Всё могло бы кончиться хорошо… – продолжил Лермонт. – Ты бы простила свою безмозглую маму и, как следствие, бросила бы меня…Так ведь? А теперь? Что теперь?

– Это не отменяет того факта, что у тебя нет головы! – Жанна Жоржевна в бешенстве стучала кулаком по столу. – И я не никто! Я – астролог, понятно!

– Да, у тебя её нет! Нет! Нет! Вся проблема – в тебе! – в приступе истерики орала Рита, вцепившись обеими руками в волосы. Мысли в её голове кружились быстро и неразборчиво, как вспугнутые птицы.

– Я правда всё делал, как надо, – неожиданно спокойным голосом сказал Лермонт. Он словно перестал играть злодея, но и прежним Лермонтом уже не был. Это был какой-то нейтральный, неслыханный доселе голос. – Я старался. «Надо – значит надо», – вот мой девиз, и потом… Но… какая разница, что потом?.. Эта женщина всё испортила.

– Да чё ты вообще хочешь сказать? – мама начала терять терпение.

– Вы все знаете, о чём я! – не унимался Лермонт.

– Ты чё, хочешь сказать, что Рита недостойна тебя? – мама нахмурилась, приподняла над плечом курицу и со всего размаху швырнула её в Лермонта, целясь в живот. Курица испачкала Лермонту капюшонку, оставив на области груди жирное пятно, и грохнулась на паркет. Лермонт в ужасе принялся «застирывать» пятно, схватив испачканное место и потирая пальцами. Побежал к умывальнику. Рита вдруг перестала рыдать. Жанна Жоржевна на всякий случай встала из-за стола.

– Чокнутые! – сквозь зубы процедил Лермонт, сосредоточенно пытаясь избавиться от жира.

– Да ты себя видел? – мама протёрла руки о подол юбки и пошла в наступление. – Моя Ритуля – красавица! Ты ей в подмётки не годишься!

– Красавица…Сейчас она расплавится, – прошипел Лермонт. – С километровым шрамом на лице по вашей же, кстати, вине, мамаша!

Он подставил под проточную воду испачканную часть капюшонки и снова попытался смыть пятно. Мама посмотрела на Риту исподлобья. Рита опустила голову, делая вид, что сильно занята вещами. Снова копаясь в белье, она нащупала прохладный металл подаренной мамой брошки.

Жанна Жоржевна держалась за сердце. Котёнок, тихонько наблюдавший за происходящим из-под кровати, наконец вышел из своего укрытия и направился прямиком к оставленной лежать на полу курице.

– Ну что, Ритулик, – не унимался Лермонт. Разводы от воды становились шире, и это ещё больше нервировало его. – Не хочешь рассказать ей, что именно из-за неё из тебя не получилось красавицы?

– Она очень красивая! – закричала мама. Она подошла к Лермонту ближе, вырвала из зубов котёнка курицу и стала бить ею по безголовому телу как можно больнее. – Красивая, красивая! И шрам только красит её! Она необычная! Хотя я и виню себя всю жизнь за тот случай! Да, мне нужно было сразу отвезти её к врачу, сразу! Ты думаешь, я не прокручивала это в голове каждый божий день?! Думаешь, не нарыдалась уже за этот случай, ублюдок безголовый?!

Лермонт защищался руками, выставив их перед собой щитом. Мама лупила со всех сторон, и с каждым новым словом, сказанным криком, она била всё сильнее и сильнее. Наконец Лермонт устал от оборонительной тактики и схватил мамину руку, отчего та принялась визжать.

Всё это время Рита сжимала в руках холодную брошь и, позабыв про тряпки, с замиранием сердца разглядывала своё отражение в чистом зеркале. Она с удивлением заметила, как красиво смотрятся её рыжие пряди на бледном лице. Шрам показался не таким уж и отвратительным. Рита наклонила голову и залюбовалась собой с другого ракурса.

Но тут мама, сражавшаяся с Лермонтом, завизжала от боли; Рита, как ошпаренная, вскочила с пола и ринулась с брошью в руках к Лермонту. Она со всего размаху вколола брошь в его плечо. Лермонт выпустил руку мамы.

– Ритулик, ах так!.. – он задыхался. – Так вот, я скажу вам всю правду! Всё, как есть!

– Не-е-ет! – протяжно и как можно громче закричала Рита.

Мама с бешеной силой заколотила Лермонта курицей. Котёнок, радостно мяукая, присоединился к всеобщему «веселью» и куснул Лермонта за брючину. Рита принялась колоть его плечо брошью на манер кинжала, а Лермонт пытался оттолкнуть её и отнять брошь, но ему это не удавалось.

– Идиотки! Вас даже… – закричал Лермонт, но не успел договорить.

Со спины к Лермонту подошла Жанна Жоржевна и ударила по верху туловища – по тому месту, где должна была быть голова, – планшетом. Лермонт покачнулся. Воспользовавшись моментом, Рита воткнула острие броши ему в самое сердце. Он согнулся пополам, а потом упал на колени.

– Шмотки, колготки, фотки, решётки… – в полубреду повторяло тело, постепенно опускаясь на пол, затем Лермонт замолчал, и послышался сдавленный хрип. Какое-то время парень пытался вытащить застрявшую в груди брошь, но руки медленно выпустили металл, и Лермонт замертво упал на паркет.

Жанна Жоржевна громко вскрикнула. Выронила гаджет. Закрыла ладонями рот. Мама Риты взмокла от страха. Рита почувствовала слабость в коленках.

Олег Олегович спешит на помощь

В дверь позвонили. Рита с мамой переглянулись, и от этого им обеим стало не то чтобы легче, но уже не так страшно. Мама подмигнула Рите и на цыпочках засеменила к двери.

– Господи боже мой, как так… – зашептала Жанна Жоржевна себе под нос. Рита её не слушала, она испуганно смотрела маме вслед.

Мама Риты, стараясь не дышать, посмотрела в глазок и со вздохом облегчения отворила дверь.

– Прошёл ровно месяц, я пришёл осмотреть вашего питомца, – вежливо сказал ветеринар, не снимая с лица маски.

Ритина мама не могла пошевелиться: она только открыла рот, чтобы что-то сказать, но слова застряли где-то на уровне глотки.

– Опять что-то не так? – не дождавшись ответа и не разуваясь, ветеринар прошёл в квартиру.

– Всё не так! – вдогонку ему сказала мама Риты. Голос её дрожал.

– Не всё, но кое-что, и это легко поправимо, – с профессиональным вниманием осматривая тело, сказал ветеринар. Лицо его, как и прежде, закрывала санитарная маска. – Это нужно убрать и всё тут почистить.

– Я звоню в полицию… – еле слышно сообщила Жанна Жоржевна, но так и не сдвинулась с места.

– Зачем же сразу в полицию? Как что не так – сразу беспокоить полицию! Это неразумно, – ответил ей ветеринар.

– Но он умер, Олег Олегович, – вмешалась Рита. Она спрятала окровавленные руки за спину. – Ой, то есть…

– Можно и так, можно и сяк, но что-то не так, – хихикнул Олег Олегович внезапно рождённой рифме.

– Он убит, – поправила Жанна Жоржевна.

Мама Риты заплакала.

– Что значит «убит»? Что значит «умер»? – не понял ветеринар с глазами Олега Олеговича или же сам Олег Олегович, в сложившейся ситуации это было совершенно неважно. – Разве у него есть голова? Нет. А разве такое возможно, чтобы был человек без головы? Правильно, это совершенно невозможно. Ну, так и можно разве убить человека, существование которого само по себе невозможно? Всё конкретно не так!

– Это правда, – согласилась Жанна Жоржевна и подошла ближе.

Ветеринар наклонился над трупом, приподнял его руку, а потом резко отпустил. Рука звучно шлёпнулась об пол.

– Но за это могут посадить, – сдавленным от слёз голосом сказала мама из прихожей.

– За что? – не унимался ветеринар.

– Есть тело, – ответила Рита и показала на труп руками, уже не боясь показать доктору кровь на них.

– Предоставьте это мне, – самодовольно произнёс Олег Олегович. – Мои свиньи отлично с ним справятся. Вам только надо помочь мне рассовать всё по пакетам, а там я сам разберусь. Проблемой могли быть только зубы и волосы на голове, но раз головы всё равно нет, то и проблем нет.

– Да, головы нет, и проблем нет… – послушно повторила мама. Она всё ещё немного всхлипывала, но скорее по инерции.

Остаток вечера прошёл за расчленением трупа.

Ветеринар Олег Олегович в основном дирижировал, женщины с удивительной ловкостью орудовали ножами и топором. Рита утрамбовывала остатки возлюбленного по клеёнчатым мусорным пакетам. Происходящее было настолько нереальным, чудовищным и киношным, что все сомнения и подозрения последних минут отошли на второй план. Работать нужно было быстро и без эмоций, на рефлексию не оставалось ни времени, ни сил.

Когда дело дошло до самого туловища, Рита насилу вытащила из груди покойного брошь. Она протёрла острие шипа полотенцем и приколола мамин подарок к кофте. Мама в это время орудовала ножом, но боковым зрением заметила поступок Риты и улыбнулась.

Когда пакеты были готовы, Олег Олегович приказал Рите принести огромный чемодан из-под кровати. Рита объяснила, что чемодан ей нужен для переезда, но мама Риты остановила её на полуслове и ласково попросила отдать чемодан Олегу Олеговичу.

– Я не хочу, чтобы ты съезжала от меня, – ласково сказала она Рите.

Девушка вопросительно посмотрела на маму.

– Да и потом, — продолжила мама, – теперь некуда.

Она кивнула на набитые битком пакеты.

Рита пожала плечами и, вытряхнув из чемодана кое-какие вещи, протянула их Олегу Олеговичу. Тот каким-то образом умудрился запихнуть всё, что оставалось от Лермонта, в чемодан. На прощание он крепко обнял Ритину маму и сказал ей, что какое-то время им нельзя будет видеться и даже созваниваться, но он всё равно будет каждым встреченным ею мужчиной. Рите и Жанне Жоржевне он поклонился издалека и объяснил, что главное теперь – обо всём позабыть.

– Большое спасибо, Олег Олегович! Большое спасибо! – неожиданно для всех громко сказала Рита, прижав руки к груди. Её вдруг захлестнуло волной тепла и благодарности к этому человеку, который совершенно бескорыстно помог ей в столь щепетильном деле.

Олег Олегович обернулся на пороге и только теперь опустил маску на подбородок. Действительно, это был он. Мужчина с фотографии маминой юности.

– Да, пожалуй, этого достаточно, – сказал он.

Он закрыл за собой дверь и никогда больше не появлялся в жизни Риты.

Эпилог

Через некоторое время Рита всё же съехала и за символическую плату поселилась в комнатушке Жанны Жоржевны, но уже не потому, что маме мешал котёнок. Рита поняла: пора. Впрочем, котёнка она оставила маме. Та очень просила.

Жанна Жоржевна решила взимать плату за астрологические консультации, ибо бесплатным советам никто не следовал. Никто из соседей не мог поверить в то, что через какой-то месяц у неё не было отбоя от клиентов, выстраивающихся в очередь у подъезда.

Салон красоты, в котором прежде работала Рита, закрылся, не выдержав испытания кризисом, и Рита помогала Жанне Жоржевне с административными делами, постепенно вовлекаясь в науку о звёздах. Она разобралась с вопросами своей «падающей Венеры» и начала краситься. В профиль в соцсетях Рита загрузила свою фотографию. Рыжие волосы убраны за уши, на лице небольшой шрамик в виде звезды изюминкой, ярко-красная помада. Писем от незнакомцев мужского пола было слишком много. Рита не отвечала на каждое:она избирательно рассматривала лица, такие разные и красивые, и писала только самым, на её взгляд, интересным.

О Лермонте Рита старалась не вспоминать. Все его профили в соцсетях, а также номер телефона Рита удалила и заблокировала. Ни мама, ни Жанна Жоржевна ни разу не упомянули о случившемся в тот роковой день, и со временем Рите начало казаться, что ничего и не было, а только приснилось.

И только иногда, когда Рита пила чай и в нём неожиданно оказывался лимон, что-то внутри Риты холодело. Становилось тревожно, и хотелось немедленно поговорить с кем-нибудь об этом…Ведь это невозможно. Жанна Жоржевна ненавидит лимоны. В доме Жанны Жоржевны никогда не было лимонов, их никто не любил и не покупал. И Рита ни за что не опустила бы лимон в свой чай.

Но каждый раз благоразумие одерживало верх, ибо Рита тут же уговаривала себя, поглаживая пальцами брошь на груди, что это всего лишь лимон. Велика важность! Мало ли откуда он там взялся? Всего лишь лимон, лимон-уклон, лимон-шаблон. Лимон-полусон.

Её мёртвые бабочки

Какофония привычной возни на террасе разбудила ее до восхода солнца: родственники нового мужа совершали приготовления к намазу, грея воду в тазах и шаркая тапочками. Зульфия, не открывая глаз, перевернулась на другой бок и уткнулась подбородком в пододеяльник. Послышался легкий шелест. Защекотало висок. Нехотя открыла глаза: на наволочке пестрела бабочка. Голубая, с темно-синими кругами на ободках крыльев. Наверное, она пробралась сюда еще днем, в полусне удивилась девушка, ведь комната располагалась в глубине дома; дверь в нее вела через гостиную. Бабочка застыла на месте. Боясь спугнуть волшебную гостью, Зульфия аккуратно положила голову обратно на подушку. Вспомнилось вчерашнее недомогание, причину которого никому из домашних так и не удалось установить. В течение всего дня она чувствовала легкое головокружение, странную, тупую боль в области солнечного сплетения, а после ужина ее и вовсе скрутило. Ее отправили спать раньше положенного.

Бабочка вспорхнула и уселась девушке на нос. Зульфия поморщилась от щекотки, но не стала отгонять насекомое. Почему-то обрадовалась, что Фуада, ее мужа, нет рядом.

Когда невестка не забеременела на второй месяц после свадьбы, тетушка мужа, имевшая в семье куда большую власть, нежели родители мужа, заподозрила неладное и поволокла Зульфию к гинекологу. Та печальной глыбой с белым сугробчиком на голове склонилась над пациенткой и с прерывистыми вздохами сообщила тетушке, продолжая глядеть на молодую, что ситуация плачевна и нужно незамедлительно приступать к лечению от бесплодия. Так, вкупе с бесконечными уколами, отварами из целебных трав и постоянным закутыванием невестки в многослойные жилеты и халаты страсть Фуада к молодой жене поутихла, и он вдруг вспомнил, что давно пора подыскать работу в столице, чтобы содержать семью. Хотя он и гордился роскошными черными кудрями жены, ее миндалевидными глазами, пухлыми губами и молодостью, но благоразумно решил, что недолгое расставание пойдет на пользу обоим и молодоженам не повредит соскучиться друг по другу. Тем более она никуда не денется, пока он проветрится в Баку.

Зульфия такому повороту событий не удивилась и не особо расстроилась, только вот Сафура – свекровь – и тетушка активно взялись за молодую. Учили ее готовить кюфту, долму, катать тесто для хингала. Вручную стирать белье. Поначалу Зульфия сопротивлялась, приводила аргументом стиральную машину, принесенную ею в качестве приданого, но объяснения тетушки были логичными: не нужно много ума, чтобы купить стиральную машину, ее еще и установить нужно, а для этого необходимо найти мастера, заплатить ему денег, которых с безработным мужем не так много. Тем более главное в этом деле – объяснить необходимость подобных затрат свекру, а он справедливо считал, что белье и без того каким-то образом стирается, сушится и раскладывается по полкам.

Обо всех этих событиях своей жизни Зульфия думала фрагментами, обрывками мыслей и сожалений, созерцая яркую бабочку. Убогая обстановка комнаты придавала гостье особую значимость; хоть мебель и была новой, прибывшей с невесткой приданым всего несколько месяцев назад, но уже выглядела обшарпанной и замызганной. На глянцевых дверцах платяного шкафа уже сверкали пятна от жирных пальцев. До самого рассвета она промучилась ностальгическими воспоминаниями недавнего детства, в красках рисуя себе сцены своих шалостей с сестрой: как они загнали соседских гусей в чужой двор, а потом хихикали над разборками сварливых соседей; как украсили барашка новогодними игрушками, за что почему-то были наказаны, правда, уже не помнится, как; как тыкали бабушкиной тростью в коровьи лепешки. А однажды они даже соорудили свой, особенный туалет в задней части двора и пользовались им целых две недели, пока отец не обнаружил и не вычистил тайник. И все это было словно вчера, счастливое, веселое детство. Пока отец не объявил о предстоящем замужестве: у Фуада очень уважаемая семья, мнение его отца всегда высоко ценится соседями, десять лет – не такая уж значительная разница в возрасте. «Веские аргументы», – заключила сестра с недовольной миной, но воспрепятствовать решению главы семейства никто не мог. И еще недомогания... с тех пор, как она очутилась в новой семье. Не то чтобы ее мучили сильные боли, нет, но что-то с ней творилось, и хотя тетушка с Сафурой списывали это на лечение от бесплодия, сама Зульфия в подобное объяснение не верила и украдкой прислушивалась к дробным шорохам в животе.

Грохот кастрюль и крик тетушки на Сафуру разбудили Зульфию поздним утром. Она и сама не заметила, как провалилась в глубокий сон. Открыв глаза, снова увидела бабочку, о которой успела забыть за время сна. Приподнялась на локтях и приблизила к ней лицо.

Бабочка была мертва.

Поднесла к ней указательный палец. Толкнула.

Тщетно. Насекомое не шевелилось. Зульфию почему-то охватило отчаяние. Стало обидно. Ведь она сама придавила бабочку во сне. Такое волшебное создание, чудом проникнувшее к ней ночью, и так глупо придавить... Аккуратно положила трупик на ладонь и прямо в ночнушке и со взъерошенными волосами выскочила из комнаты.

– Посмотрите, посмотрите, что у меня! – крикнула она, не обращаясь ни к кому конкретно.

Когда выскочила на террасу, за столом уже восседали тетушка и свекор. Последний, звучно отхлебнув чай из стакана армуду, бросил на невестку укоризненный взгляд и отвернулся. Тетушка макала хлеб в яичницу с помидорами и ворчала на Сафуру за пересоленный завтрак. Завидев Зульфию в ночнушке, нахмурила брови, образовав между ними веер морщинок. Зульфия спохватилась, ведь нельзя расхаживать перед свекром в таком неподобающем виде, и, не сказав ни слова, убежала обратно к себе переодеться.

Желание поделиться ночным происшествием с домашними улетучилось. Она завернула тельце бабочки в салфетку и сунула в карман халата, а позже, после обеда, не говоря никому ни слова, отнесла его в мусорное ведро. В течение всего дня, занимаясь привычными домашними хлопотами, Зульфия не могла отделаться от странного настроения, плетущегося за ней волшебным шлейфом. Возможно, если я расскажу кому-нибудь о своих ощущениях, мне объяснят, что со мной творится, думала Зульфия, ведь мне всего семнадцать лет, и я многого не знаю. О том, чтобы делиться внутренними переживаниями со свекром или тетушкой, не могло быть и речи. Настолько отчужденными и холодными казались ей эти люди. Стала присматриваться к свекрови – Сафуре. Та казалась более благосклонной.Но именно в этот день Сафура была не в настроении и, завидев ничего не делающую невестку, приступила к речи, напоминающей отрывистый лай.

– Все эти твои недомогания – всего лишь причина для безделья, девочка, не морочь мне голову, я не ребенок и не так легко обвести меня вокруг пальца!

Из-за двери послышались ответные речи тетушки, которая подтвердила слова золовки и добавила, что Зульфия все выполняет неуклюже, медленно и из-под палки. И неизвестно, для кого она отращивает ногти.

Зульфия ничего не сказала в ответ, взяла мокрую тряпку и поплелась протирать стол. После обеда у нее снова заболел живот. Присела. Отдышалась. Стало немного легче. Но ближе к вечеру боль обострилась, а к ужину она опустилась у кровати на корточки и обняла себя за плечи, пытаясь сдавить живот и смягчить приступ.

– Вот, попей воды, – неожиданно ласково сказала Сафура.

На следующее утро проснулась позже. Хотя Сафура и настаивала на том, чтобы невестка, следуя общему уставу дома, тоже совершала намаз, Зульфия оттягивала это дело, ссылаясь на недомогание. Сафура обещала научить ее, и Зульфия улыбалась в ответ глупой семнадцатилетней улыбкой, не желая отказывать, но и не принимая предложения. Кстати, это был весьма действенный метод в жизни Зульфии: глупо улыбаться, когда нельзя возражать, но и соглашаться не хочется. Так вот, Зульфия проснулась снова к завтраку, даже не помня о вчерашней боли, и обнаружила на своей подушке уже четыре бабочки. Все они были мертвы. Она собрала бабочек в платок и заметила, что пыльца с их крыльев испачкала наволочку. Почему-то испугалась гнева тетушки; ведь она не упустит возможности пожурить невестку, которая спит на грязном постельном белье, и Зульфие даже показалось, что она действительно сама в этом виновата. Словно она сама запустила сюда этих бабочек и позволила им умереть на ее кровати. Спрятала трупики в карман халата и по дороге в туалет, находящийся во дворе, чуть поодаль от дома, стряхнула их на землю.

С этого все и началось. Каждое утро она стала находить у себя на постели, а через несколько дней – и по всему периметру комнаты – мертвых бабочек. Если удавалось проснуться пораньше, можно было еще застать их живых, любоваться, как свободно они порхают по комнате, проветривая спертый воздух и разукрашивая убогую обстановку своими радужными цветами. Бабочки были разные: всевозможных цветов и видов. Но чем выше вставало солнце за горизонтом, тем скорее они выдыхались, уставали, оседали на пододеяльник, волосы Зульфии, подлокотник единственного кресла, а потом испускали дух. Иные, самые неугомонные, так и кружились до самого конца, пока не падали замертво на пол.

Решила никому об этом не рассказывать: хоть и было в таинственном появлении бабочек что-то жутковатое и зловещее, но все же это было единственным, что принадлежало ей одной и не подчинялось воле родственников. Однажды ей удалось сфотографировать несколько бабочек живыми, красную и желтую, когда они сидели друг против дружки, полные поэзии и гармонии. Ей тут же захотелось поделиться фотографией с кем-нибудь близким. Но пользоваться интернетом ей запретили в первые же дни замужества, а ждать, пока сестра придет в гости, было опасно: тетушка вполне могла опередить ее, она ведь периодически просматривала телефон невестки и на любую подозрительную фотографию задавала такое множество вопросов, что Зульфия решила благоразумно все удалить.

– Сколько же можно спать, лентяйка! – возмущалась тетушка, смахивая назойливых мух с тарелки.

– Наверное, это от недомогания, – пыталась вступиться Сафура, еще помнящая себя невесткой и обладающая более мягким нравом.

– Это от безделья! – не соглашалась тетушка.

Зульфия каждый раз опускала голову, делая вид, что ей и в самом деле неловко, а потом сбегала вниз по лестнице, словно торопилась в уборную, и во дворе избавлялась от трупиков. А после завтрака возвращалась в свою комнату с влажной тряпкой и тщательно смывала следы, оставленные на светлой простыне и пододеяльнике.

В какой-то момент Зульфия заподозрила, что ее недомогания и бабочки как-то взаимосвязаны, а так как появление бабочек необъяснимым образом привнесло в ее унылую жизнь смысл, надежду на что-то большее, она стала меньше распространяться о своих болях и все больше притворялась, особенно ближе к вечеру, что чувствует себя превосходно.

В течение дня старалась вести себя прилежно. Кормила кур, стирала вручную, подметала опавшие листья и сжигала их вместе с прочим мусором в задней части двора. Готовила, заваривала чай. Мыла посуду, полы. Все это делала молча, стараясь не нарываться на замечания и упреки. Со временем она перестала где попало стряхивать тельца, ибо такое количество мертвых бабочек по всему двору могло вызвать подозрения. Стала закапывать их в саду, под деревьями. Муж звонил через день (для того ей и выдали личный телефон), интересовался здоровьем, сетовал, что работы в городе нет, но он не отчаивается и продолжает поиски. Зульфия на все отвечала утвердительно, старалась казаться милой и послушной, уверяла, что прекрасно себя чувствует и недомогания остались в прошлом. Тетушка дивилась переменам, произошедшим в невестке, но виду не подавала, так как кого-то нужно было воспитывать, на кого-то нужно было выливать порцию накопившегося гнева и раздражения.

Зато теперь Зульфие было не так одиноко и ненавистно в этом доме, как раньше. Казалось бы, ничего в ее жизни не изменилось: родственники так же угнетали ее наставлениями и домашней работой, муж все еще пропадал в столице и звонил все реже, родителей устраивало такое стечение обстоятельств, и они перестали навещать ее.

Это была та же самая девочка, насильно выданная замуж и не имеющая надежды на что-то большее. Да, та же самая девочка, но...

Теперь она была девочкой с бабочками. Пусть и с мертвыми, но зато ни у кого больше таких не было.

А это немало в подобных обстоятельствах.

Натаван

Дверь у ворот противно скрипнула, когда Зульфия подметала первые слетевшие кленовые листья с тамета, растянувшегося от ворот до самого крыльца дома. Подняла голову.

– Я здесь! – звонко провозгласила появившаяся на пороге девушка и уверенно зашагала по двору, таща за собой небольшой чемоданчик на колесиках. – Привет! – мило бросила она Зульфие, но глазами искала родных на террасе дома.

Зульфия сразу догадалась, что это была Натаван, двоюродная сестра мужа. К ее приезду готовились тщательно. Она жила в Баку, и родители жаловались на ее вялость в последнее время. Она стала такая бледная, говорили они, такая понурая, все словно ищет и ищет что-то, а что, не поймем. Было решено отправить девушку в деревню, на свежий воздух, поднять аппетит и разрумянить щеки, ведь она как раз окончила институт и еще не нашла подходящей работы.

Тетушка тут же сбежала вниз по лестнице и кинулась к Натаван, встречая ее крепким объятием и сдабривая ее щеки липкими поцелуями. Отец и мать мужа завидели гостью из окошка своей комнаты и тоже выбежали навстречу, теряя на ходу разноцветные резиновые шлепанцы. Солнце пробивалось через тонкие трещинки шиферного навеса и заставляло Натаван периодически щуриться, и она смеялась фальцетом, увиливая от нескромных вопросов. Зульфия стояла, вцепившись обеими руками в метлу, и жадно разглядывала новую родственницу. Даже когда Натаван, обняв всех по очереди, добралась до нее и одарила ее трением своей щеки, Зульфия не смогла даже приветливо улыбнуться. Настолько ее очаровал образ этой девушки. Натаван не обратила на нее особого внимания, так как была окружена возгласами и расспросами остальных.

Перед самым отходом ко сну было решено, что спать Натаван будет в комнате Зульфии. Несмотря на то, что комнатушка была крошечной и без окон, она считалась самой теплой, ибо в ней находилась печь, отапливающая все смежные помещения. А осень должна была наступить со дня на день. Зульфию это не задело. Она привыкла, что лучшее принято предоставлять гостям. К тому же ей было не до споров, у нее сильно вздулся живот и что-то внутри копошилось.

Самой же Зульфие отвели небольшой диванчик рядом с тетушкиной кроватью на застекленной веранде. Перспектива спать возле ворчливой тетушки не обрадовала девушку, но больше всего она переживала за своих предрассветных бабочек. Нужно было что-то делать.

Все отправились по своим комнатам. Тетушка досматривала турецкий сериал, а Зульфие наказала надеть шерстяные носки на ночь, чтобы не простудиться. Зульфия приняла перед сном лекарство, запила стаканом воды и засунула голову под одеяло. Нужно было дождаться, пока уснет тетушка, и сторожить бабочек. Она прогоняла сон, пытаясь думать о чем-то конкретном, требующем работы мысли, но ничего не получалось.

Наконец, тетушка выключила телевизор и тоже забралась в постель. За окном слышалось, как ветер путается в лысеющих тополях. Сквозь ненадежные щели он просачивался в комнату сквозняком, казалось, игнорируя стекла, и расползался по воздуху предчувствием неизбежности. Зульфия слушала ветер и тщетно хваталась за расплывающиеся мысли.

Ближе к утру, в расплывающихся сумерках, когда в черный наконец вкрапливаются различимые цвета и появляется надежда на свет, из раскрывшегося рта спящей Зульфии выпорхнула первая бабочка. Почему-то она сразу подлетела к тетушке. Опустилась на ее плотно сжатые губы и защекотала их лапками. Тетушка зашевелилась во сне. Изо рта Зульфии вылетела вторая бабочка, потом третья. Потом еще и еще. Все они сначала подлетали к тетушке, садились на нее, прохаживались, а потом отправлялись в свободный полет. К тому времени, когда тетушка все-таки проснулась и недовольно приподнялась на локтях, пытаясь разобраться, что же происходит, по комнате уже парила целая стая. Близорукая тетя огляделась. Откинула одеяло, спустила ноги с кровати и юркнула в тапочки. Нехотя поднялась с места и, при тусклом освещении приняв бабочек за обыкновенную моль, сняла с левой ноги тапок и немедленно расправилась с непрошеными гостями. Зульфия проснулась от шума хлопающего по столу тапка. Она не сразу все поняла: сначала наблюдала за танцующей в темноте тетушкой из-под одеяла, не желая выдавать своего пробуждения. Тетушка нашептывала родовые проклятия в адрес насекомых. Свет в комнату падал из единственной включенной на террасе лампочки, неровным прямоугольником выхватывающий фрагменты беснующейся тетушки. Видимо, бабочек было так много, что она никак не могла остановиться. И только когда сполохи рассвета заискрились по оконному стеклу оранжево-багряными языками пламени, Зульфия начала догадываться, что происходит. Зажмурилась. Стиснула зубы. И неродившийся крик ушел куда-то внутрь, в самую ее суть.

Тело колотило от озноба. Она натянула шерстяное одеяло до самого носа и, отвернувшись к спинке дивана, широко открытыми глазами вперилась в жирное пятно на обветшалой обивке с цветочным узором. Это маки. Кажется, это были маки. Или тюльпаны. Зульфия не очень разбиралась в цветах и все пыталась сосредоточиться на мысли: маки это или тюльпаны. А тетушка тем временем, совершенно обессилев, уже не стараясь шептать, отчаянно ругала гнусных насекомых, не давших ей поспать.

Они все равно бы умерли, мысленно твердила себе Зульфия. Они все равно умирают по утрам, они все равно в итоге умирают...

В то утро тетушка проспала намаз, а затем, проснувшись довольно поздно, очень удивилась разноцветным трупикам.

– О, Боже всемилостивый! – она зажала рот ладонью правой руки и побежала на веранду. Привела с собой брата и Сафуру. – Посмотрите, они каким-то образом оказались в моей комнате ночью, я перебила их...

– Зачем? – чуть приоткрыв рот от удивления, спросила Сафура.

– Я думала, это моль... В темноте ведь ничего не разглядишь. Да и откуда бабочки? Уже октябрь!

– Посмотри, Зульфия, – сказала тетушка, – ты их вчера вечером перед сном нигде не видела?

Та отрицательно покачала головой, делая вид, что ее не очень трогает эта история. Переоделась в заляпанный халат, наспех собрала волосы. Предложила подмести трупы, но тетушка, к ее удивлению, запретила их трогать. Зульфия отправилась на кухню, чтобы приготовить завтрак.

Извлекла сковороду, прыснула на нее целую гору сливочного масла и машинально приступила к жарке традиционной яичницы с помидорами. Стараясь не думать о случившемся.

В тот день с самого утра небо посерело и нахмурилось угрожающими тучами. Завтракали внутри, в обогреваемой дровами гостиной. Тетушка сидела понурая, никому не делала замечаний, монотонно постукивала пальцами по столешнице, глядя куда-то вдаль. Не притронулась к яичнице. Сделала только несколько глотков чая, даже не опустив в него заранее лимон, что не свойственно ей и всем остальным членам семейства. А под конец трапезы уронила локти на колени и уставилась в пол.

Зульфия не решалась спросить о причине ее грусти, да и другие особо не вмешивались, зная, что в такие моменты ее лучше не трогать.

– А ты не знала? – удивилась Натаван, которая подошла к Зульфие в саду. – Тетушка в молодости очень увлекалась энтомологией, ну, там другое какое-то слово, наука, изучающая бабочек... лепипа... лепида... ну, ты поняла.

– Правда? – только и ахнула Зульфия, сжимая в руках родную метлу.

– Еще бы, я была совсем ребенком, когда она мне рассказывала обо всех видах бабочек. Она была помешана на них тогда. Еще она говорила, что бабочки – это ожившие цветы, представляешь?

– Это она придумала?

– Не знаю, но это так красиво, правда?

Зульфия кивнула. Сад готовился к неминуемой смерти. Натаван сорвала с дерева грушу впрозелень, еще не созревшую, и попыталась прокусить. Камень, а не груша! С сожалением отбросила ее в сторону. Лицо Натаван все еще было болезненно бледным.

– Ну а теперь она столько их убила, они же для нее священны, понимаешь? Вот и не может себе простить. Я знаю, тетушка со странностями и немного грубая, но она в глубине души совсем не такая, поверь.

Лицо Натаван осветила обворожительная улыбка, улыбка девушки, которой не нужно каждое утро мести этот убогий двор, не нужно стирать одежду вручную и жить с нелюбимым мужчиной. Всю свою жизнь ходить в замызганный азиатский туалет, прозябать в крохотной комнатушке без окон.

– Давай, я тебе помогу, мне скучно, – предложила Натаван.

Тополя почти облетели, лишь местами ветер шевелил последние пожухлые листья. Казалось, им не терпелось сорваться вниз и закружиться в последнем танце. Зульфия объяснила, что нужно сгрести слетевшие листья в охапки, а потом сжечь. Натаван отобрала у Зульфии метлу и с азартом приступила к работе. Зульфия стояла и завороженно смотрела на эту девушку: она была так счастлива, так хороша, несмотря на свой осунувшийся, бледный вид. Даже в том, как она мела ворох жухлых листьев, поднимая густые облака пыли, было что-то возвышенное. Легкое. Ей это было не в тягость, и, казалось, даже если ей пришлось бы выполнять этот труд ежедневно, она все равно совершала бы его с той же готовностью и подпевая забавные песенки себе под нос. Именно поэтому ей не придется мести их каждый день, подумала Зульфия, и почувствовала, как в животе отчаянно запорхали, видимо, соглашаясь и разделяя ее чувство. Затем они вдвоем приступили к ритуалу сожжения, и Натаван попросила самой поджечь сухую траву. Все ей казалось в диковинку, всему она по-детски радовалась и, казалось, была искренне благодарна Зульфие за возможность прикоснуться к настоящим прелестям деревенской жизни.

– Ты провоняешь, – предупредила Зульфия, когда Натаван с удовольствием вдохнула запах жженых листьев.

Та рассмеялась.

– Искупаюсь!

– Нет, баню сложно топить, купаться здесь можно только раз в неделю, – напомнила Зульфия.

Натаван полуобернулась к ней и изобразила гримасу отвращения.

– Действительно, как вы так живете! – возмутилась она.

В этот вечер Зульфия, сославшись на головную боль, легла спать пораньше. Хотя это было сложно в общем шуме и гаме гремящих в десять часов вечера кастрюль, ведь кухня находилась сразу за застекленной тетушкиной комнатой. Она завела будильник на пять утра, установила вибрацию и спрятала телефон под подушку. Прошла к столику, чтобы налить себе воды из графина, и тут взгляд ее упал на тетушкин сервант. На полке стояла поутратившая актуальность посуда: тетушкино при-

даное, так и не нашедшее себе применения. На одной из фарфоровых тарелок разглядела мертвых бабочек... Они были аккуратно сложены. Насчитала около десяти штук. Все разные, цветные, яркие. Они были разложены с любовью, одна за другой, даже чувствовалась гармония в том, как шли один за другим цвета... А я только и способна, что закапывать их в землю, подумала Зульфия, и подбиваемые ветром ветки тополя поцарапались в окно.

Удивительно, но план ее удался. Она проснулась, едва телефон начал ритмично подтанцовывать под подушкой. Выключила будильник и неслышно приподнялась на кровати. Окинула взглядом комнату: да, по всему периметру еще летали бабочки. Целое поле оживших цветов. Вынырнула из-под одеяла в холод ночи. Осмотрелась в поисках чего-то наподобие сачка. Можно поймать их платком: потолки низкие, помещение небольшое, никуда не денутся. Поймать, и что дальше? Они ведь все равно скоро упадут замертво, пусть порхают себе напоследок. Пока Зульфия думала, как распорядиться последними минутами жизни бабочек, одна из них, самая большая, красная, подлетела к окну и, растерянно покружившись и попутавшись в тюле, вылетела в смежную гостиную комнату. Нельзя допускать, чтобы трупики находили по всему дому, родственники тут же что-нибудь заподозрят, справедливо рассудила Зульфия и, неслышно ступая по холодному полу босыми ногами, юркнула в гостиную, в которой стояла кромешная тьма. Нащупала керосиновую лампу в углу стола – она всегда стояла там наготове, потому что электричество в деревне отключают часто. Чиркнула спичкой. В обозримом пространстве бабочки нигде не было. Зульфия стояла перед своей комнатой, в которой перестала спать с момента появления гостьи. Ей захотелось проверить, не там ли ее бабочка. Если Натаван проснется, скажу, что мне стало холодно и я решила подбросить дров в печь, решила она и подобрала несколько сухих веток, валявшихся в углу, прямо перед входом в комнату. Зульфия прокралась в свою комнату на цыпочках, неся в правой вытянутой руке лампу, а левой прижимая к себе сухие сучья. На ее кровати мерно посапывала Натаван. Яркая, живая, настоящая. Такая, какой Зульфие самой хотелось бы быть. Из печи слышалось потрескивание дотлевающей кучки поленьев, по стене плясали отблески огня. Зульфия подошла ближе к Натаван и вздрогнула: на подушке, прямо у кончика подбородка Натаван, сидела большая красная бабочка. Наклонилась, изогнувшись нелепой дугой, чтобы рассмотреть получше.

Неужели бабочка решила, что здесь, в ее старой комнате, ей будет безопаснее? Ведь вчера всех остальных убили прежде, чем они сами готовы были умереть. Поэтому она и прокралась сюда. Но она не сможет караулить здесь одну бабочку, когда там, в тетушкиной комнате, их десятки. Отложила керосиновую лампу и дрова на пол и взяла с подлокотника кресла розовый келагаи. Вскинула его над бабочкой, стараясь не задеть лица родственницы, и свернула в воздушный пучок так, чтобы не повредить бабочке крылья. Поднесла к груди. Но Натаван проснулась. Она с трудом раскрыла глаза и в недоумении уставилась на растерянную Зульфию.

– Мне стало так холодно, я решила подбросить поленьев в печку, – выпалила скороговоркой. Пальцы ходили ходунами по шелковой шали, внутри которой трепетало насекомое. Обе руки были заняты. Она потупила взор и выбежала из комнаты, так и оставив лампу и дрова на полу, но остановилась в гостиной, испугавшись, что Натаван может за ней последовать и обнаружит все многообразие бабочек в тетушкиной комнате. И оказалась права.

Натаван действительно не поленилась встать с постели. Сначала она деловито распорядилась дровами: поочередно забросила их в печь с догорающими углями. Накинула на себя шерстяной плед и бережно подняла с полу керосиновую лампу. Когда она прокралась к Зульфие сзади, та от неожиданности вздрогнула, и шелковый платок змейкой выскользнул у нее из рук. Бабочка высвободилась и отчаянно запорхала над керосиновой лампой.

От удивления и восторга Натаван приоткрыла рот, немного растянувшийся в стороны от умиления.

– Послушай, – тут же залепетала Зульфия. – Я случайно нашла ее и решила выпустить на свободу. Только, пожалуйста, не говори ничего тетушке!

– Почему? – все также не отводя глаз от красной бабочки, которая подлетела теперь к ее плечу, удивилась Натаван.

– Она ведь и так не любит меня, она рассердится, может, подумает, что я както связана с той историей с бабочками, не знаю...

Натаван обернулась, наконец, к ней с вопросом во взгляде. А бабочка тем временем села Натаван на плечо.

– Не знаю, что ты несешь, но хорошо, я ей ничего не расскажу, можешь быть спокойна. Иди спать.

И, осторожно ступая, неся в руках керосиновую лампу в руках и красную бабочку на плече, отправилась обратно к себе.

Зульфия вернулась в застекленную комнату.

Бабочки свободно порхали по воздуху. Темнота стала менее густой, и она вспомнила, что скоро тетушка встанет на намаз, а бабочки все еще живы. Нельзя допустить, чтобы тетушка их увидела. Она отловила бабочек одну за другой и выпустила их в платяной шкаф. С ужасом наблюдала, как они карабкаются по тетушкиной потрепанной одежде, запутываясь в складках длинных юбок и нелепых пиджаков. Закрыла дверцу и отошла: если тетушка застанет ее перед раскрытой дверцей шкафа, наверняка заподозрит в краже. Она и прежде подозревала невестку, а если подать ей такой наглядный повод, она разойдется в фантазии, точно назовет число украденных вещей и заявит, что уже видела их на родных Зульфии, которым она, по тетушкиному мнению, отдает украденные из дома вещи. А когда тетушка наболтает такого, она впоследствии и сама этому верит. Зульфия поспешно запрыгнула в постель и укуталась одеялом.

Чуть позднее, когда все уже уселись завтракать, Зульфия нарочно пролила на свой халат горячий чай и, вскрикнув, но заверив остальных, что она в порядке, побежала внутрь якобы за сменным халатом. По дороге она заскочила в тетушкину комнату, второпях открыла дверцу шкафа, соскребла с его пола тельца бабочек – правда, их было мало, остальные, видимо, запутались в одежде. Придется выискивать позже, когда тетушка уйдет на базар.

С самого утра Натаван отличалась не свойственной ей молчаливостью. Домашние заподозрили влюбленность и умилялись, хотя Натаван на все вопросы только загадочно улыбалась, а мысленно пребывала где-то далеко. На ее щеках цвета слоновой кости появился румянец. После обеда, когда все разошлись по своим делам, она подкралась к Зульфие, колдующей над умывальником с грязной посудой, и горячо шепнула ей в самое ухо:

– Я спрятала ее в банку!

Зульфия опустила глаза, но не обернулась. Еще тщательнее стала мылить тарелки и делала вид, что слушает вполуха.

– Она там даже летает немного, представляешь! – продолжила Натаван. – Я ей положила кусочки фруктов, вычитала в интернете, что они любят подгнившие фрукты или медовый нектар.

Зульфия выронила из рук вилку и обернулась к Натаван:

– Она жива?

– Бабочка? Ну да, – послышался удивленный фальцет.

Зульфия подняла вилку и вернула в раковину, не помыв. Сполоснула руки, насухо вытерла висящим тут же на крючке полотенцем и, стараясь сохранять самообладание, вцепилась в рукав свитера Натаван:

– Покажи мне.

Они прошли в крошечную комнатушку, в которой зимой всегда потрескивают дрова в печи. Натаван подвела Зульфию к трюмо, отодвинула рамку с фотографией молодоженов. За ней пряталась стеклянная пол-литровая банка из-под соленых огурцов. Сверху резинкой для волос прикреплен кусок марли. В банке сидела та самая красная бабочка. Она взмахнула крыльями. Натаван отвязала марлю, и бабочка вылетела. Зульфия облокотилась об стенку, почувствовав слабость в коленях. Натаван расположилась в обшарпанном кресле, из края подлокотника которого выглядывал поролон. Не скрывая брезгливости, она облокотилась на другую сторону кресла, перевесив ноги через дырявый подлокотник.

Бабочка подлетела к Натаван и красным, светящимся нимбом закружилась над ее головой. Натаван поглубже вдавилась в кресло, кутаясь в шерстяной свитер. На ее лице играла умиротворяющая улыбка.

– Я не понимаю, что происходит, – вполголоса призналась она. – Но с самого утра, с появления этой бабочки я ощущаю что-то... очень странное, но это хорошее странное. Понимаешь?

Зульфия отрицательно покачала головой, не сводя глаз с бабочки. С бабочки, которая должна была умереть к утру.

Если тебе предначертано умереть к утру, будь добр, без самодеятельности!

Стало сложно дышать спертым воздухом в непроветриваемой комнате. Молча вышла и поплелась во двор. Посуда вымыта, двор она подметала с утра, стирки нет.

Она застыла у перил лестницы, наблюдая за покачивающимся в такт предгрозовому ветру тополем. Забыла накинуть жакет, но холода не ощущала.

Фуад

Послышался сигнал автомобиля. «Открывай ворота, это он!» – крикнула Сафура, и Зульфия, наскоро накинув теплый жакет поверх халата, поплелась к лестнице. Ступенька. Другая. Она старалась торопиться, но ноги не слушались. Ей почему-то не хотелось видеть мужа. Прошло столько времени, и она успела отвыкнуть от его едкого запаха.

Сигналы участились. Зульфия ускорила шаг, как можно громче шаркая резиновыми шлепанцами по тамету. Сафура вышла из дома намного позже Зульфии, но уже опережала ее и поэтому недовольно шипела, деловито поднимая тяжелый засов. Дверь скрипнула, и во двор ворвался не дождавшийся открытых ворот Фуад.

– Вот черепахи! – гневно воскликнул. И, подойдя к воротам, отодвинул мать и жену. Легко справившись с засовом, открыл поочередно створки ворот. Зульфия застыла, рассматривая этого чужого человека. Его лоб пересекала длинная глубокая морщина. С подбородка стекал водопад бороды. Почувствовалось копошение в животе. Она даже обрадовалась нарастающей боли, напоминающей ей о том, что в ее жизни есть кое-что поважнее всей этой суеты, и попыталась на ней сосредоточиться. Отвернулась от Фуада.

Сначала Фуад завел машину во двор, а затем поочередно поцеловал всех членов семьи. Родителей, жену, тетушку и Натаван. Он чмокнул Зульфию также непринужденно и для галочки, как тетушку, а она смущенно отстранилась от него. Задержал на ней оценивающий взгляд. Она и правда поправилась за этот месяц, видимо, сказывалось обилие жирной, щедрой на сливочное масло и баранину национальной кухни, кроме которой тетушка ничего не признавала.

– Ты выглядишь порумянее, – похвалил он двоюродную сестру. – Деревенский воздух пошел тебе на пользу.

– Не знаю, деревенский это воздух или тот, с кем она переписывается там по телефону целый день, – вставила тетушка не без укора. Все-таки Натаван придерживалась менее строгих правил, чем того хотели бы деревенские родственники.

Натаван немного смутилась, и ветер набросился на ее кудри. Взметнул кверху шелковистые пряди; она сильно изменилась за время пребывания в деревне. Перестала смеяться и шутить по поводу и без, паясничать и говорить без умолку. Она углубилась в себя, в свои мысли, грезы, и по всем подозрениям – дело было в круглосуточной переписке, которую она вела с кем-то по вотсапу и уверяла всех, что это подруга. Зачем же ты врешь, Натаван, ну хотя бы мне, Зульфие, могла бы раскрыть свою тайну, ведь я-то отдала тебе частичку своей души, даже большую ее часть...

– А ведь все-таки это не подруга? – заговорщически шепнула Зульфия Натаван на ухо. Ей хотелось сблизиться с Натаван, обрести в ее лице подругу, единственного человека, с которым можно было бы поделиться самым сокровенным. Ведь она уже была на полпути.

– Подруга, – отрезала Натаван, не глядя на Зульфию, и засеменила в сторону дома. В кусочках неба, мелькающих в просветах шиферного навеса над двором, потемнело: угрожающе сползались тучи. Зульфия поежилась от внутреннего холода. Опустила подбородок до воротника жакета, пряча шею от мороза.

С приездом Фуада пришлось немного переиначить спальные места. Тетушка не решалась поселить любимую племянницу в холодной застекленной комнате, а потому было решено, что Зульфия будет спать с Натаван на одной кровати, а Фуад пока поспит на диване подле тетушки. Зульфия обрадовалась нововведению, ведь теперь ей будет легче контролировать бабочек. И даже если Натаван прознает обо всем, ну и что с того, Зульфия ведь и так собиралась поделиться с ней. Нужно было только улучить подходящий момент.

Но в первую же ночь, когда она спала на соседней подушке от Натаван, проснувшись на рассвете, она удивилась: все бабочки кружили подле Натаван или гордо и красочно восседали на ее волосах, плечах, по всему одеялу, на подушке. Наверное, все они хотели повторить участь спасенной бабочки. Дождь выбивал дробь по шиферной кровле, пульсирующей болью отдаваясь в висках. Зульфия присела на краю кровати, не отрывая глаз от бабочек. Один раз Натаван повернулась во сне, среагировав на раскат грома. Тогда бабочки взлетели, покружились вокруг, но не улетели. Когда она снова застыла в новом удобном положении, они вновь обступили девушку, словно охраняя ее сон. Внутри у Зульфии что-то заколотило. Как же холодно в этой комнате, неужели нужно еще подбросить дров? Неужели они думают, что с ней им безопаснее? Что она чем-то лучше меня? Мысли крутились у нее в голове, спотыкаясь одна о другую, борясь с желанием раздавить этих предательниц подушкой. Ей захотелось плакать, но показалось лишним...и так столько воды с неба. Поймать их и засунуть в банку? Попробовать спасти, как это сделала Натаван? Но если спасать, то всех, а одна бабочка в банке или тридцать – не одно и то же. И завтра будут следующие, а потом еще и еще, и так до бесконечности. Она не сможет всех их содержать в банках по всему дому. Что скажет тетушка? Как за ними ухаживать?

Зульфия дождалась утра. Когда закончилось время намаза и все разбрелись обратно по своим постелям, бабочки упали замертво. За все это время Натаван ни разу не проснулась, и Зульфия аккуратно собрала трупики в платок. Подтерла следы золотистых крыльев смоченной тряпкой, правда, местами оставив мутные разводы.

Так продолжалось неделю. Или две. Она уже не помнила точно. После первой же ночи она передумала делиться с Натаван своей тайной. Последняя же все хорошела и розовела, без устали переписывалась в телефоне, а на все расспросы отвечала туманно и раздраженно, словно умоляя оставить ее в покое. «Это подруга, клянусь вам», – твердила она. Зачем же ты врешь, Натаван, ведь все мы знаем, что там все покруче, у тебя ведь там настоящая любовь. При мысли о настоящей любви у Зульфии начинало сосать под ложечкой: осознание того, что ей не суждено испытать столь возвышенных переживаний в этой жизни, угнетало ее; она начала завидовать Натаван и ее любовной переписке. Где-то в глубине души ей очень хотелось,

чтобы это действительно оказалась подруга.

«Еще пару дней, и я еду домой», – возвестила Натаван в трубку кому-то, видимо, возлюбленному. Домашние расстроились по поводу ее скорого отъезда, но она действительно уже засиделась, а в городе ее ждут дела. Нужно искать работу по специальности, она затосковала без общения с друзьями и выходов в свет. И, наверное, ей не терпится встретиться с виртуальным обожателем. Деревенская жизнь, конечно, романтична, и свежий воздух пошел ей только на пользу, но все это хорошо в меру, говорила она, хрустя зернышками гранатов и сплевывая косточки.

– Когда ты поедешь? – спрашивал Фуад. Наверное, ему не терпелось вернуться в свою постель.

– Еще несколько дней, – загадочно говорила Натаван, – такое чувство, что нужно совсем еще чуть-чуть, и я обрету нечто такое, волшебное... ну, не знаю, как объяснить, но я очень доверяю интуиции! Мне не терпится уехать на самом деле, но я чувствую, что нужно еще пару дней, а зачем – сама не знаю.

– Какая же она чудачка! – смеялся Фуад. И остальные поддакивали, восхищаясь ее наивностью.

В эти дни Зульфия старалась занять себя всевозможными делами, чтобы не оставалось ни минуты на размышления. Ей не хотелось думать и анализировать. Она все больше сосредотачивалась на своей послеобеденной боли и упивалась ею. У нее были двоякие чувства по отношению к Натаван. Ей не хотелось ложиться в постель с Фуадом, и присутствие Натаван спасало ее от этого. Но, с другой стороны, она так хотела, чтобы Натаван, наконец, уехала. К своей слишком сказочной жизни, к своему настоящему возлюбленному, которого, возможно, ей даже захочется поцеловать. Пусть оставит ее бабочек в покое.

С возвращением Фуада тетушка поменяла тактику в отношении Зульфии: в его присутствии она не смела кричать на невестку открыто и повелевать, как вздумается, но продолжала гнуть свою линию намеками и жестами. И, если прежде Зульфия справедливо сопротивлялась навязыванию тетушкиной воли во всем, то теперь, зная о духовном превосходстве тетушки над ней, смиренно исполняла все ее капризы. Какой бы ни была тетушка, она чтила бабочек. Она трепетно отнеслась к их тельцам. Она была лучше, чем Зульфия, теперь это было очевидно. И Зульфия больше не смела делать что-либо ей наперекор. Тем более, в последнее время она стала слышать какой-то странный голос внутри себя, и он становился все громче и громче. И спорить с кем-либо не имело уже никакого смысла, ей стало сложно разговаривать, ведь для этого приходилось перекрикивать внутренний голос.

А между тем в последние дни небо шуршало и трещало по швам, хлестало полуголые тополя нещадными ливнями. Но как бы громко ни лило с неба, этого звука не хватало, чтобы заглушить внутренние терзания. При готовке Зульфия специально бросала побольше масла в кипящую сковороду, чтобы шипение заглушало голос изнутри. Она не хотела его слушать. Потому что, кажется, это был не ее голос. «Я главная бабочка, я главная бабочка, я главная бабочка», – орало что-то там, в сопротивляющемся сознании.

Главная бабочка

Голубая, с иссиня-черной каемкой на ободках крыльев – это была самая яркая, самая невероятная и самая большая бабочка из всех, когда-либо виденных или рожденных ею. Тонкими лапками она вцепилась в подбородок, пощекотав рожками нижнюю губу девушки. Прокралась к губам, и ее крылышки, обдуваемые мерным дыханием, заколыхались. Из нее вылетела крошечная куколка, и бабочка вцепилась в нее лапками. Зульфие стало нехорошо. Ведь это не на ее губах сидела сейчас бабочка – а на губах Натаван.

Зульфия отчаянно замахала руками, пытаясь прогнать предательскую бабочку с губ спящей. Та взметнулась вверх, но не отступила, она кружила и металась над головой Натаван, крепко сжимая в лапках новорожденную куколку, и в какой-то момент, когда Натаван открыла рот для глубокого вздоха, синяя бабочка подлетела чуть ниже и швырнула куколку в овальную щель между губами. Та проникла глубоко в горло и исчезла. Синяя бабочка вспорхнула и отлетела, присоединяясь к остальным парящим в агонии насекомым. Натаван откашлялась, но не проснулась. Какое-то время поворочалась, путаясь в одеяле, и снова затихла. На этот раз уже ничто не тревожило ее покой до самого утра.

– Вот и все, – сказала Натаван тетушке, многослойность одежды которой затрудняла прощальные объятия. – Деревня дала мне то, чего мне не хватало.

– Свежего воздуха и натурального молока, – тетушка обнажила неровный ряд местами желтых, местами золотых зубов.

– Знаем, знаем, твой тайный поклонник тебя там ждет, вот и стремишься, – усмехнулась Сафура.

– Да что вы прицепились, нет никакого поклонника! Это подруга! – Натаван вспылила.

С удивлением для себя Зульфия поняла, что верит Натаван. Ей стало очевидно: Натаван действительно не врет, у нее нет никакого ухажера. И почему-то ей стало зябко от осознания этого факта. Ведь откуда в таком случае эти глаза, полные влюбленности, это чувство легкости, и почему она все время мысленно витает где-то? Что ты врешь, Натаван, какая еще подруга, там, в твоем сердце, творится такое...

– Здесь, в вашем доме, – успокоившись, продолжила Натаван, – я обрела что-то такое, чему нет названия... Счастье? Гармонию? Нет, полет! Какой-то полет души! У меня такое чувство, что я сейчас вернусь в Баку и смогу сворачивать горы, такое вдохновение, такой порыв!

О каком полете она говорит, когда небо так иссерело в последние дни, подумала Зульфия. Колесики чемодана отплясывали чечетку по ухабистой дорожке от лестницы дома к воротам.

– А тебе я оставила бабочку, – шепнула она на ухо Зульфие, смачно одаривая ее щеку поцелуем, – хорошо смотри за ней, иногда выводи в сад, подышать воздухом, а то в твоей комнате, сама знаешь, задохнуться можно! И помни, больше всего она любит подгнившие яблоки!

Зульфие хотелось возразить ей, рассказать о множестве своих бабочек, неужели она думает, что она одна обладает бабочкой, да и то всего одной! У нее их бесчисленное множество, это чудо рождается в ней, внутри нее, а вырывается наружу, потому что оно больше нее самой, ему там тесно... Ей хотелось накричать на эту нахалку, устроить скандал, в конце концов!

– Береги себя, ладно? – Натаван с участием дотронулась до ее запястья. – И извини, что не всегда отвечала на твои вопросы... сама не знаю, что со мной такое творится.

Зульфие хотелось возразить, но вдруг ее ярость сменилась вселенской усталостью.

«Больше всего она любит подгнившие яблоки», – крутились в голове слова Натаван. Разве Зульфия хотя бы раз поинтересовалась, что любят ее бабочки? Разве она имела на них право? Каким своим действием она их заслужила?

Но вот дверь за Натаван захлопнулась, и Зульфия поняла, что не чувствует горечи утраты и боли расставания. Или какой-нибудь вообще боли. Ей спокойно и хорошо. Сомнения отступили. Не такая уж и плохая девушка, эта Натаван. Привычно сжав в руках метлу, она приступила к ежедневному ритуалу очищения двора. Сафура попросила поджечь охапку жухлых листьев в задней части двора, и Зульфия быстрым шагом направилась в указанном направлении. Почему-то ничего не болело. Поднесла

загоревшуюся головешку спички к умершим листьям, таким сырым и отжившим свое, и услышала сигнал автомобиля вдалеке, кажется, машина с Натаван отъехала. Зульфия подняла голову: свекр, свекровь и тетушка уже плелись в сторону дома, в такой холод не имело смысла слоняться по улице. И вдруг Зульфия заметила красное пятно, вылетающее с порога дома и пересекающее веранду. Оно слетело через перила вниз, а потом показалось над воротами и исчезло. Тщетно всматриваясь вдаль, она прищурила глаза. Но пятна уже не было. Ей показалось, что еще немного, и небо упадет прямо на нее, придавит к земле, и даже машинально пригнула голову, как бы отстраняясь от него. Наконец, позабытая зажженная спичка подогнала огонь к пальцам, и она невольно вскрикнула.

Эпилог

Было до тошноты противно делить ложе с ненавистным телом Фуада, путаясь в его волосатых ногах. Едкий запах пота, исходящий от мужа, заставлял в омерзении морщиться. Он сказал ей грубость, видимо, предвкушая милую семейную ссору, обычно увенчивающуюся горячей сценой примирения, но Зульфия не отреагировала. Закрыла глаза, притворившись, что устала и невольно погружается в сон. Ей не хотелось связываться: ее ждали предрассветные бабочки.

Когда она проснулась, из соседней гостиной в щелку двери уже вползла полоска света. Оглянулась. По соседству все так же храпел муж, а долгожданных гостей нигде не было. Что-то они припозднились сегодня, мелькнуло в голове, и она закрыла глаза, пытаясь снова погрузиться в сон. Предательской искоркой в ней вспыхнуло какое-то зловещее ощущение, но тут же погасло. Не хотелось ни о чем думать.

Главное – дождаться их появления. Они запорхают по комнате, раскрашивая убогое ложе молодоженов глянцевыми крылышками, оставляя в воздухе едва ощутимую, почти неуловимую нотку надежды на то, что не может быть бесконечной беспросветности. Что напрасно он так оценивающе посмотрел на нее у ворот, осуждая ее пополневшую фигуру, ведь она не просто деревенская девушка с потерянной жизнью... Она хозяйка бабочек, пусть и мертвых. Что рано или поздно... Почему у нее ничего не болит? Почему ее это так тревожит, почему так хочется почувствовать острую, не щадящую боль в области солнечного сплетения? Почему сердце подсовывает борющемуся до конца сознанию предательские гипотезы... ведь ей нужно только подождать немного, совсем немного, а для этого нужно заснуть и не думать обо всех этих глупостях. Но почему так сложно, почему, почему, почему, почему... скорее заснуть и не думать, заснуть и не думать.

«Я – главная бабочка, я – главная бабочка», – слышится едва различимый шепот в ночной тишине, и Зульфия крепко зажмуривает глаза, пытаясь поверить в то, что это шепчут не ее губы.

Мамедова Лейла Раджабовна родилась в 1983 году. Выросла в Баку, окончила Азербайджанский государственный экономический университет, получила степень магистра в Будапеште, обучалась сценарному искусству в Барселоне. Работала главным редактором на телевидении. В настоящее время живет в Мадриде.

Победитель конкурса драматургии«Истории» на кинофестивале «Осень-2018, Моксва», конкурса прозы «Цветы и плоды Содружества, Баку», финалист конкурса пьес «Время драмы. Осень». Публиковалась в журналах «Урал», «Сибирские огни», «Литерратура», «Контрабанда» и др.

Из поэтического альманаха «Норд» (Баку, 1926)

ВИКТОР МАНУЙЛОВ

Из поэмы «1925»

Так в эти дни, – когда сама
С ума свихнулась мать-природа,
Сбежала с севера зима,
И перепуталась погода:
Весна на севере, а юг
Оглох под завыванье вьюг.
Замерз Аракс под небывалым
Буранно-белым покрывалом,
И говорливая Кура
Пришла в смятение и ужас;
Под ледяной корой натужась,
Она боролась до утра,
Пока не уступила вьюге
И не замолкла подо льдом,
И горы, в горе и испуге,
Сгрудились гордые кругом.

И даже здесь, в Баку любимом,
Шальная русская зима
Заволокла мятельным дымом
И минареты, и дома;
Напрасно кутались татарки
В свой разрисованный и яркий,
Как крылья, трепетный платок, –
Платок татаркам не помог;
Напрасно в море с вихрем белым
Бессильный спорил рыболов,
Одни лишь клочья парусов
Над ним трещали, оробелым,
Да снег, с оснеженной земли,
Летел непобедимой тучей,
И брошенные корабли
Искали смерти неминучей.

Рождался двадцать пятый год
В таком смятении и шуме,
Что поседел весь юг, и вот
Замерзли кактусы в Батуме.
И в эти дни самой судьбой
В мятели встретиться с тобой
Мне было суждено, подруга!
Ты помнишь, как взметалась вьюга,
Гоня в отгулье голоса,
Как ночь звенела зимним хладом,
Как было сладко тронуть взглядом
Твои крылатые глаза?!

Баку

Где ты, город, закутанный в дымы?
За три года ты стал мне родным.
Я соскучился, милый, любимый,
По мечетям твоим кружевным.

И в Москве, несуразно громадной,
Позабывшей свою старину,
С непривычки мне что-то неладно:
Как в бессмыслицу улиц нырну?

По ночам так светло, что не спится,
А засну – вижу смуглый восток,
Загорелые руки и лица
И татарский шелковый платок.

По утрам раскрывая «Известья»,
Я ищу телеграмм из Баку
И обрадован каждою вестью,
Даже каждую помню строку.

В клетке быстро летящего лифта
Все бы дал за лазоревый Зых,
За узоры арабского шрифта
Над любой из кофеен твоих.

Суждено ль мне вернуться – не знаю,
Только сердце грустит о Баку,
Рвется сердце к верблюжьему раю,
Чтоб засыпать песками тоску.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

***

Тот вправе говорить: «Я жил»,
Кто знает милую могилу:
Он в землю верную вложил
Любви нерасточенной силу.

Не оскудеет в нем печаль,
Зато и жизнь не оскудеет;
И чем он дольше сиротеет,
Тем видит явственнее даль.

Бессмертие ль? О том ни слова!
Но чувствует его тоска,
Что реет к родинкам былого
Времен возвратная река.

***

Звезды блещут над прудами.
Что светилам до озер?
Но плетется под звездами
По воде живой узор.

Зрящих сил в незримый омут
Достигают копия.
Так тревожат духи дрему
Бессознательного я.

Где ты, город, закутанный в дымы?

В 1926 году студенты-филологи Бакинского университета и близкие их кругу издали поэтический альманах «Норд» (типография III Интернационала, 1000 экз., 30 копеек). Конечно же, не забыли своего преподавателя – одного из столпов символизма Вячеслава Иванова. Пригласили и известных: Всеволода Рождественского, Максимилиана Волошина, Николая Тихонова. Не откликнулся Есенин – осенью 1925 года он уже был серьёзно болен, а затем трагически погиб.

В итоге в альманахе, помимо перечисленных, напечатались: Виктор Мануйлов, Михаил Казмичев, Леонид Борисов, Ксения Колобова, Михаил Брискман, Вера Гадзяцкая, Владимир Луизов, Лидия Кошкарская, Александр Моргулис, Константин Муран, Михаил Сироткин. Что касается Вяч. Иванова, четыре его текста из сборника: «Тот вправе говорить: Я жил…», «Звезды блещут над прудами…», «Чудесен поздний твой возврат…», «Чернофигурная ваза» не обнаруживаются на сайте: 45-я Параллель, Вячеслав Иванов, все стихи. Или надо признать факт маленького литературного открытия, или, что ближе к правде, сайт неполный, в нем отсутствует также известное местным филологам стихотворение «Зых» («На Зыхе нет ни виноградной В кистях лозы, ни инжиря…») из оксфордского издания «Света Вечернего».

Упомяну еще одно имя, сокрытое под инициалами ЕЮ у Луизова «Если правда, что в Баку далеком Ты меня порою вспоминаешь…» и у Колобовой «Запоешь, заплетешь змеею Неизбывной, знойной тоски…». ЕЮ – это Елена Юкель, к ней на квартиру в 1925 году Колобова привела Есенина – послушать персидские газели (в том числе Хафиза Ширази), которые хозяйка дома пела под собственную музыку.

В «Персидских мотивах» неслучайное имя: «Как сказать мне для прекрасной Лалы По-персидски нежное "люблю"?»; детство Елены прошло в провинции Хорасан, в городе Сабзеваре (отец – Борис – скупал здесь хлопок), и родные звали ее на восточный манер – Лала. В это же время Есенин писал из Баку Галине Бениславской: «Поймите и Вы, что я еду учиться. Я хочу проехать даже в Шираз и думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики».

В главной библиотеке Азербайджана (Ахундовке) альманах сохранился в единственном экземпляре и читателям не выдается. Эта журнальная публикация отчасти должна заполнить этот пробел и привлечь внимание литературоведов к забытой книге. Ее замечательность мне еще видится в том, что она не идеологизирована, что раскрывает духовную атмосферу университета. Скоро этой относительной свободе наступит конец, и в Баку появятся другие альманахи с говорящими названиями, вроде: «Десятилетию Октября. Гори, заря!» (1928).

Марат ШАФИЕВ

ЭРИХ ГАУЗЕР

РАССКАЗЫ

Последний путь

Боль исчезла. Она медленно брела по улице. Вокруг были дома странной формы, деревья, вроде и обычные, но все же не совсем.

Она отчетливо помнила момент смерти. Помнила грузовик, вылетевший на встречку прямо перед ее машиной. Тормозить просто не было смысла. Перед взором пронеслась вся жизнь, но так стремительно, что деталей не разобрать. Потом удар, страшный удар. Мгновенно все тело пронзила дикая боль, а потом она пропала.

И вот теперь она шла по какой-то чужой улице, хотя прекрасно понимала, что ног у нее нет, как и глаз, ушей и прочих человеческих органов. Она осознала свою смерть и теперь ждала тоннеля и света в его конце, как написано в книжках. Но не было ни света, ни тоннеля, только пустой город. Она ждала состояния неописуемого блаженства, о чем тоже писали некоторые книги. Но не было и блаженства.

Было полное равнодушие ко всему, что с ней случилось. Ни страха, ни грусти, ни переживаний за родителей и друзей, которые, конечно же, сейчас оплакивают ее смерть и с ужасом смотрят на ее тело, когда-то такое красивое.

Она помнила всю свою жизнь, до мельчайших подробностей. Сейчас она не пролетала перед взором, как в машине. Сейчас она просто была в ее памяти, как нечто единое с ее сознанием. Она помнила такие детали, которые при жизни считала давно утраченными. Все звуки, все запахи, все цвета - она помнила все! С того момента, как после темноты маминого живота впервые попала на дневной свет, еще не умея распознавать лица и предметы.

Она помнила тот ужас, который охватил ее в момент рождения, то ощущение потери чего-то очень родного и важного. Но сейчас и тот ужас воспринимался отстраненно и совершенно спокойно. Просто как часть ее памяти. Первая любовь, первый поцелуй, томление и робость первого свидания... Все это было, было с ней. Но как бы и не было. Она прочитала много книг за свою короткую жизнь, и эти воспоминания были такими же, как память о прочитанных книгах. Кстати, и книги она помнила все, каждую букву.

Она продолжала брести по дороге, на которой не было ни машин, ни людей, ни животных. Не было птиц, насекомых. Но не было и тишины. Звуки доносились до ее ушей, которых тоже не было, как прекрасно понимала она. Звуки были незнакомыми, и она не могла понять, что было их источником, и даже не понимала, откуда они доносятся.

И шла она по дороге без цели и смысла, не задумываясь о том, куда и зачем она идет. Но как только эта мысль пришла в ее голову (голову?), она осознала, что остановиться не может. И не идет она вовсе, а парит. Плавно и легко. И тело свое она, конечно, не видит, ведь тела просто нет. Нет рук, нет ног, но при этом она может переводить взгляд по сторонам, направлять его вниз и вверх. Это открытие показалось ей забавным, но безразличие тут же поглотило вспыхнувшую искру эмоций. Она улыбнулась несуществующими губами и стала внимательнее смотреть по сторонам.

Конца дороги не было видно. Дома были пустыми и какими-то полуразрушенными. Она продолжала идти (привычно называя этим словом свое перемещение) и постепенно из ее памяти уходили детали прожитой жизни. Она начинала осознавать, что эта жизнь – всего лишь фрагмент чего-то несравнимо большего. Все пережива-

ния, все события – все это становилось все менее значимым и менее подробным. Постепенно она стала чувствовать тот самый покой и радость, о которых читала в книгах.

И еще она стала вспоминать свои прошлые жизни. Сначала отдельными фрагментами, потом все подробнее и подробнее, множество прошлых жизней поднимались из глубин памяти. Ее не удивили эти воспоминания, она просто вдруг стала понимать многие события своей последней жизни. Оказывается, все они имели свою причину в глубинах истории ее существования. Но чем более древними были эти жизни, тем менее подробными были воспоминания о них.

Она продолжала идти уже очень долго, но вокруг ничего не менялось. Попади она в такую обстановку, будучи живой, она бы давно умерла от скуки. Но сейчас ей не было скучно. Сейчас ей было спокойно и комфортно, и казалось, что она готова так идти целую вечность. Многие религии как раз и говорили о вечности послесмертия. И при жизни подобные прогнозы ей казались ужасно тоскливыми. Но сейчас она принимала все, что с ней происходит, без возмущения, без сожаления, и даже без попытки осмыслить и объяснить, что же с ней происходит.

Дома по обочинам дороги пропали. Перед ней возник огромный простор, и только дорога, как река, уходила за горизонт.

Вдруг она остановилась. Нет, не сама. Она не могла управлять своим перемещением. Она просто остановилась, и впервые оглянулась назад. Хотя шла она очень долго, как ей казалось, но совсем близко позади себя она увидела место своей смерти. Там стояла ее машина, разбитая вдребезги. Там какие-то люди в белых халатах и синей полицейской форме пытались достать из остатков автомобиля ее изувеченное тело. Она все видела очень подробно, будто и не уходила никуда. И домов никаких вокруг не было, а ведь она шла мимо них…

Странно, но ее память, прекрасно сохранившая все подробности прошлых жизней, не давала детально вспомнить то, что она видела только что, уже после смерти. Сейчас она видела только этих людей и себя. И чем больше она на себя смотрела, тем больше приближалась она к своему телу. Молодая, красивая, успешная – ей бы жить и жить!

И как только она это подумала, она поняла, что жить она будет снова – в том же теле. Сейчас. Опять. Ее уже вынули из машины и вокруг сновали доктора, ощупывая и осматривая, делая какие-то уколы и опутывая трубками.

Она вновь оглянулась, ожидая увидеть бесконечный пустырь и уходящую за горизонт дорогу. Но вместо этого увидела те самые полуразрушенные дома, вдоль которых шла все время. Позади она слышала ругань полицейских и резкие команды доктора, руководящего реанимацией. И вдруг отчетливо поняла, что выбор сделан. Только кем? В ней снова стали зарождаться эмоции, в ней боролось желание вернуться обратно и желание продолжать идти по дороге, ни о чем не беспокоясь и ничего не ожидая.

И когда она услышала восклицание: «пульс появился!», она осознала жуткую тоску и нежелание возвращаться обратно. Но от нее ничего не зависело. Перед глазами все пропало, и она снова ощутила боль, хотя и не сильную.

Глаза девушки открылись, но в них еще не было ни мысли, ни эмоций. Врачи знали, что сломанные ребра скоро зарастут, сотрясение мозга тоже не грозило опасностью. Она еще хорошо отделалась! На такой-то скорости удара…

Она лежала на носилках, ее несли в машину. Она уже почти не помнила ни дома вдоль дороги, ни саму дорогу. Она просто помнила, что это было. Было с ней. Или не с ней? Или не было, а просто казалось? Но знала она одно: что бы ни происходило в ее жизни, бояться нечего и грустить не о чем. Надо просто жить и радоваться жизни. Но сохранять внутри тот покой, о котором она все еще помнила.

Удачный слоган

Ирина была женщиной красивой. Дожив (и даже несколько пережив его) до возраста, который принято называть «бальзаковским», она сохранила и пухлость губ, и гладкость кожи, и глубину темно-карих глаз с их чуть-чуть восточным разрезом и большими, вполне природными, ресницами.

Причиной столь хорошей сохранности в наше стрессовое время была крепкая и здоровая генетика, доставшаяся от предков. Но сама Ирина считала, что своей привлекательностью обязана фирменной косметике, которой были заполнены ее туалетный столик, ванная комната и даже ее рабочая сумочка. Утренний макияж был самым важным событием дня. А перед сном следовало не менее важное и долгое удаление всех следов краски, румян и туши.

Косметикой Ирина пользовалась дорогой. А почему бы и нет? Хорошая зарплата, на шее никто не висит – куда еще девать деньги? Ирина пробовала все новинки, которые видела в рекламе по телевизору. Подруг у нее практически не было, советоваться было не с кем. Да и не в ее характере было с кем-то советоваться...

Недавно, в перерыве очередного сериала, Ирина увидела рекламу нового средства для снятия туши с глаз. Что греха таить – процедура эта и впрямь была не самой приятной: качественная тушь смывалась с большим трудом. А тут – обещание все выполнить быстро и бесследно. И слоган Ирине понравился: «Смывает тушь, а не глаза». Юмор Ирина ценила.

Разумеется, во время ближайшего же шопинга она пошла в свой любимый косметический магазин и вернулась оттуда с красивой упаковкой. «Надеюсь, это стоит потраченных денег», – подумала она. Деньги были, но тратить их «на всякое барахло» Ирина не любила. Штрих-код на упаковке показался ей незнакомым, а «made in» вообще отсутствовало. Ирина слегка удивилась, но магазин был проверенный, и о своих сомнениях она быстро забыла.

Вечером, перед принятием ванны (душ она не любила), Ирина вскрыла упаковку и стала читать инструкцию. Инструкция была на родном русском, хотя знание иностранного у нее всегда было приоритетом и проблем с импортным товаром не возникало. Все как обычно, ничего особенного: «возьмите небольшой кусочек ваты, смочите жидкостью из флакона, затем протрите кожу вокруг глаз, стараясь избегать попадания жидкости на поверхность самого глаза».

Сев перед своим туалетным столиком и настроив вертящееся зеркало, Ирина смочила вату раствором (запах был слабый, но довольно приятный), на всякий случай привычно зажмурилась и провела мокрой ватой по правому глазу.

Сперва она вообще не осознала, что произошло. Открыв глаза, она поняла, что смотрит на стол только левой своей стороной. При этом ей казалось, что она видит себя и как бы со стороны.

Ирина глянула в зеркало и, как говорится, «впала в ступор». На лице правого глаза не было. Вместо красивого глаза (точно как у мамы!) зияло отверстие кроваво-красного цвета. Но кровь из него не шла, отверстие было совершенно сухое. И боли она не чувствовала, никакой!

Оторопело посмотрев на вату, Ирина увидела в правой руке белый шарик с красными разводами и темно карим диском посередине. Она почему-то вспомнила фильм про Шерлока Холмса, когда бедный Ватсон увидел в чашке человеческий глаз.

Мозг упорно не воспринимал происходящее всерьез. А ведь Ирина видела не только окружающий мир, но и себя со стороны. Но этот важный момент ее сознание не замечало. И, словно не веря увиденному, Ирина положила на стол белый шарик, взяла вторую вату, смочила ее раствором и провела по левому глазу.

Решительность с детства была ее отличительной чертой. Она никогда не стояла в раздумье, никогда не спрашивала советов. Действовала всегда быстро и без колебаний. Часто это помогало в решении проблем, но она никогда не думала, что именно эта черта и отталкивает мужчин, привлеченных ее красотой. Как же они были правы!..

Она снова открыла глаза. Точнее, напрягла мышцы, поднимающие веки. Но ничего не произошло. Ни стол, ни свои руки она не увидела. Зато она довольно четко увидела свое лицо, теперь уже с двумя зияющими дырами вместо глаз.

«Смывает тушь, а не глаза» – вспомнился ей слоган рекламы. И тут же в памяти услужливо всплыли подозрения в виде незнакомого штрих-кода и отсутствия надписи о стране-изготовителе на упаковке.

Ирина никогда не воспринимала всерьез выражение «волосы дыбом встали». Но сейчас, наблюдая за собой со стороны, она вдруг увидела, как на ее голове образовалась грива вместо красивой прически, тоже недавно сделанной в фирменном салоне красоты. И грива эта была подозрительного белого цвета. Или показалось?

Ирина попыталась оглядеться по сторонам. Тщетно. Сколько ни напрягала она мышцы пустых глазниц, взгляд ее по-прежнему упирался в ее собственное лицо. Тут ей пришла мысль подвигать левой рукой. Поле обзора изменилось. И только теперь до нее дошло, что мир она все еще видит, но видит теми «шариками», что были когда-то ее глазами. Да, ее решительность часто имитировала наличие сильного интеллекта. Но все же это разные вещи...

Бережно сжимая в пальцах левый глаз, она стала вертеть им во все стороны. Нашла на столе правый и схватила его правой рукой, направив зрачком от ладони.

Ирине приходилось видеть людей с косоглазием. Говорит с тобой и по идее смотрит на тебя, но глаза направлены куда-то в разные стороны. Ирина не была в душе злой и жестокой, но увечных не любила. И косящие люди всегда вызывали у нее не жалость и сочувствие, а подозрение и неприязнь.

И вот теперь ей пришлось почувствовать на себе, что значит «косоглазие». И как почувствовать!

Ведь наш мозг составляет единую картинку из суммы сигналов правого и левого глаза. И малейшее их «расхождение в показаниях» вызывает серьезные проблемы, от астигматизма начиная. А тут оба глаза смотрели и вовсе в разные стороны. Мозг Ирины никак не мог собрать картину воедино, и голову пронзила резкая боль. Она привычно зажмурилась, но...

Разумеется, изображение не пропало. Теперь до ее сознания дошло еще одно несоответствие реальности: ведь глаза с мозгом в норме связывает зрительный нерв. Сейчас между «шариками» в ее руках и ее головой не было никаких нитей. Но она видела!

«Интересно, как же я вижу? Или биология врет и мозг тут вообще ни при чем? Тогда как мы видим? И вообще, где теперь Я?». Вопросы эти пролетели в ее голове, вызвав на ней очередное поднятие волос. Головную боль она уже не замечала...

Ирину начала охватывать паника. Ее глаза увидели страшную седую старуху с пустыми кровавыми глазницами, которая резко вскочила на ноги, уронив стул. Взмах рук – и перед взором дикая каша из обрывков комнаты.

Дурой она все же не была. Тем более что в экстремальной ситуации ресурсы человека мобилизуются. Ирине пришла в голову поистине гениальная мысль – поднести руки с шариками к пустым глазницам и попытаться сфокусировать зрение. Смотреть на себя со стороны не только страшно, но и жутко неудобно.

Попытка оказалась не слишком удачной, но, случайно повернув левый глаз зрачком к ладони, она его фактически закрыла, и мир предстал перед ней с привычного ракурса, хотя и без перспективы объемного зрения.

«А если я вставлю глаза обратно?». Не тут-то было. Ведь тело глаза заведомо больше глазного отверстия. В природе ведь все предусмотрено и продумано – глаз просто выпадет из широкого отверстия. Так что «шарик» она приложила, но внутрь он не пролез.

«Как же он тогда оттуда вытащился?», – с тупой обреченностью подумала она? «Да очень просто», – возник в голове насмешливый ответ, – «глаз ведь мягкий, он просто потянулся за ватой, сплющился и вытащился»...

Но применять силу для возвращения глаза на место Ирина побоялась.

«Надо вызвать скорую» – и дрожащей рукой Ирина положила левый глаз на стол, зрачком вниз. Чтобы не мешал. Телефон был рядом, но почему-то не работал, ни шороха в трубке, ни гудка. Ничего.

Она схватила мобильник, лежащий тоже поблизости. Приходилось все время управлять правым глазом с помощью руки. Ужасно непривычно и неудобно.

Господи, какой же дурой чувствовала она себя сейчас! Зачем ей эта красивая внешность, зачем косметика, зачем все это было нужно? Молодая еще ведь была, а главное, здоровая!!! Как же ей хотелось теперь вернуть себе прежнее здоровье и выкинуть все эти бесконечные коробочки с кремами, помадами и прочей «бытовой химией».

Мобильник тоже не работал. Впрочем, ее это уже не удивило. Все больше и больше ее удивляло другое – отсутствие боли в пустых глазницах. И никакой крови из них, ни капли!

«Это сон!» – спасительная догадка пронзила мозг, и обрадованная Ирина ножницами полоснула себя по ноге. Вообще-то, в детстве ее учили, что в такой ситуации надо себя просто ущипнуть. Но что мелочиться?

Боль резанула по ноге, и ручеек крови направился к полу. Рана, конечно, была не глубокой и не опасной, но она была!!! И кровь – вот она, родимая! «Не сон». И этот вывод Ирину уже тоже не удивил.

По ее расчетам, была уже глубокая ночь. Кто ей поможет, соседи? Она вдруг представила себе, как стучится к ним в дверь, барабанит и просит о помощи. Пожилой муж соседки открывает дверь, а перед ним...

А перед ним стоит седая растрепанная старуха с пустыми глазницами, сжимающая в одной руке свой глаз и этой же рукой направляющая его в стороны для обзора. Инфаркт обеспечен.

«Ну конечно! Его жена вызовет скорую, а заодно и мне врачи помогут!». Жестокость своего плана Ирина осознавала, но в борьбе за свои интересы все средства хороши. Кстати, ее откровенный эгоизм тоже был одной из причин ее одиночества. Кому нужна жена, идущая в буквальном смысле по трупам, если понадобится? Но об этом она не думала.

Неверными шагами она направилась к двери. Дверь была заперта (разумеется). А где ключ? Обычно он торчит из двери, но сейчас там его не было. Ирина отдалила глаз от головы и стала вертеть им по сторонам, оглядывая пол. Ключ она не нашла, но почувствовала, что рука затекла и жутко устала. План провалился.

Ее вдруг стало клонить в сон. Но заснуть – это значит выпустить из руки глаз. Найдет ли она его, оставшись слепой? Впервые в жизни она до последней клеточки ощутила ценность зрения! Слух, речь, обоняние...

Она вдруг стала понимать, насколько призрачен и нестабилен мир вокруг нее и насколько уязвима она сама. Насколько в ней все хрупко, но насколько же это все прекрасно! Было...

Она бы все сейчас отдала, только чтобы вернуть ее прежний мир, чтобы чувствовать свое тело здоровым и крепким, а глаза... Лишившись глаз, она лишилась и возможности плакать. А так хотелось!

Ирина вдруг вспомнила, что недавно говорили по телевизору: «Глаза нуждаются во влаге, высыхание глаз – одна из причин ухудшения зрения при работе на компьютере – моргайте чаще!». А чем ей моргать, когда глаза и веки разделены метровым (как минимум) пространством?

Ирина, забыв про сон, кинулась обратно к столу. Нашла свой другой глаз, достала из шкафа чашку, налила в нее воды... Удивительно, как быстро человек приспосабливается! Она уже почти не замечала, что смотрит на мир одним глазом, да еще поворачивает его рукой. «Глаза на вынос» имели даже некое преимущество. Она тщетно пыталась вспомнить, как называлась та рыба с глазами на длинных подвижных «антеннах», но так и не вспомнила. Или это не рыба, а гусеница? С биологией у Ирины всегда были проблемы...

Опустив «резервный» глаз в чашку с водой («только бы не занести инфекцию!»), она опять вспомнила Ватсона. Теперь сходство с киношной ситуацией было еще точнее. Тут воображение стало рисовать картины одну страшнее другой. Ведь надо было жить! Конечно, можно было пойти в туалет (кстати, хотелось уже), положить глаз на полочку, направив на себя...

В мозгу возник образ радиоуправляемой игрушки. И в очередной раз она задумалась – как же она видит? Ведь глаза и мозг ничто не связывает!

Ирина не была убежденной материалисткой. И в Бога не верила. Собственно говоря, она ни о чем таком вообще не думала. Не до философии ей было, да и интереса к познанию мира она никогда не проявляла. Предел ее мечтаний – финансовая карьера до должности минимум начальник департамента банка. Управляющий филиалом тоже подойдет. Карьера продвигается, зарплата хорошая, выглядит и одевается «на все 100», машина неплохая...

Сейчас вдруг Ирина осознала всю бессмысленность прожитых лет. Кому она принесла реальную пользу? Разве что хозяину банка. Но не она – так другая, ведь кроме аккуратности и ответственности никакими особыми талантами она и на работе не блистала. А значит, и нужды именно в ней шеф не испытывал. А помимо работы – что было в ее жизни? Даже любовника не завела! Роман с Сергеем не в счет, это было давно и очень кратко.

«И чего хотят эти мужчины?», – часто думала она, глядя в зеркало. Еще вчера из ее любимого зеркала на нее глядела стройная молодая женщина с хорошей фигурой и правильно-красивыми чертами лица. Мужчины слетались на нее как мотыльки на лампочку. Но, в отличие от бабочек, бьющихся о стекло до смерти, мужчины как-то быстро разлетались, без усилий с ее стороны. Ее это мало трогало, тяги к сексу не было, а быть заботливой женой не хотелось. «Вот еще, обед ему готовить!». Волны эмансипации, шедшие с Запада, постепенно накрывали и российских женщин...

Но сейчас ей в зеркало смотреть не хотелось. Ей хотелось уткнуться в любимое плечо (хотя понятие «любимое» было для нее сущей абстракцией), готовить обеды и стирать носки, быть нужной и полезной, делать что угодно, но быть опять собой! Она готова была выбросить немедленно все свои запасы косметики! Выбросить и просто быть собой, стареть, но быть естественной! Дима ее как-то спросил, зачем она столько денег и времени тратит на косметические процедуры, ведь кожа еще свежа, да и волосы в краске не нуждаются... Но она только презрительно на него посмотрела и ничего не ответила тогда. Если бы она его послушалась! Его, Диму, а не эту рекламу!

В ней вдруг закипела ненависть. Страшная, неистовая ненависть! Во всем виновата реклама! Как же права была Оленька, новая их сотрудница. Она всегда смеялась над рекламными роликами, особенно насчет увеличения блеска волос на 87%! Оленька имела внешность весьма обычную, даже несколько серую, хотя и не уродливую, конечно. Но косметикой не пользовалась принципиально.

И на ее естественность (чего уж скрывать, ха-ха) смотреть было приятно. И жених у нее был, симпатичный парень, кстати, без машины. Оленька говорила, что машина – это всего лишь железка, а любовь – это истинная ценность. Ирина только плечами пожимала, и лишний раз смотрелась в зеркало.

Реклама... «Смывает тушь, а не глаза». Воспоминания ушли, и ненависть снова охватила все ее существо. Выставив глаз впереди себя, Ирина бросилась к столику, еще недавно самому любимому предмету в доме. В исступлении она кидала на пол и топтала все эти (дорогие, кстати!) флакончики, тюбики, коробочки и кисточки... Потом бросилась в ванную – погром продолжился и там.

Обессиленная и опустошенная, Ирина вернулась в комнату. Странно. Из всех предметов на столе уцелел только один – купленный сегодня очиститель от туши. Тот самый... Как же ей хотелось плакать! Она уже и забыла, когда плакала последний раз. Она же сильная, она будущий руководитель филиала! Ей плакать не по статусу. Она и не плакала. Но сейчас...

Осторожно подошла к столу и взяла в свободную от глаза руку ненавистную упаковку. Поднесла к ней глаз. Кстати, надо бы его заменить – устал он, кажется, и высох...

Штрих-код был явно необычным, да и инструкция, и все надписи... Она же читала это все по-русски! Но где сейчас русский текст? Какая-то абракадабра и даже алфавит странный, никогда она такого не видела...

Ну не верила Ирина в мистику! Ни в Бога, ни в черта, ни в колдовство... Ирина вытащила флакон, взяла кусок ваты. Посильнее намочила его в жидкости, взяла мокрой ватой глаз и провела по глазнице. Рука пуста? Она быстро схватила из миски с водой второй глаз, и той же мокрой ватой провела по второй глазнице.

Ирина открыла глаза. Она видела мир вокруг себя, привычно и отчетливо. Который час? 3 часа ночи... Вокруг валяются обломки стекла и растоптанные тюбики, весь пол перемазан какой-то разноцветной гадостью. Зеркало напротив... В зеркале видна уставшая и не очень молодая женщина, с красными (будто от долгих слез) глазами и темно-коричневыми волосами, кое-где перемежающимися узкими белыми прядками...

На столе одиноко стоит чашка с водой и лежит коробка с жидкостью для снятия туши. Все надписи на русском, но штрих-код необычный и не написано, кто изготовитель. Ни фирмы, ни страны... Только смутно знакомый логотип на крышке...

Ирина помнила все, что с ней было. Помнила как сон. Если бы не обломки по всему полу и не зудящая рана на ноге. Кровь давно свернулась, но жжение осталось. Боже, какая мелочь!

Ирина вдруг почувствовала себя не просто счастливой. Блаженство быть собой!!! Не банкиром, не женщиной – к черту все эти роли! Пусть немного (пока!) седая, пусть синяки под глазами, пусть морщины через весь лоб. Но это – она! Завтра она пойдет на работу и по дороге купит огромный букет цветов – Оленьке! Которая не верит рекламе и не боится быть собой.

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

ДИВЛЮСЬ Я НА НЕБО ТА Й ДУМКУ ГАДАЮ…

(Избранные места из «космического» блокнота)

Вместо предисловия

С недавних пор над моим письменным столом появились две большие фотографии, прикнопленные рядышком к стене.

Слева – реконструкция питекантропа, стоящего на фоне саванны. Справа – огромный монтажный цех, в котором инженеры NASA собирают телескоп Webb.

Иногда, в минуты перерывов, я устремляю взор на два этих снимка. Между тем, что на них запечатлено, пролегает полтора миллиона лет. Полтора миллиона!

Обезьяночеловек смотрит на меня; в его глазах – проблески мысли. У него грубые руки, только-только научившиеся пользоваться самыми примитивными инструментами: сколком камня, створкой подобранной раковины… может, он уже научился греться у подобранного природного огня, хотя не факт.

Интересно, подозревает ли питекантроп, что руки его отдаленных потомков соберут сложнейшую машину, которую перед этим придумают в голове, а после запустят в небеса при помощи прирученного огня? И что сложнейшая техника поможет потомкам раскрывать самые сокровенные тайны Вселенной? Вообще – смотрит ли когда-нибудь питекантроп на звезды?

Вряд ли. Ему не до тайн Вселенной, поскольку весь смысл его существования сводится к выживанию в саванне. К поискам и ловле того, что можно съесть, и к всяким ухищрениям для того, чтобы не быть съеденным самому. Желания и устремления питекантропа не сложны. Если обезьяночеловек и смотрит иногда в небо, то лишь во время дождей, обеспокоенно, – опять, мол, льет, надо где-то укрыться…

У его потомков через полтора миллиарда лет будет совсем иная жизнь, иные цели и иные устремления. Не сказать, чтобы лучше, не сказать, чтобы хуже, – просто ИНЫЕ.

Но начнется все со сколотых камней и найденных ракушек. И подобранного огня.

…Листаю рабочий блокнот, который называю «космическим»

9 февраля 2021. Руки человечества

...Со дня на день ожидается важное, на мой взгляд, судьбоносное даже событие... Практически одновременно к планете Марс подлетят межпланетные зонды ***«Аль-Амаль»*** («Надежда»), запущенный Объединенными Арабскими Эмиратами, китайский ***«Тяньвэнь-1»*** («Вопросы к небу») и американский ***Perseverance*** («Настойчивость»).

Я покатал это известие на языке подобно дегустатору.

Давнишнюю мечту человечества – достичь Марса – одновременно осуществили: арабская страна, живущая по законам шариата, крупнейшая азиатская держава, приверженная идеям коммунизма, и флагман западной цивилизации и капиталистического мира... Такое пестрое человечество протянуло такие разные руки к Красной планете!..

Это глубоко символично. Как символично и то, что «тройной финиш» у Марса

приходится на начало года Быка по восточному календарю. Как символично и то, что все три аппарата были запущены прошлым летом, когда человечество было уже поражено пандемией и предпринимало отчаянные усилия, чтобы выжить...

«Надежда». «Вопросы к небу». «Настойчивость».

Настойчивые вопросы к небу, в надежде... на что?

Поглядим.

Арабы, китайцы, американцы... Такое пестрое человечество одновременно протянуло такие разные руки к Марсу и почти прикоснулось к нему в канун года Белого Металлического Быка...

7 марта 2021. Я опечален...

Как говаривал в свое время рекламный Распутин с водочной этикетки – ***«Я опечален, друзья мои...»***.

Распутин опечален был тем, что водку имени его подделывают и тем самым порочат его доброе имя. Я же опечален совсем по другому поводу.

Совсем недавно к планете Марс подлетели три космических аппарата: арабский, китайский и американский. Последний, ***Perseverance***, высадил на поверхность Красной Планеты марсоход, чему многие из нас были свидетелями; китайский ***«Тяньвэнь-1»*** готовится высадить свой ровер, а ***«Аль-Амаль»*** будет изучать Марс с орбиты. И все бы ничего, но...

Я не только внимательно слежу за успехами в области изучения космического пространства, как любитель космонавтики, но и как непрофессиональный социопсихолог (а любой писатель и журналист – в достаточной мере социопсихолог) отслеживаю реакцию самых разных слоев общества на вышеозначенные успехи. И тут есть чему огорчаться, право слово.

Все три аппарата были запущены прошлым летом.

Известие о запуске ***«Аль-Амаль»*** вызвало в соцсетях большей частью озлобленную реакцию; если суммировать всю эту озлобленность, то получается вот что: эти ...ные арабы уже распространяют свой терроризм и на космос, аппарат несет на себе тонны пластида, чтобы взорвать Марс, и вообще, как это смогла страна, до сих пор живущая по законам шариата, что-то куда-то запустить... Так реагировала обывательская масса, которая после 11 сентября 2001 года благодаря СМИ твердо усвоила: арабы – это непременно шариат, ***пластид*** и терроризм. Заметим в скобках, что и арабы дали немало поводов так считать, но масса, как всегда, возвела это в абсолют, и переубедить ее теперь будет очень трудно, несмотря на все запускаемые ОАЭ аппараты к Марсу или еще куда-нибудь.

То же и с ***«Тяньвэнь-1»***. Отлично помню, как летом минувшего года, после старта китайской миссии, соцсети наполнились одинаковыми и ожидаемыми комментариями, суть которых сводилась к двум пунктам: а) Китай запустил на Марс ***коронавирус*** и б) Китай везет на Марс ***коммунизм***. Обывательскую массу настрополила опять-таки пропаганда – тут и недоваренная поваром из Уханя летучая мышь, и выбранный страной путь развития, кой-кому сильно не нравящийся. Правда, сам Китай кашлять хотел на все подобные комментарии и невозмутимо вертел их на антенне стартовавшего к Марсу аппарата.

Perseverance... Он удачно посадил ровер на Марс, и уже переданы на Землю снимки марсианской поверхности и тамошних пейзажей...

...и что?

Я читаю комментарии под размещенными на Фейсбуке фотографиями с камер ***Perseverance***, и мне хочется по-волчьи завыть на Луну. Обывательская масса реагирует. Еще как реагирует! ***«Опять все это снято в павильонах Голливуда!», «Они так же долетели до Марса, как в свое время долетели до Луны»,***

«Стоило запускать аппараты в такую даль, когда точно такой же пейзаж можно снять у нас в Мохаве (варианты: «в пустыне Негев», «в Центральной Австралии», «в Монголии», «в Гобустане», «на пустыре за заброшенным заводом в Стерлитамаке»)», «А это как раз в Калифорнии и сняли, опять людей дурят», и, как правило: ***«Чем бросать такие деньги на исследование никому не нужного Марса, лучше бы пустили их на здравоохранение (варианты: на образование, на культуру, на борьбу с голодом, на оздоровление экономики, на борьбу с нехваткой воды, на борьбу с мусором, на борьбу с экологическим кризисом)»***. И как вишенка на торте – те, кто-таки поверил в реальность высадки американского марсохода, зло замечают: ***«Ну вот, заср...ли вконец Землю, теперь заср...т и Марс»***... Одобряющих или просто радующихся крайне мало. В основном – вот эти плоские, пошлые комментарии обывательской массы...

Но имею ли я право осуждать этих людей? Никоим образом. Они – часть человечества, они – мои братья и сестры, в конце концов, они мои сожители по планете, и, безусловно, имеют право на свое собственное мнение... как, впрочем, и я имею право на свое. Нет, злиться я не вправе. Но я опечален. Я глубоко опечален, что эти люди думают именно так, и неважно, отчего это происходит: от непонимания ли, от ограниченности, от озлобленности, от легкомыслия, от скептицизма, от врожденного стремления к ерничеству и высмеиванию все и вся, в силу ли излишней восприимчивости к пропаганде... А в последние месяцы человечество еще и измучено пандемией «Ковид-19», до Космоса ли? И углубляющееся социальное неравенство – до Марса ли? Все это следует учитывать... .

Сам-то я сызмальства относился к исследованию Космоса с любопытством и благоговением, успехам всех без исключения стран радовался одинаково, равно скорбел о жертвах и мучениках Космоса, из какой бы страны они ни были... И я в силу детского простодушия своего не помышлял, что может существовать и иная точка зрения. Но постепенно до меня, мальца, доходило ворчание старух о том, что вот опять, мол, космонавты полетели и испортили погоду, ворчание обывателей, что вот, мол, опять миллионы рублей в воздух выбросили, ворчание работяг о том, что лучше бы быт трудового человека улучшили, и ворчание интеллигенции о том, что лучше бы свои джинсы и магнитофоны научились выпускать... И я понял, что не все так просто.Тем не менее, я до сих пор сохранил прежнее свое отношение к космическим исследованиям – и не потому, что до сих пор не выпал из детства или, напротив, впал в него на старости лет... Просто я как ученый, как писатель, как философ, как человек, наконец, понимаю необходимость исследования Космоса – и ближнего, и дальнего. Но зачастую объяснить это обывателю просто не в состоянии – в самом деле, как объяснить необходимость того, чего нельзя ни съесть, ни выпить, ни поцеловать...

И это еще один повод для печали.

Повторяю, злиться на людей, которые думают так, как я описал выше, – я не вправе. Никак не вправе. Но знаете, что меня раздражает?

Пройдут десятилетия. И человечество все-таки достигнет Марса и колонизирует его, и, прежде чем заср...ть, сначала насадит там яблонь и всячески благоустроит...

...и вот тогда-то, когда духовные потомки нынешних романтиков и фанатиков все устроят и наладят на Красной Планете, – туда, на все готовенькое, ринутся духовные потомки сегодняшних обывателей, ринутся, расталкивая друг друга локтями и вопя: ***«Пустите! Я тоже хочу! Я имею право! Я плачу ДЕНЬГИ!!!»***

Так всегда бывает. Это Колумбу никак не хотели давать монет, корабли и людей для экспедиции; но когда Новый Свет был открыт – туда хлынули потоком за золотишком, за землей, за рабами, за воинской славой, в поисках лучшей доли и все такое прочее...

Ладно. Такова ***конфигурация фигур***, и по-иному быть не может в этом лучшем из миров.

Пусть каждый остается при своем. Энтузиасты и романтики пусть радуются, обыватель пусть ерничает, скептики пусть вкладывают персты свои в присланные с Марса фотографии.

Это – человечество в натуральном своем виде, и других людей у меня для нас нет...

Но, Галилея перефразируя, скажу: и все-таки Космос исследовать и осваивать надо!

Дивлюсь я на небо та й думку гадаю...

26 мая 2022.

Аэрокосмический и технологический фестиваль ***TEKHOFEST Azerbaijan*** начался сегодня. В его рамках турецкие и азербайджанские пилоты показали авиашоу над Баку и Бакинской бухтой.

Подобно многим и многим, я наблюдал за тем, что выделывают в небе пилоты на своих машинах, и одолевали меня смешанные чувства.

С одной стороны я, человек сугубо гуманитарный, люблю всякую ***технику***, это проявление машинной цивилизации. Более того, человек сугубо миролюбивый, я восхищаюсь военной техникой, ибо именно в ней мысль конструкторов принимает максимально отточенную, рациональную форму... Война – это война, тем более современная, и все эти железные звери, птицы, левиафаны, нашпигованные электроникой, построены для того, чтобы в адской дуэли наземного, воздушного или морского боя успеть плюнуть огнем или ракетой на доли секунды раньше противника. И для этого всей этой ***феррофауне*** требуются в том числе изворотливость, высокая проходимость и дикая скорость... И еще – люди, должным образом обученные.

И, восхищаясь обводами кораблей и субмарин, очертаниями танков или, вот как сейчас, силуэтами и пируэтами истребителей и геликоптеров, я всегда помню, что вся эта красота создана для убийства, и ничего тут не попишешь...

Потому-то и дивлюсь я на небо та й думку гадаю... правда, не как в той песне – почему, мол, Господь не дал мне крыльев, чтобы я мог сняться отсюда и улететь в поисках лучшей доли... но думки мои, тем не менее, столь же невеселы...

Сколько мне было полвека назад – двенадцать? Юнец, я, подобно многим тысячам таких же юнцов, верил, что в начале двадцать первого века человечество навсегда покончит с войнами, сдаст все танки и бомбардировщики в переплавку, понастроит вместо них космических кораблей и высадится на Марсе, Венере, спутниках Юпитера, Сатурна, Урана…

Одного я тогда не принял в расчет – что человек, сволочь такая, не желает жить в мире, как его туда ни тяни, а все норовит повоевать. И мы и по сей день все хвастаем и хвастаем Супермашинами для Супербойни, способными разнести в пыль уже не квартал или весь город, а и целый континент. Являющимися, по сути, до предела усовершенствованными костяными дубинками питекантропа, которыми тот проламывал череп своему собрату из чужого племени.

Но, провожая взглядом боевые вертолеты и истребители, проносящиеся над Баку в майском небе, я, помимо воли, восхищаюсь – до чего же красивы, черти! И до чего же ловко управляются с ними пилоты! Это восхищается сидящий во мне малыш-милитарист, обожавший в детстве оловянных солдатиков и заводные танки. А юный пацифист и романтик, сидящий во мне же, тянет и тянет печальную украинскую песню...

А зрелый рационалист, сидящий все во мне же, трезво рассуждает: ну, раз уж человек, мать его ети, не желает жить в мире и в ладу с другими себе подобными –

то придется, трам-тарарам, выдумывать и строить все новые и новые такие вот машины для убийства, чтобы уцелеть самим, а Марсы-Сатурны подождут до лучших времен...

Но есть еще один ***Я***, который помнит, что люди где-то строят не только боевую технику, но и несколько иную.

28 мая 2022.

Второй день аэрокосмического и технологического фестиваля ***TEKNOFEST Azerbaijan. Baku Crystal Hall.***

В глазах рябит от множества посетителей разных возрастов и от разнообразной техники. В силу личных предпочтений некоторые из экспонатов привлекают мое внимание больше других.

Например, робот-сапер ***Defender***: манипулятор на шестиколесной тележке; способен находить и обезвреживать различные взрывные устройства, а также самостоятельно перенести подозрительный предмет на любое расстояние без участия человека; робот может сунуть этот предмет в специальный бункер и самостоятельно обезвредить его, окажись предмет действительно бомбой… Такие роботы будут, безусловно, полезны в деле разминирования освобожденных земель Карабаха… А вот ***дрон***. И дрону найдется применение как в мирных, так и в военных целях. Военных. Война…

Я гляжу на робота-сапера, на дрон, и перед моими глазами мысленно возникает совсем другая техника, похожая, но другая.

Два с небольшим года назад марсоход NASA ***Perseverance*** («Настойчивость») успешно сел в Северном полушарии Марса, в кратере Джезеро. Тоже шестиколесный ровер, и тоже с механической рукой-манипулятором, но предназначенный для совсем иных целей, нежели робот-сапер, и потому богаче оснащенный аппаратурой и приборами. С тех пор ***Perseverance*** наездил по Марсу несколько километров, проводя разнообразные исследования и посылая данные на Землю…

Но это еще не все.

Под своим днищем марсоход принес на другую планету складной вертолетик-беспилотник ***Ingenuity*** («Изобретательность»). По виду это небольшой кубик весом в два килограмма, с собственным двигателем, с парой винтов. Специалисты NASA символически положили под солнечную панель вертолетика маленький кусочек материи, которой были обшиты крылья легендарного самолета братьев Райт – самого первого в мире.

Ingenuity совершил за все это время 28 полетов на разной высоте и на разное расстояние… пусть даже и небольшое… снимая Марс сверху. Он стал первым в истории летательным аппаратом тяжелее воздуха, совершающим управляемые полеты в атмосфере другой планеты!

…Изобилие и разнообразие техники, представленной на ***TEKNOFEST Azerbaijan,*** просто поражает. И турецкие, и азербайджанские пилоты вновь совершают тренировочные полеты над Баку, демонстрируя фигуры высшего пилотажа, рисуя в небе разноцветные полосы.

А когда на землю опустится ночь, я найду взглядом в небе красноватый Марс. Разумеется, не разглядеть отсюда ни ***Perseverance***, ни ***Ingenuity***, даже в самый сильный телескоп. Но я знаю – они ***там***, и они работают, так работают, как люди повелевают им отсюда.

И буду я вновь дивиться на небо та й думку гадать – когда же, когда наступит то время, при котором нам более не понадобятся больше ни роботы-саперы, ни боевые вертолеты, ни истребители, ни смертоносные беспилотники, а все земные технологии перестанут работать на войну и будут работать на науку? На исследование других планет, в частности…

Когда?..

30 мая 2022. Территория ***Baku Crystal Hall***, Баку. Аэрокосмический и технологический фестиваль ***TEKNOFEST Azerbaijan***, день третий.

Мирная и военная техника соседствуют друг с другом на выставочных площадках, и справа можно увидеть, например, легкий вертолет, предназначенный для нужд гражданской авиации, а слева – бронеавтомобили с задранными в зенит стволами крупнокалиберных пулеметов…

…или, скажем, легендарный ***«Bayraktar TB2 SIHA»***.

«Знаменосец», в переводе с турецкого. Ударный оперативно-тактический средневысотный беспилотный летательный аппарат с двигателем внутреннего сгорания и воздушным винтом толкающего типа! Ффу, ну и длинное название, словно титул какого-нибудь короля… Но, собственно, в воздухе он – король. «Байрактары» были хорошим подспорьем для нас во время 44-дневной войны за освобождение оккупированных земель Карабаха.

Кстати, ***TEKNOFEST*** посетил сам Сельджук Байрактар, технический директор компании ***Baykar Teknoloji***, «отец» этих – и еще других – машин… Он даже полетал в небе над Баку на истребителе МИГ-29 азербайджанских ВВС.

«Bayraktar TB2 SIHA». Я видел его в деле – не в натуре, правда, а в записи, по телевизору. Вид сверху. Земля – словно карта; техника противника – будто спичечные коробки; солдаты противника – чисто муравьи; разрывы напоминают вспухающие мутные пузыри. Сверху и без звука все это выглядит не так уж и страшно, но я, как человек понимающий, не хотел бы оказаться там, внизу, в момент ракетного удара…

А вот беспилотник ***«Bayraktar Akinci TIHA»***. Он прибыл сюда совершенно самостоятельно, стартовал из Турции, пролетел 2 тысячи километров над территориями трех стран и благополучно сел в Международном аэропорту имени Гейдара Алиева; такой длительный перелет – первый в истории турецкой авиации.

«Akinci» назван так в честь средневековой турецкой маневренной кавалерии. У этого дрона титул покороче – штурмовой беспилотный летательный аппарат – зато он обладает более высокой огневой мощью и может нести с собой крылатые ракеты…

Малыш-милитарист, сидящий во мне, полон восторга и не прочь сфоткаться на фоне ***«Akinci»***… но тут его одолевает юноша-романтик, увлеченный Космосом. Ну, что ты, бубнит романтик, делать тебе нечего, ***«Bayraktar»*** – все ж-таки техника боевая, а ты в душе пацифист; помечтал бы лучше сняться на фоне беспилотника, который NASA построил для исследования Титана, одного из естественных спутников планеты Сатурн…

…Да, я писал об этом еще десять лет назад, о дроне ***AVIATR***, летательном аппарате для воздушно-десантной разведки Титана, разработанном в Университете Айдахо (США)… Титан давно привлекает пристальное внимание ученых разных специальностей, от астрономов до химиков и биологов. Питаясь от радиоизотопной батареи, самолет весом с центнер смог бы летать в небе Титана целый год, составляя карту поверхности, анализируя состав атмосферы, измеряя силу и направления ветров…

Увы, сфоткаться на фоне космического беспилотника вряд ли мне удастся – его так и не построили и не запустили, дело уперлось в нехватку финансирования. А вот рядом с другим беспилотным летательным аппаратом, предназначенным для исследования того же Титана, я, при благоприятном стечении обстоятельств, сфотографироваться вполне мог бы.

Я имею в виду ***Dragonfly***, «Стрекозу», роботизированный вертолет-лабораторию, созданный NASA. Несмотря на устрашающий вид, это абсолютно мирная машина. «Стрекозу» планируют запустить в 2027 году, в 2036-м аппарат должен достигнуть поверхности Титана и проработать там в течение трех лет, пока позволит радиоизотопная батарея. Взлетать – и садиться, взлетать – и садиться, взлетать – и

садиться… всякий раз на новом месте… и собирать, собирать, собирать данные! Интерес к Титану, повторяю, весьма велик. Хотя это очень негостеприимный и некомфортный (с нашей точки зрения) мир – мороз минус сто сорок, равнины и горы из водяного льда, дюны из бензола, озера из жидкого метана, облака из азота, снег из замерзшего аммиака… Цель миссии? Поиск жизни. У биологов все более крепнет уверенность, что на Титане имеется жизнь, предположительно – простейшие организмы, приспособившиеся к нелегким условиям…

Чего это я постоянно сбиваюсь на Космос, спросит кто досадливо. Так ведь, отвечу, в названии фестиваля присутствует слово ***«космический»***, а оно вызывает у меня вполне определенные ассоциации.

…Над головами низко проносится истребитель, рождая сильный гром. Уж не сам ли Сельджук-эфенди пилотирует эту машину?

Стемнело. Ушел еще один день, жаркий, суетливый, насыщенный впечатлениями.

Взглядом ищу в небе Сатурн – ***в созвездии Весов, ха***. Где-то с ним рядышком – пресловутый Титан.

И вновь – дивлюсь я на небо та й думку гадаю… Уже как пожилой рационалист, сменивший маленького милитариста и юного романтика.

Ну как совместить все это в сознании, и как все это уживается в реальности – броневики с пулеметами и марсоходы? Истребители и беспилотники для других планет? «Bayraktar»ы и вертолетики для изучения Титана?

Как могут соседствовать на одном шарике упорный труд ради уничтожения жизни на своей планете и не менее упорный труд ради поиска жизни внеземной?

Ответ напрашивается неутешительный. Диалектический. Так ***устроен*** мир, что одни умы обязаны творить танки и истребители, чтобы другие умы в то же самое время могли строить космические корабли и межпланетные автоматические зонды. И наоборот – романтики и пацифисты, разрабатывающие миссии для изучения Космоса, параллельно «кормят» своими идеями военно-промышленные комплексы.

Такая уж мы ***дурная*** цивилизация.

Такая уж мы ***прекрасная*** цивилизация.

Такие уж мы…

4 апреля 2022. Царский подарок

2 апреля сего года на Марсе случилось солнечное затмение, а именно: на фоне Солнца пролетел один из естественных спутников планеты – Фобос. Такое, в общем-то, на Марсе случается регулярно, поскольку обе марсианские «луны» вращаются по надлежащим орбитам и нет-нет да и пробегут на фоне солнечного диска... но на сей раз затмение было заснято на видео американским марсоходом ***Perseverance***, с помощью камеры ***Mastcam-Z***. И передано на Землю. И любой желающий может сейчас посмотреть, как космический булыжник диаметром в двадцать два километра пересекает темным пятном тускло-красный солнечный диск – быстро пересекает, за 40 секунд... Если бы NASA вдруг вздумало сделать мне, азербайджанскому писателю-фантасту, подарок ко дню рождения – оно не нашло бы ничего лучшего, нежели это видео.

Рожденный в 1960-м, я был вскормлен и вспоен лучшими образцами советской и зарубежной фантастики, а тогда, более полувека назад, в воображении фантастов разных стран люди уже осваивали Марс и своими глазами наблюдали и солнечное затмение на Красной планете, и много всяких разных интересных вещей. Причем даже не в XXI веке, а еще к концу века XX-го. Тогда действительно думали, что успехи космонавтики сделают возможным освоение планет Солнечной системы в самое ближайшее время.

Может, оно так бы и случилось, но человечество вместо этого занялось всякой ***муйней***, затормозив и даже искривив свой благородный путь, и на сегодняшний день мы имеем то, что имеем: на Марсе, в кратере Джезеро, стоит закинутый с Земли ровер и снимает прохождение Фобоса по солнечному диску (хотя, разумеется, Perseverans занимается на Красной планете не только этим)... Аппарат вместо человека. Но и это неплохо. На сегодняшний день, поверьте, и это неплохо. Если в той гнойно-кровавой каше, которая бурлит сейчас на Земле, кто-то еще озабочен и исследованием Марса хотя бы аппаратами, – все не так уж и плохо на сегодняшний день...

NASA, спасибо за подарок! Подарок воистину царский.

Спасибо лично от меня – и от той очень небольшой части человечества, которая способна этот подарок оценить.

Желаем дальнейших успехов!

12 июля 2022. Шаг вперед, взгляд вдаль...

Сегодня мне, увлеченному Космосом, есть чему порадоваться: космический телескоп ***«Уэбб»***, запущенный 25 декабря 2021 года на смену космическому же телескопу ***«Хаббл»***, передал самое четкое и детальное инфракрасное изображение далекой Вселенной! Это один из первых полноцветных снимков, переданных телескопом. Снимок опубликовало NASA.

Изображение состоит из нескольких снимков, сделанных инфракрасной камерой телескопа, и показывает скопление галактик SMACS 0723, ***«каким оно было 4,6 миллиарда лет назад»***. Съемка в общей сложности шла 12 с половиной часов.

«Джеймс Уэбб» (англ. James Webb Space Telescope, JWST) – новейшая орбитальная инфракрасная обсерватория, названная в честь администратора NASA, отвечавшего за подготовку легендарной программы Apollo. Является самым крупным космическим телескопом с самым большим зеркалом из когда-либо запущенных человечеством. Над его созданием работали несколько организаций – Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA), Европейское космическое агентство (ESA) и Канадское космическое агентство (CSA).

Главная цель аппарата – наблюдение эпохи образования первых звезд и галактик, отстоящей от нас по времени на 13 с половиной миллиардов лет назад. Из-за красного смещения, вызванного расширением Вселенной, ультрафиолетовое излучение и видимый свет, идущие от первых светящихся объектов, доходят до Земли в инфракрасном диапазоне. Явление можно наблюдать с помощью телескопа «Уэбб", поэтому иногда его называют ***«машиной времени»***... Также в задачи его входят обнаружение экзопланет и изучение малых тел Солнечной системы.

По поводу ***«самого большого зеркала»*** следует уточнить вот что. Самое большое монолитное (цельное) зеркало – 3 с половиной метра – все-таки у орбитального телескопа ***«Гершель»***. На ***«Уэббе»*** же зеркало действительно больше аж вдвое, но изготовлено оно из 18-ти шестиугольных сегментов (материал – позолоченный бериллий), и в Космос отправлено было в сложенном виде, поскольку иначе его ракетой-носителем ***«Ариан-5»*** никак было не запустить. И это гениальное решение, придуманное американскими, европейскими и канадскими инженерами, восхитило меня до крайности: уместить зеркало в ракете сложенным, а потом, на орбите, его расправить! Респект! Респект и уважуха!!! Правда, процесс расправления и окончательной подгонки сегментированного зеркала продолжался неделю и стоил нервов как инженерам, так и мне, ибо я следил за миссией с самого ее старта...

Это была поистине ювелирная работа, управляемая с Земли. Каждый из 18-ти сегментов выравнивался с точностью до одной десятитысячной толщины человеческого волоса; малейший перекос хотя бы одного из сегментов свел бы смелый проект общей стоимостью 8,8 миллиарда долларов к нулю; к счастью, подгонка зеркала

прошла безукоризненно, и теперь вокруг ***точки Лагранжа*** (точки, в которой силы притяжения двух космических тел уравновешиваются) вращается подобие спутниковой тарелки, укрепленной на специальной платформе, которое успешно наблюдает и фотографирует в инфракрасном диапазоне глубины Вселенной и передает снимки на Землю...

(Помнится, в интервью, данном в январе журналисту одной из азербайджанских газет, я назвал успешное расправление зеркала телескопа ***«Уэбб»*** самым выдающимся научным событием начавшегося года – наряду с успехом китайских физиков, в течение 17 минут удержавших в термоядерном реакторе разогретую до температуры 70 миллионов градусов плазму, и успешной пересадкой американскими хирургами человеку сердца генетически модифицированной свиньи...).

Никогда не делящий успехи в области освоения космического пространства на ***«свои»*** и ***«чужие»***, никогда не злорадствующий по поводу «чужих» неудач, радующийся любому новому достижению, я воспринимаю первые полученные ***«Уэббом»*** снимки как победу всего мыслящего человечества, как мощный научный прорыв. В самом деле, Природа – или Господь Бог – во многом ограничили способности Человека. Но – не Разум. И Разум в конце концов дал возможность взглянуть в умопомрачительные глубины Вселенной ***так***, как не может взглянуть физически невооруженный человеческий глаз... и увидеть эти глубины так, как невооруженный человеческий глаз опять же увидеть не в состоянии...

А «Уэбб» увидел и передал нам изображения тысяч галактик!

И уже определены первые пять целей для ***обсервации***: туманность Киля в одноименном созвездии; туманность ***Южное Кольцо***, расширяющееся облако газа, окружающее умирающую звезду; ***квинтет Стефана*** в созвездии Пегаса, пять галактик, «сбегающихся» друг к другу; планета-гигант ***WASP-96b***, год на которой быстротечен и длится три земных дня; массивные скопления галактик ***SMACS 0723***…

Названия словно бы пришли ко мне из моих горячечных детских и юношеских мечтаний, возбужденных фантастическими книжками и фильмами... Хвала Творцу – осуществление многого из неосуществимого тогда я успеваю увидеть еще при жизни...

Успехи «Уэбба» – это шаг вперед, и какой Шаг! И – взгляд вдаль, но в какую Даль!..

Поздравляю разумное человечество!

P.S. К слову о телескопах

Недавно довелось присутствовать на одном мероприятии… После захода солнца знакомые школьники наблюдали за вечерним небом в телескоп – хороший, красивый прибор заводского изготовления, ***Bresser,*** сработанный немцами. Я не удержался от ностальгических воспоминаний и рассказал о том, как мы со школьным приятелем полвека назад, в начале 70-х, строили самодельный телескоп по чертежам, напечатанным в популярном журнале «Юный техник». Дети слушали с интересом, но одна из присутствующих родительниц, раскрашенная дамочка лет тридцати, сказала с ноткой презрения, что вы, мол, жили в нищем «совке», где и телескоп-то для ребенка купить было невозможно, вот и приходилось лепить его из всякого г…на (она так и выразилась), не то что сейчас, когда можно купить в магазине что угодно (она кивнула на Bresser). Я посмотрел на нее, вздохнул, но ничего не сказал. Судя по всему, родилась дамочка где-то в 90-м, и о жизни в так называемом ***«совке»*** имела далеко не полное представление. Во-первых, в то время можно было приобрести так называемый школьный телескоп системы Максутова, с 50-кратным увеличением; не сказать, что он буквально валялся везде, но если договориться с магазином учебных пособий – а таковой в Баку имелся, – то стать владельцем недорогого прибора было вполне реально, с помощью родителей, разумеется. А во-вторых… Конечно, при-

обрести настоящий, заводской телескоп – очень хорошо, но многие сейчас не представляют, как же это было здорово – самому, а еще лучше на пару с приятелем смастерить телескоп своими руками! Сворачивать листы ватмана и промазывать их клеем, чтобы получить в итоге две трубки, одна из которых вставлялась в другую; потом тщательно выбирать в магазине «Оптика» подходящие линзы и собирать из них объектив и окуляр (телескоп-то мы делали – ***рефрактор***, то есть на линзах, а не зеркальный), и вставлять стекла в трубки, и тщательно подгонять всю эту оптику… А потом выпросить у знакомых фотографов треногу (или сколотить самим), установить на ней готовый телескоп и навести на ночное небо, и, сменяя друг друга, смотреть в стеклышко на Луну, на далекие звезды, на Марс, Юпитер, Венеру… Получаемое от наблюдения за небесными телами удовольствие усиливалось стократ от сознания, что эту вот штуку ты сделал сам, руками, растущими отнюдь не из ***афедрона***!..

Многие сейчас не поймут той радости. Грубый автомат, вытесанный из деревяшки и снабженный самодельной трещоткой… Обычная гитара, снабженная самодельным звукоснимателем и превращенная в электрогитару… Собранный самолично приемничек на транзисторах, в корпусе из мыльницы… Более серьезные игрушки и устройства, творения рук юных любителей науки, техники и музыки… Насколько ж они были милее того, что продавалось в магазинах! Сейчас горазды сваливать все эти действия на «совковую» бедность, хотя и в этом есть своя правда… но совершенно не учитывая при этом творческий дух молодежи того времени и ощущение ***победителя***, которое сопровождало всякую успешно собранную и заработавшую самоделку!

Ничего не имею против достатка и приобретательства, особенно когда они идут на пользу любопытным детям. Да, при этом тоже испытываешь удовольствие – удовольствие ***приобретения***, но зато начисто лишен удовольствие ***творчества***… И какая из этих двух эмоций сильнее – еще вопрос. (Вспомнился старый советский мультик, сказка… Царевна дала слово выйти замуж лишь за того, кто построит Летучий Корабль. Царь спрашивает одного из претендентов на руку и сердце дочери, богатого боярина: ***«Построишь Летучий Корабль?» «Куплю»***, – коротко отвечает боярин).

…Чтобы придумать, собрать, запустить в Космос и отладить на орбите телескоп ***«Уэбб»***, потребовались, ясен перец, большие деньжищи. Но работали за эти деньги – люди, которые еще мальцами наблюдали за звездами в телескопы. В том числе и в самодельные…

11 января 2023.
«Моя энергия на исходе…», или Смерть автомата

Казалось, совсем еще недавно я поздравлял NASA с успешной посадкой на Марс зонда ***Mars InSight***, предназначенного для изучения недр Красной Планеты. И все это время зонд, образно говоря, чутко прослушивал, будто врач стетоскопом, планету Марс...

...и вот...

...23 декабря 2022 года NASA официально объявило о завершении миссии ***Mars InSight***. Как сообщается на сайте агентства, решение об ее окончании было принято после двух неудачных попыток связаться со станцией. При этом специалисты продолжают следить за возможными сигналами от аппарата, однако возможность восстановления связи считают крайне маловероятной. Последний раз ***Mars InSight*** выходил на связь 15 декабря минувшего года.

Завершение миссии до конца 2022 года в NASA прогнозировали давно. Дело в том, что за несколько лет работы солнечные панели аппарата покрылись толстым слоем марсианской пыли, из-за чего ***Mars InSight*** не мог в должной мере восполнить запасы энергии.

19 декабря прошедшего года NASA опубликовало последний снимок, сделанный аппаратом, и сообщение от «его лица»:

«Моя энергия на исходе, так что это может быть последнее изображение, которое я отправлю. Но не беспокойтесь обо мне: время здесь было продуктивным и безмятежным. Если я смогу продолжать общаться с моей командой, я это сделаю и скоро отпишусь здесь. Спасибо, что остаетесь со мной».

Сообщение, быть может, последнее, аппарата ***Mars InSight*** меня тронуло. Я живо представил себе Марс, стылую красноватую пустыню и посреди нее – механического разведчика с Земли, выполнившего возложенные на него обязанности и угасающего вдалеке от родины. Запыленные солнечные панели перестали питать энергией аппаратуру станции, и она начала «задыхаться», подобно, например, человеку, легкие которого поражены раком или COVID-19. Вспомнились почему-то последние слова Роберта Скотта, замерзшего на обратном пути от Южного Полюса, вернее, его последняя запись в блокноте: ***«Ради Бога, не оставьте наших близких!»***

Mars InSight выразился иначе. Он ведь не человек. Он не эмоционален. Вернее, безэмоционален. Но есть в его последнем послании что-то такое... В общем, носи я шляпу – снял бы ее перед умирающим на далекой планете автоматом.

Вы считаете, это глупо и смешно – скорбеть об агонизирующем автомате, как о человеке? Считайте, что хотите. Возможно, космические зонды, засылаемые нами к другим планетам, не есть сложноустроенные, но бездушные машины, возможно, когда-нибудь мы к своему изумлению узнаем, что и они способны были к самостоятельным размышлениям и даже к переживаниям, просто мы этого еще не поняли.

Во всяком случае, если б мне дали такую возможность, я бы написал прощальное письмо ***Mars InSight-***у, в котором поблагодарил бы аппарат за проделанную работу и проявленное мужество и постарался бы как-то подбодрить его в последние его дни. Подбодрить, утешить... Я нашел бы простые, но нужные слова. И попросил бы NASA отправить это письмо в виде радиосигнала на Марс; сорвавшись с кончиков антенн, послание минут через 15 было бы принято умирающим автоматом...

Стало бы ему от этого хоть немного легче? Не знаю. Но я бы тем самым выполнил свой человеческий долг перед автоматом, выполнившим свой долг перед людьми.

Тому, кто вздумает негодовать («он жалеет бездушную машину, в то время как более достойны жалости несчастные люди, бездомные животные!»), спокойно отвечу: сердце у меня большое, как у кита-полосатика, моей жалости и сострадания достанет на всех.

Но ум мой устроен несколько иначе, чем у других. Я порой способен и в машине почувствовать личность.

Две цветные фотографии прикноплены к стене в моей комнате, питекантроп в саванне и строящийся телескоп «Уэбб». Между двумя этими сюжетами – полтора миллиона лет. И это славно, что обезьяночеловек стал человеком и способен на технические чудеса. Теперь не менее важно, чтобы с помощью других технических чудес человека не отбросили обратно в питекантропы, и куда быстрее, чем за полтора миллиона лет…

Январь 2023
Баку